

**ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ,
ПОЛИТОЛОГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ
КОМИТЕТА НАУКИ
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

**ЭТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УЧЕНЫХ**

**Алматы
2014**

УДК 001:17
ББК 72:87.7
Э 90

*Рекомендовано Учёным советом Института философии,
политологии и религиоведения КН МОН РК*

Под общей редакцией

З.К. Шаукеновой, члена-корреспондента НАН РК,
доктора социологических наук, профессора

Рецензенты:

Г. Котошева, доктор философских наук, профессор
А.А. Хамидов, доктор философских наук, профессор
М.З. Изотов, доктор философских наук, профессор

Авторский коллектив:

З.Н. Сарсенбаева, доктор философских наук (руководитель авторского
коллектива) (*введение, раздел 4, заключение*);
С.Ю. Колчигин, доктор философских наук, профессор (*раздел 1*);
А.Б. Капышев, кандидат философских наук, доцент (*раздел 2*);
А. Сагикызы, доктор философских наук, доцент (*раздел 3*).

Э 90 Этика и социальная ответственность ученых. Коллективная моно-
графия / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. – Алматы: Институт философии,
политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. – 144 с.

ISBN – 978-601-304-030-1

Наука в своей истории постоянно сталкивалась с вопросами этического характера. Перед лицом современных глобальных проблем эти вопросы приобрели еще большую остроту. Поэтому сегодня необходимо изменение науки в сторону раскрытия ее гуманистического потенциала: только в этом процессе она приобретет содержание, благоприятное для полноценного раскрытия и расцвета сущности и творческих возможностей человека. Наука уже не только допускает, но и требует включения нравственных императивов и ценностей в деятельность ученого. Как личность, ученый должен взять на себя ответственность за последствия своих научных занятий, а как субъект познания – за строгость и эффективность своих научных построений. Сегодня на смену «человеку разумному» должен прийти «человек ответственный».

Республике Казахстан, как и всему мировому сообществу, предстоит в ближайшем будущем найти инновационные пути развития науки, которые в то же время базировались бы на прочном социально-этическом и аксиологическом фундаменте. В этом контексте в монографии показаны не только многообразные стороны соотношения науки и этики, но также проблемы и перспективы науки в Казахстане, вклад казахстанских ученых в продвижение этически фундаментальных и социально-гуманитарных научных проектов.

Книга адресована ученым, организаторам науки, учащимся вузов, широкой читательской аудитории.

УДК 001:17
ББК 72:87.7

ISBN – 978-601-304-030-1

© Институт философии, политологии
и религиоведения КН МОН РК, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1 НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ В ЭТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ.....	9
2 ОНТОЛОГИЯ ПРАВСТВЕННОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧЕНОГО.....	40
3 ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	72
4 СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАЗАХСТАНСКИХ УЧЕНЫХ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НАУКИ И ПОТЕНЦИАЛА НАЦИИ.....	100
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	136
Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті Философия, саясаттану және дінтану институты туралы мәлімет.....	138
Информация об Институте философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.....	140
Information about the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies of Committee Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan.....	142

ВВЕДЕНИЕ

Наука и техника – главные движущие силы социально-экономических изменений в обществе, с их помощью человечество с поразительной скоростью изменяет окружающую среду. Если еще совсем недавно достижения и завоевания науки вызывали восторг, бесконечное доверие, непоколебимый оптимизм, то в последнее время такое восприятие сменилось широко распространившимся недоверием, страхом, пренебрежением и отрицанием. Возникли сомнения в единстве целей, устремлений науки и общества, общечеловеческих социально-этических и гуманистических принципов и этических норм современной науки, в сократовском постулате о том, что «знание и добродетель неразрывны».

Нынче в науке зачастую видятся источники многих бед и кризиса, проявления повсеместного использования достижений науки властвующей элитой в корыстных целях ради обогащения. Общество перешло от поклонения науке – к антинаучным установкам, от завышенной оценки науки и технологий как абсолютного и безусловного блага – к представлению как о феноменах, в корне противоположных благу. Обе эти позиции ошибочны: несомненно, наука и технология суть благо, но не безусловное благо, и невозможно отрицать, что, по мере своего развития (особенно в последнее время) они повернулись к нам рядом негативных сторон. Действительно, многие произошедшие изменения не могут не вызывать беспокойства. Готова ли наука к той ответственности, которую влечет за собой ее участие в этом процессе? Не пора ли пересмотреть заново цели и ценности научной деятельности?

Традиционно наука рассматривалась как составная часть развития человека на пути познания и углубленного понимания устройства мира, в которое сегодня человек столь активно

вмешивается, и как благо для человечества. Длительное время образ науки оставался положительным, хотя отношение общества к науке менялось. Сейчас во многих странах люди больше не воспринимают науку как благо и не склонны так легко ассоциировать ее с классическим поиском путей к более просвещенной цивилизации. Снижается вера в честность и ответственность ученых, уступая место отчасти подозрениям и опасениям перед возможностью всякого рода злоупотреблениями и недобросовестности в науке. Безграничное доверие, непоколебимый оптимизм и безусловное одобрение достижений науки и техники сменились упреками, опасениями, рассмотрением их как носителей зла.

Развитие осуществляют человеческие существа, что в принципе допускает целесообразность и направленность. В XIX в., не говоря уже о XVII и XVIII вв., когда наука еще не была профессией, а, скорее, любительским хобби, ученому достаточно было руководствоваться установкой на ценности новизны, научной честности, служения истине. Взятая же, как просто система знаний (т. е. рассматриваемая с точки зрения ее содержания), наука не имеет этического измерения. Но, как человеческая деятельность – деятельность, направленная на получение знания, наука не может уклониться от общих характеристик любой человеческой деятельности, неизменно направляемой выбором, движимой ценностными суждениями, которые учитывают весь спектр ценностей, а не одну только познавательную ценность. Отсюда – нельзя отрицать ответственности научного сообщества относительно других ценностей, принимаемых в обществе, и ответственности других социальных институтов (экономических, политических, религиозных и т. д.) за соблюдение прав науки.

Одной из примечательных особенностей современной науки является очевидная нечувствительность многих ученых к тем этическим проблемам, которые порождаются их же исследованиями. Безусловно, подобная проблема возникла отнюдь не в один день, а имеет свою длительную и содержательную историю. Долгое время главной ценностью науки были «беспристрастность» и «объективность», все исследования прово-

дились, излагались и обсуждались совершенно обезличенно, вне этических измерений. До середины XIX в. считалось, что этические проблемы науки возникают в исключительно редких случаях и касаются лишь отдельных областей научных знаний (физики, биологии, генетики, психологии). В истории науки можно выделить длительный период, когда идеал науки был полностью свободен от человеческой субъективности. Через все классическое естествознание, начиная с XVII в., проходит идея, согласно которой, объективность и предметность научного знания достигаются только тогда, когда из описания и объяснения исключается все, что относится к субъекту и процедурам его познавательной деятельности. Последние принимались как раз и навсегда данные и неизменные. Мирозренческие вопросы рассматривались как чуждые «холодному, безличному пути к истине», делались попытки превратить философию лишь в структуру и логику научного знания, независимо от мировоззрения.

Современная наука, включившая в сферу своего исследования особые объекты, затрагивающие человеческое бытие, уже не может быть «ценностно-нейтральной», она уже не только допускает, но и требует включения нравственных императивов и ценностей в деятельность ученого. Сегодня ученый несет большую ответственность как за цели и средства, так и за социальные последствия своей деятельности. Несмотря на тесное взаимодействие науки и нравственности, в истории культуры немало свидетельств и тому, что пафос и величие задач науки могут нередко служить оправданием для вещей антигуманных, бесчеловечных, поэтому неизбежно встает вопрос о нравственной ответственности ученого. Этика науки как социального института вызвана причинами, когда ее результаты начинают угрожать обществу, возникают угрозы существованию человечества, усиливается риск появления негативных последствий науки для биосоциальной природы человека. Появление новой этической парадигмы, экологической этики было вызвано растущими технологическими перегрузками на биосферу, которые с особой силой стали ощущаться в период начавшегося постиндустриального развития.

В XX в. многие ученые и философы заговорили о том, что наука, лишенная нравственных императивов, может поставить человечество на грань катастрофы, ибо наука утратила пафос искания изначальной целостности, универсальности бытия и пытается все разъять, расчлнить. Изобретение устрашающих орудий истребления, разрушение природной среды, создание технизированного мира рождает недоверие к науке. Усилились требования нравственности, отказа от взгляда на природу как объект бездумной эксплуатации ее человеком.

Занятия наукой – специфический род человеческой деятельности, суть которого – систематический процесс исследований, направленных на получение знаний, основанных на проверяемых результатах. Если раньше такие убеждения и ограничения относились к требованиям объективности результатов исследования, критического отношения к своим и чужим результатам и т. п., то теперь речь идет об ответственности ученых за исследования, которые могут нанести непоправимый вред обществу или поставить его перед катастрофой. Сегодня ученый должен почитать не только истину, но и общество. Объект его ответственности тоже изменился – он относится и к самому знанию, и к результатам его применения. Соответственно, не предмет изучения, а ученый-исследователь во всей совокупности своих характеристик становится фактором, определяющим и содержание, и логику полученного знания.

Сегодня ученому снова, как и в период становления науки, нужно быть совестью мира. Ему мало быть узким специалистом, нужны общие представления о мире и возможность высказываться по вопросам, затрагивающим основы человеческого бытия, рефлексия над смыслом своих научных занятий. По М. Хайдеггеру, специфика человеческого бытия состоит в том, что человек – одно из самых уникальных, наверное, во вселенной существ, которое может вопрошать о бытии – наконец, должен с полной ответственностью задать себе вопросы, которые касаются его ответственности за бытие – за созданные им самим угрозы планете и своему собственному существованию. Человек способен ответить на вызов бытия и на ту ситуацию, которая возникла в сегодняшнем бытии из-за его вмешатель-

ства. Ситуация такова, что во взаимодействие Человека и Природы входит нравственная и этическая проблематика.

Сегодня социальная миссия философа – быть проводником понимания сложности, хрупкости и непредсказуемости современного мира, соответствующих современной ситуации развития науки, техники и социальных отношений.

1 НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ В ЭТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Всякий познавательный процесс в значительной, если не сказать – решающей степени зависит от того мировоззрения, на которое сознательно или неосознанно, явно или скрыто опирается исследователь. Тем самым исходные основания процесса познания, его ход, его результаты и их интерпретация производны от изначальных мировоззренческих ориентиров познающего. Иными словами, возникает парадокс: познание, которое должно стремиться к объективности, на деле осуществляется на базе уже готового понимания мира; в свою очередь, миропонимание, которое должно было бы вытекать из результатов познания, по существу, эти результаты предопределяет.

Говоря еще иначе, способность познания – априорна, она существует независимо от человеческих желаний, она человеку дана. Но и мировоззрение (хотя бы и неполное, неверное, эфемерное) налично всегда.

Ясно одно: познание и мировоззрение идут рука об руку и, следовательно, принципиальное значение имеет вопрос о том, что же из них все-таки первично. Этот вопрос логично перевести в плоскость *проблемы начала познания*: с чего начинать познавать, с какого или каких основоположений.

Мировоззрение все-таки первично в сравнении с познанием. То или иное мироощущение – как примитивная форма миропонимания – присутствует уже у младенца.

Для приближения к правильному миропониманию важную роль играет логика познания. Тем не менее, к правильному мировоззрению, к Истине нельзя подойти с помощью одной только логики. Слишком много у логики привходящих, внешних для нее моментов: субъективный интерес исследователя; его скрытые, бессознательные желания; привычные представления, которые кажутся незыблемыми аксиомами, и т. д.

Кроме того, исследователь никогда не имеет всех без исключения фактов, касающихся предмета. Конечно, можно с помощью логики разрабатывать, углублять и расширять уже имеющееся мировоззрение. Но согласимся – это не то же самое, что вырываться на простор мировоззрения *истинного*.

Итак, чистая логика возможна лишь в качестве формальной, а в реальности она всегда опосредована мировоззрением. Точно так же и содержательная логика, логика познания, не может существовать как таковая. Она тоже всегда опосредована тем или иным мировоззрением. Выход из этого парадокса двуедин, как и сам парадокс: как можно строже применяя логику чистую, обосновать истинное мировоззрение, а на его основе – строить, расширять, развивать логику содержательную.

Поскольку познание опосредствуется мировоззрением, постольку логика сама по себе нейтральна и не может обеспечить истинности как таковая: для этого ей нужно опереться на что-то еще. Чистая логика есть логика формальная, математическая. Однако, как только она прикладывается к некоторым предметным или метафизическим содержаниям, она слишком часто перестает быть до конца логичной, она становится двойственной. Это доказывается, например, уже тем, что наука логики разрабатывалась идеалистом Гегелем, с одной стороны, и материалистами-марксистами – с другой. Иными словами, свою *содержательность* логика получает от исследуемой предметной области, а свое *содержание*, если угодно – свой *дух*, от мировоззрения, на которое опирается хотя бы и неосознанно.

Поэтому сегодня необходимо продолжать изыскания в этой области, следует только перевести их на новый уровень. Речь идет о том, что отныне проблемы логики и познания следует ставить и решать для начала на базе принципов *интегральной философии*.

Для того, чтобы найти, выбрать, сформировать истинное мировоззрение, универсальную «точку отсчета», нужна не просто содержательная логика познания Мира и человека, не просто опора на принцип всеединства и уж, тем более, не механическое суммирование «всего лучшего», что есть во всех мировоззрениях. Нужна тщательная и непредвзятая проработка

всех мировоззрений, их детальное сравнение между собою и выявление их перспектив и тупиков.

При этом важно сравнить и по возможности интегрировать не только дух и смысл этих мировоззрений, но и форму их выражения. Подразумеваются сопоставление и интеграция содержательного мировоззренческого потенциала понятия и образа, схемы и чувственной достоверности и т. п.

Понятийное мышление и образы-символы суть *корреляты*. Одно – не выше и не ниже другого. Идея кодирует и раскодирует себя в знаке-слове-образе-символе. Чистая мысль ближе к Первоистоку – чистому Полю смыслов, но символ-образ ближе к Конечной Цели – творчеству в Мироздании. Поэтому вполне правомерно то, что называют принципом метафоры в познании (Грегори Бэйтсон), метапоэтикой (в связи с «грезами» Гастона Башляра) и т. п.

С этой точки зрения теория познания, как и мировоззрение, должна стать действительно *интегральной, синтетической, целостной, многомерной*, т. е. учитывать и онтологические основания, и духовно-нравственные начала, и образные реалии, и т. д. Человек – существо многоуровневое и универсальное. Следовательно, познание также должно быть многогранным: оно призвано обеспечивать всестороннее развитие человека. В реальном и продуктивном процессе познания и его результатах как раз и проявляется многогранное человеческое творчество. При этом познание идет параллельными и пересекающимися, накладывающимися друг на друга волнами разнообразных форм. Среди них – философия, оккультизм, математика, музыка, т. е. формы понятийные, знаково-символические, художественно-образные. Все они в глубине своего существа суть одно и то же – проявления универсально-всеобщего характера человеческого мышления и деятельности.

Сказанное наводит на вывод, который представляется достаточно плодотворным и перспективным, а именно – о глубинном совпадении и единстве логики и искусства, философии, религии, науки, художественной литературы и т. д. Все эти формы, по глубоко верному выражению одного высокого духовного наставника современного человечества, «нельзя перечислять через запятую».

Соответственно, и *перспективы мировоззрения* следует видеть в глобальном синтезе его форм. Возможность такого синтеза вырастает уже из самой природы всех мировоззренческих проявлений. Так, например, философия исторически складывается и развивается в качестве рефлексии над откровением и над смыслом сакральных текстов. Это и понятно, ведь философия преследует целью изучение трансцендентных первопричин и метафизических сущностей, а они изначально даны человеческому сознанию и представлены именно в трансцендентальной форме передачи и хранения.

В едином миропонимании специфика всех форм мировоззрения и мироотношения сохраняется – до поры до времени, но каждая из них дополняет другие формы. При этом ни одна из этих форм в отдельности не может претендовать на роль абсолютной и единой, всеохватной.

Важен и другой момент. Глобальный теоретический синтез – задача огромной значимости, но это – еще далеко не всё. Полный синтез будет возможен только при условии формирования *единого миропонимания*. Не просто интегрального, а именно единого. А оно, как минимум, на несколько порядков масштабнее и сложнее глобального теоретического синтеза. Ибо оно должно отрефлексировать, во-первых, свое собственное содержание, во-вторых, свою собственную форму, в-третьих, радикально переосмыслить все знания, имеющиеся к настоящему времени, в-четвертых, интегрировать их в свое содержание и в свою форму.

В этой связи стоит напомнить еще раз: чистая логика – формальна, а содержательная – не всегда убедительна в своем содержании. Где же выход из этого тупика? Вероятно, в ценностях, в смысложизненных содержаниях теорий и концепций. А, следовательно, также во всемерном учете онтологии духа, структуры и значения человеческой духовной ткани, духовного измерения познания и т. д.

Характерным примером недооценки или, скорее, невозможности знания этого обстоятельства может служить классическая немецкая философия. Ни у кого из немецких идеалистов в их теоретических построениях нет *духовного начала*. Не в этом ли причина всех парадоксов, которые вытекают из этих

учений? В значительной степени и в последнем счете именно в этом. Ибо человек – существо, прежде всего, человеческое, и, следовательно, нравственность лежит в сфере духовного (нравственного). Между тем, немецкие мыслители производили ее из сферы разума (т. е. материального и идеального). В итоге различие теоретического и практического разума проистекало не из того, что в их основе лежит различный разум, а из различного применения разума [1].

Это действительно так, но вот беда. В этом случае выходит, что практический разум – т. е. нравственность – имеет происхождение рационалистическое, а, следовательно, договорное, по логике «разумного соглашения». Но тогда куда мы денем различие нравственности (безусловной морали) и морали как «легальной» (обусловленной и потому условной) этики? (А ведь и сам Кант хорошо чувствовал их различие.) Кант противопоставил нравственность чувственности. При этом следует добавить сюда еще один принципиально важный момент: чувственности *духовной* Кант как теоретик, следовательно, и вовсе не знал. А между тем, именно в ней – исток и смысл нравственного.

Поэтому-то нравственный смысл идеализма (читай: «духовность идеального», т. е., так сказать, «над-природное природного», или «сердечное головного») и составляет неразрешимую проблему. «Духовность идеального» – такой же оксюморон, как «духовность материального». Духовное, подчеркнем еще раз, не сводится ни к идеальному, ни к материальному, а составляет, так сказать, *третье измерение бытия*. Правда, в рамках указанной неразрешимости, конечно же, откристаллизовывались многие важные принципы и понятия, заострялись многие проблемы, нащупывались интересные решения. Но мировоззренческий синтез немислим без духовного компонента, не говоря уж о том, что сегодня востребуется еще и новое осмысление феномена духовности.

Если исходить в понимании человека из его разумности, то, чтобы сформировать человека целостного, всесторонне развитого, обладающего высокой нравственной ответственностью, нужно развивать его мышление, прививать ему подлинную мыслительную культуру. Соответственно, и в исследовании

объективного мира упор делается в этом случае на его логичность, законосообразность, гармонию.

Сегодня этого уже явно недостаточно. Разумность, действительно, пронизывает все мироздание – это следует уже хотя бы из того, что в мире есть *законы*, т. е. *логика*. Но в мире есть еще и духовное измерение. Поэтому в нынешний период важно исходить из понимания человека как существа духовного, нравственного, а, стало быть – из понимания бытия как имеющего своего рода «высший этаж», высший уровень в иерархии универсума – мир духовный, своеобразное «надбытие» (М. Бахтин) в бытии материальном.

Иначе говоря, этическое, духовное есть полноправное основоположение онтологии. Этические ценности составляют один из первейших критериев истинности мировоззрения. *Истинно то, что человечно*. Ведь подлинно всеобщее, а, значит, единственно истинное не есть «точка зрения вечности» или позиция «вне-находимости». Подобные «смотровые площадки» прошлой философии слишком безличны и безучастны к тем, кого из такой дали не видно, но которые наделены разумом и душой. Поэтому действительно универсальной системой отсчета в сфере мировоззрения и мироотношения могут быть только абсолютные ценности, бесспорные для разумного существа и главные для человека: любовь, понимание, творчество, гармония с природой... Эти ценности абсолютны, ибо они – всечеловеческие, и даны на все времена, и сопричастны всему мировому бытию.

Таким образом, основание человеческой логики и теории познания кроется не в «априорных формах», не во «врожденных идеях», не в «чистых актах сознания», а в нравственно-целевой глубинной смысложизненной установке, реализуемой в предметно-практической деятельности человека во благо всего окружающего мира. Иначе говоря, логично и истинно то, что ведет к развитию и распространению духовной гармонии.

Глубоко неправ тот, кто считает науку этически нейтральной. Если ученый изучает объективную гармонию, то, следовательно, он так или иначе в нее вторгается. И чем грубее это вторжение, тем больше вероятность того, что гармония однажды весьма болезненно воздаст самому ученому.

Мир есть Гармония; познание – соответствие Гармонии. Ученому это в общем и целом понятно как никому другому. Таким ученым является, например, алматинец Нурбек Маженов [2]. Его идеи, при некоторой их экстраполяции, позволяют еще и еще раз удостовериться в следующем. Вселенная как целостная система развивается по единообразному общему закону, суть которого – постоянное восполнение и пополнение баланса природных взаимодействий благодаря последовательному бесконечному расширению их энергоинформационного обмена, что порождает все новые и новые структуры и качества в Мироздании. Этот закон, этот ритмический рисунок Вселенной можно, с известными оговорками, выразить в совокупности терминов маятника, резонанса, гомеостаза, возвратно-поступательного движения, поглощения-излучения и т. п. А из этого должно становиться уже не просто неким допущением или общей идеей, а фундаментальным теоретическим выводом, сопряженным со строгой фактичностью, то, что материальный Мир зиждется на законе Меры, точнее, возрастающей Мерности, Гармонии (Кармы, или Воздаяния, если употребить понятия восточных учений).

Принцип всеобщей связи явлений необходимо развить до принципа их всеобщей соотнесенности и соизмеримости. На всех уровнях универсума действуют принципиально одни и те же механизмы. Это связано, по-видимому, с тем, что в основе всех законов природы лежит один и тот же общий закон. Точнее, все законы природы суть проявления единой силы, единого поля, и именно это позволяет говорить о соотносительности, «взаимосвечении» феноменов, принадлежащих к онтологически разнородным сферам.

Такого рода принцип лежит в основании идей и гипотез многих казахстанских ученых: Р. Бисембаева, Л. Филинского, С. Лачиняна и других.

Установление единства и связи всего со всем в архитектонике универсальной гармонии значительно повышает ответственность ученого за правильность выводов, за их релевантность. Особенно это касается современного ученого и сообщества ученых, поскольку наука сегодня приблизилась к освоению самого фундамента материи.

«В структуре сознания и самих идей, – писал М. Мамардашвили, – имеет место как раз многосоставность или многоуровневость. И это ставит перед мыслителем во весь рост проблему ответственности. Понять, каким сложным и деликатным инструментом мы пользуемся и к каким последствиям может привести вольное с ним обращение, есть первейшая обязанность профессионала... Если акт мысли... совершается с полным сознанием его сложности и особого положения в мироздании, то становятся попросту невозможными выражения, которыми пестрит, к сожалению, наш обиход: я не думал, я не хотел, не предполагал... Они становятся невозможными в языке интеллектуалов страны, если воспитана подлинная ответственность, если есть традиция “думания”, отвлеченного мышления... Лично я просто не понимаю, как можно не дрожать от страха перед лицом этой ответственности» [3].

По сути, проблема объективности есть общее выражение принципа честности в науке. Она остаётся одной из наиболее актуальных проблем философии и науки. На наш взгляд, ее максимальная острота – как, впрочем, и возможность надлежащего решения – лучше всего просматривается в гуманитарной сфере познания. Как возможна объективность, например, в исторической науке, если каждый исследователь представляет вполне определенный общественный класс, социальную группу, каждую со своими интересами, не говоря уже о бесчисленных и разноплановых личных предпочтениях и пристрастиях индивидов? Иллюстрацией этой гносеологической сложности может служить то, насколько разноголосыми предстают сегодня мнения ученых относительно совсем недавней эпохи – XX века: исторической роли В.И. Ленина, смысла Октябрьской революции, итогов Второй мировой войны, личности И.В. Сталина и т. д.

Трактовка сущности истории, в конечном счете, зависит от того, как понимается человеческая сущность. Однако именно ее-то интерпретации резко противоречат и противостоят друг другу.

А какова объективность в философии? Ведь весь ее логический инструментарий зависит от мировоззрения. Всякий познавательный процесс в значительной, если не сказать – ре-

шающей степени детерминируется тем мировоззрением, на которое сознательно или неосознанно, явно или скрыто опирается исследователь. Тем самым исходные основания процесса познания, его ход, его результаты и их интерпретация производны от изначальных мировоззренческих ориентиров познающего. И тогда возникает парадокс: познание, которое должно стремиться к объективности, на деле осуществляется на базе уже готового понимания мира; в свою очередь, миропонимание, которое должно было бы вытекать из результатов познания, по существу, предопределяет эти результаты. А если вспомнить, что на сегодняшний день мировоззрение у всех различно, парадокс лишь усугубляется.

Каковы же возможные критерии и условия объективности в гуманитарном познании? Быть может, фактография? Но любой факт в человеческом общежитии может быть интерпретирован как угодно. Следовательно, необходима интерпретация, и притом именно объективная. Кроме того, фактологическое, «незаинтересованно» исследование или изложение гуманитарной тематики, в сущности, и невозможно, поскольку для любого человека, даже если он ученый-педант, характерно в той или иной степени эмоциональное отношение к тому, с чем он соприкасается.

Тогда, быть может, критерием объективности человеческих знаний служит принцип вневходимости? Но ведь речь идет о человеческих феноменах, т. е. здесь невозможна отрешенность от «слишком человеческого». К тому же, объективность не должна означать *отстраненности*. Если последняя означает отвлеченность от собственно человеческого начала, то исследователь теряет аксиологические критерии, ценностные ориентиры познания. Если же познающий человек отстранен от познаваемого предмета, то такая ситуация и вовсе абсурдна и невозможна в принципе.

Взгляд *sub specie aeternitatis* (с точки зрения вечности) вряд ли возможен для ограниченного человеческого существования. У которого, к тому же, чрезвычайно повышенный эмоциональный фон мышления, нередко затмевающий ясность взгляда на вещи.

В гуманитарном познании предметом выступает человек, т. е. речь идет именно о людях, о человеке. И весь пройденный до сих пор человечеством путь предстаёт в этом свете как процесс, связанный с задачей реализации духовного начала. Соответственно, основанием подлинного исторического прогресса служит степень исполнения человечеством его духовных способностей, иными словами, то, в какой мере человечество движется по предначертанному Пути и становится единой Семьей действительных людей.

Следовательно, только взгляд с точки зрения меры человечности, примененной для каждого факта, события, исторического персонажа, может и обязан быть объективным подходом.

Значит, и сам исследователь должен носить в себе образ – или стремиться к образу – Человека вообще в его подлинности.

Но, стало быть, надо основательно разобраться, что есть человечность, и что есть человек в идеально-типическом смысле? Каковы его черты? Они суть те, которые безусловны с точки зрения нравственно-практической. Любовь, здоровье, знания, дружелюбие, заботливость, ненасилие, спокойствие, умение быть дипломатичным и другие лучшие качества людей.

Но вот проблема. Поскольку человек всё еще не стал настоящему ценным для Мироздания, т. е. объективно ценным, поскольку он не актуализирует в себе «высший образ», он не может быть объективен в познании. Его ценности по большей части всё еще субъективны. И высшие критерии объективности он толкует со своей субъективной позиции.

Но это значит: тем более необходимо равнение на Образец человечности; необходимо, удерживая в своем внутреннем мире образ-образец, быть гуманистичным самому.

Нередко говорят: наука нейтральна по отношению к этике. Но дело обстоит так лишь на плане сущего. Она не должна быть такой. При всякой возможности ученый (сообщество ученых) должен верить те или иные эксперименты, гипотезы, методы их этической наполненностью. А этот основополагающий момент в понимании сущности науки побуждает сделать принципиально важный вывод. Истина есть то, что не только существует независимо от нас, но одновременно и то, что помогает нам развиваться.

В этом и заключается критерий объективности – не просто в смысле объектности, «беспримесности» познания, но и в смысле его гуманистической значимости, ценности.

Давние споры о логике социальных наук разрешаются поэтому так, что в этих науках объективность тем выше, чем более высокая ценность выступает в качестве критерия, метода, мировоззренческой основы. Ведь науки об обществе суть науки о человеке. Или, выражаясь иначе, если естественные науки исследуют законы Первого Творческого Начала (управляющего ядра Универсума), то социально-гуманитарные – законы Второго, духовного Начала, так или иначе проявляемые человеком в его отношениях с другими людьми.

Споры о логике социального познания проистекают из непонимания двойственной архитектоники человека. Ибо то, что рационально и истинно с точки зрения разума, может быть нерационально и неистинно с точки зрения идеалов духовного развития, и наоборот. Критерии истинности познания зависят от правильного отношения к реальности, т. е. от уровня нашего духовного развития. Если я бережно и благоговейно отношусь к реальности, я вижу её правильно.

Таким образом, параметрами объективности знания выступают:

- его достоверность опытом;
- формально-логическая непротиворечивость;
- смысловой ценностный императив.

Эти параметры присутствуют или должны присутствовать во всех науках. Разница лишь в том, что в естествознании и технических дисциплинах работают по большей части первый и второй из указанных параметров (так, формальная непротиворечивость играет большую роль в математике), а в социогуманитарных – кроме этого, еще и третий, в качестве важнейшего.

Причем смысл и ценность должны здесь обладать характером общезначимого, единого миропонимания. Степень объективности познания поверяется Истиной, а не наоборот.

Умение строго держаться принципов истинного гуманизма сегодня стало объективно необходимой максимой не только для отдельного ученого или группы исследователей, но и для человечества в целом.

Для того, чтобы эффективно справляться с решением глобальных задач, человеческому обществу предстоит создать иные, нежели существовали прежде, механизмы кооперации. В свою очередь, появление новых коммуникационных каналов позволяет объединяться таким образом, чтобы усиливались конструктивные начала. Созданием подобного инструмента человечество было занято несколько последних тысячелетий. Сегодня для этого уже существуют предпосылки: Интернет, а с ним и теория синергетических социальных структур. Ее автор – Сергей Лачинян, независимый исследователь из Казахстана, изобретатель, имеющий в своем багаже ряд прорывных технических инноваций в областях термодинамики, акустики, информационных технологий, альтернативной энергетики. Всемирная сеть, подчеркивает Лачинян, позволяет создать виртуальное конструкторское бюро, в котором участники объединяются не под общей крышей или программой, которая вынуждает отказаться от их собственных программ, а за счет делегирования в общие проекты своих возможностей или работок. Причем и разработки тогда не обязательно отдавать в чужие руки, поскольку все ноу-хау остаются в собственности разработчика или его фирмы. В проект он делегирует только результаты своей работы, свои услуги или продукт, полученный с помощью его знаний. Возможны и более сложные, чем бинарные, комбинации, важно, что таким образом можно не только решить проблему одиночек, но и создавать ниши для внедрения новшеств, что особенно важно в случае альтернативных разработок, не укладывающихся в существующие рамки. А, значит, сделать из интернет-форума реально работающее предприятие, продвигающее разработки и дающее новые возможности его участникам. Таким образом, сотрудничать можно, не нарушая своей автономии [4].

Глобализация, однако, рождает не только возможности, но и проблемы. Современный глобальный кризис требует соответствующих, больших решений для выхода из него. Здесь особую востребованность получает философия – как работа с универсально-всеобщими определениями и принципами. Философия призвана быть логической основой исторического движения

человечества, теоретическим осмыслением Истины подлинного развития человека и путеводителем, ориентиром его шагов в бесконечность. Это – стратегическая духовно-идейная задача, или, другими словами – подлинная сверхзадача философии. Необходимо, следовательно, серьезное уточнение основ онтологии.

Важнейшим отличительным качеством философии становится ее поворот уже не только к проблеме сознания, но и к проблеме души, к исследованию духовной ткани и духовно-чувственных – т. е. высших – проявлений человека.

При этом философию как логику единого истинного миропонимания может надежно обеспечить только всецелая полнота методологии с соответствующим инструментарием. Эта методология, адекватная задачам глобальной философии духовности, состоит, прежде всего, в выдвижении высших ценностно-смысловых ориентиров бытия человека в мире в качестве первейших и базовых критериев доброкачественности философского исследования.

При всем тематическом разнообразии и индивидуальных особенностях акцентировки в решении проблем, философы внутренне обязаны опираться на единство и общезначимость основания, всегда держать его как целое перед мысленным взором. Невозможно понять многообразие до тех пор, пока не понято целое, которое не дает этому многообразию рассыпаться и исчезнуть. Многообразие философских идей плодотворно только при условии, что оно подразумевает единую шкалу ценностей и зиждется на едином мировоззрении.

В свете всего изложенного надо сказать несколько слов о смысле сочетания «социальная ответственность философии». Дело в том, что существует внешняя ответственность и внутренняя. Первая из них – это долг перед наличным социумом. Вторая же – это изнутри самой философии растущая задача помочь развитию общества, его изменению к лучшему, в соответствии с самим существом человечности.

Попытка всегда быть удобным для общества и власти чревата утратой объективности, уходом от Истины. Так же и противоположная попытка уйти от социума в свободное плавание чревата анархией мысли и действия, а то и одиночеством за-

творника. Это – два крайних варианта соотношения философии и социума. Единственно верен только третий путь: философия как один из важнейших родов помощи развитию общества, его изменению к лучшему.

Философия есть род врачевания. Только врач лечит в основном тело, а философ – сознание и внутренний мир. Но больной должен слышать врача и выполнять его предписания. А не наоборот. Во всяком случае, общество должно хотя бы давать возможность себя лечить. Это было бы уже неплохим шагом навстречу друг другу.

Человек противоречив, потому что универсален. Он может всё, следовательно, может и исказить гармонию. Его свобода настолько полна, что человек раздвоен. Отсюда и многочисленные и многообразные нарушения этики в науке.

Этика есть комплекс отношений людей друг к другу и окружающему миру. Поэтому и типология этических проявлений в науке строится на базе этих отношений. Она включает в себя:

- отношение ученых друг к другу (соавторство, конкуренция научных школ, плагиат и т. п.);
- отношение ученых к исследуемым предметам (бескорыстный интерес, безразличие, отчужденность);
- отношение ученых к самой науке (она – цель либо средство, «я для науки» или «она для меня»);
- отношение ученых к будущему страны и мира (равнодушные – «после меня хоть потоп», гражданственность либо космичное мышление).

Кроме того, этичность, конечно, вырастает лишь изнутри человека, но нужны и внешние стимулы, организационные формы. Какие из них мы имеем сегодня?

К сожалению, ответ на этот вопрос заставляет увидеть не очень вдохновляющую картину.

Так, сегодня в науку введен институт PhD, где к молодому ученому прикреплены сразу два руководителя, причем один из них – из дальнего зарубежья. Этим отчасти принижается роль местного, отечественного ученого, к тому же далеко не всегда взгляды двух столь далеких друг от друга исследователей совпадают. Вообще, довольно странным видится то обстоя-

ительство, что молодым ученым в наши дни предоставляются неумеренно широкие возможности обучаться за границей, на чужом языке, на основе чужих методологий. В 2012 г. количество учащихся из Казахстана за рубежом составило 30 тыс. человек. Это миллиарды долларов казахстанских инвестиций в экономику развитых стран. Данные 2011 г. показывают, что наши студенты, обучающиеся в США, ежегодно вкладывают в американскую экономику 22 млрд. долл. США. Разве мы готовим кадры для заморских государств, а не для себя? Разве мы желаем превратить нашу страну в копию дальнего зарубежья?

Не слишком оправданным выглядит и требование к отечественным ученым публиковаться в журналах с импакт-фактором. Зарубежным издателям и редакторам журналов наши разработки мало интересны, потому что совершенно неизвестны и мировоззренчески чужды; следовательно, вопрос публикации решается только и единственно на финансовой основе, выгодной для зарубежных публикаторов.

Еще одна проблема содержательного и организационного порядка – та пропасть, что давно уже существует между старым и новым поколениями ученых. Сменилась эпоха, у молодых поколений появились новые интересы и предпочтения. Это создает глубокое непонимание между представителями культуры классических образцов в науке (особенно социогуманитарной) и культуры постмодернистской эпохи. При отсутствии школы, которая непрерывно передавала бы свои знания и наработки новым поколениям ученых, ситуация тупиковая. Вся надежда в этих условиях – на талантливых и гениальных одиночек.

Подобная неразбериха в сфере организации науки невольно наводит на мысль (быть может, наивную) о необходимости отмены формальностей в науке, а именно – ученых степеней и званий и, следовательно, о необходимости оценивать ученого по уровню и масштабу его идей.

Поскольку же до сих пор сохраняется и успешно приумножается бюрократическая регламентация научной деятельности, поскольку от ученых сегодня требуют не столько внутренней ответственности – на них накладывают внешнюю ответственность, по распоряжениям сверху. Ученый становится

обязанным не истине, а кому-то, кто дает деньги на научные разработки. Как следствие этого – нескончаемые отчеты, планы, заявки, экспертизы, справки, на которые ученый тратит немало времени и нервов.

Ответственность без свободы есть рабское, вынужденное подчинение внешним обстоятельствам и правилам. Так, от ученого требуют новых идей и результатов, и в то же время, превращают его в министерского работника, если не в «офисный планктон».

Какие же общие выводы следуют из предложенных выше размышлений?

Принципы познания могут быть правильными, тогда как мировоззрение – нет. В итоге и принципы познания оказываются парадоксальным образом неправильными или, по крайней мере, всегда неполными, недостаточными, неглубокими, скользящими, как это происходит, например, в постмодернистской философии, не более, чем по «поверхности» вещей, по их «складкам».

Следовательно, надо менять мировоззрение. Не только гносеологам, не только ученым, но всему человечеству сегодня и впредь необходимо единое миропонимание.

Но на какой основе следует менять мировоззрение? На основе логики? Да, но не только. Ведь логика, в свою очередь, зависит от мировоззрения. Значит, есть нечто более глубокое и решающее, чем логика и принципы познания. Что же именно? Духовное чувствование, прямое усмотрение истины. Значит, нужна и новая теория познания, включающая в себя духовные аспекты в качестве важнейших, сущностных, системообразующих.

Следовательно, рассмотрению подлежит *проблема соотношения сознания и духовности в контексте проблемы человеческой специфики*.

Сущность человека никоим образом не сводима не только к «мыслящей машине», но и к сознанию, к разуму как таковому, хотя именно к этому ее обычно и сводят.

В последнее время всё больше опасаются, что человеческое сознание однажды будет вытеснено компьютером и/или само уподобится компьютеру. Однако, взглядевшись в эту проблему внимательней, нельзя не обнаружить, что сознание *и есть* нечто

наподобие компьютера; и, соответственно, архитектоника компьютера и других, некомпьютерных технологий, сегодня уже очень близка к архитектонике сознания, почти идентична ей.

Еще в XIX в. Томас де Куинси подметил, что человеческий мозг – это аналог средневекового палимпсеста, это нерукотворный свиток памяти, на котором никакая запись не исчезает, хотя бы на ней делались новые и новые записи [5].

Современный компьютер – это во многом тот же палимпсест. Ничто в нем не исчезает: оно архивируется и может быть восстановлено из архива; оно сохраняется в файлах и папках; оно отменяет ввод и возвращает его. Компьютер позволяет делать всё новые и новые записи, причем не только вербального характера, но и графического, фотографического, черно-белого и цветного; в крупном и мелком формате, неподвижные и движущиеся. Любой файл можно закрыть и снова открыть, его можно продублировать и переименовать, можно что-то вырезать из него и вставить в другой файл.

Коротко говоря, компьютер – это действительно палимпсест, но только качественно усовершенствованный, гигантский по своим возможностям. И если, следуя де Куинси, мы расценим сознание как палимпсест, то и современный компьютер есть аналог сознания, он в принципе идентичен ему. Каждая отдельная его операция проста, как всякое правило формальной логики: вперед-назад, влево-вправо, открыть-закрыть, вверх-вниз и т. д., но в своей совокупности эти операции представляют грандиозную разветвленную и многоплановую систему. Технические, электронные носители такой системы – это поистине целый мозг, а содержания, которые способны запечатлеваться в памяти компьютера и которыми он способен оперировать, по своей сложности адекватны принципам логики иного масштаба, иного порядка: диалектической, содержательной и т. д.

Итак, компьютер правомерно сравнивать с явлением сознания, если иметь в виду принципы действия и функции того и другого. Так же, как сознание, он получает и хранит информацию, воссоздает и перерабатывает ее, он умеет писать, читать, редактировать, рассчитывать и конструировать.

Следовательно, можно, хотя и с долей осторожности, сделать вывод о том, что вопрос о возможности создания искус-

ственного интеллекта в современную эпоху решается в целом положительно.

Интеллект в современных философских исследованиях определяется в общих чертах как объем информации, с которым возможна продуктивная работа. Но если так, то искусственный интеллект, о котором столько спорили ученые, уже существует: сегодня повсюду размещены коробки с искусственным интеллектом – компьютеры.

На это могут последовать возражения, во многом верные и справедливые. Во многом – но не в главном.

Могут сказать: компьютерные операции и возможности – это еще не *человеческий* интеллект. Сознание человека не только отражает и перерабатывает информацию, но и обладает способностью творчества.

Но всегда ли творчество – это созидание чего-то нового? Может быть, есть смысл посмотреть на него шире? Тогда окажется: творчество – это не только способность созидать, но и способность решать задачи и делать открытия. А с этим компьютер даже в нынешнем, далеко не совершенном своем виде, справляется достаточно неплохо. Кроме того, с каждым новым поколением компьютеров его возможности расширяются. Так, он научается все лучше играть в шахматы, писать музыку, стихи, т. е. не только делать открытия, но и созидать нечто новое.

Могут также возразить, что компьютер работает лишь на уровне рассудочном и не способен выходить на уровень разума (в кантовском смысле этого слова).

Пока еще, возможно, такая ограниченность существует. Но вспомним, например, компьютерную технику, используемую в космических проектах, в межпланетных аппаратах, которые в последние годы активно изучают и осваивают планеты Солнечной системы – и мы увидим, что компьютеру уже теперь под силу решение очень сложных и крупных инженерных задач.

Кроме того, Всемирная компьютерная сеть, Интернет – это хотя пока еще примитивный и рассеянно действующий, но уже прообраз планетарного Логоса, одна из внешних подсистем ноосферы Земли. Такому Логосу по плечу задачи колоссальной сложности, требующие неординарных решений и подклю-

ния разума, т. е. содержательной логики с ее универсально-всеобщими категориями и идеями. Недаром в последнее время делаются попытки синтеза компьютерных технологий и диалектической логики. Диалектика все чаще сочетается с новыми формами коммуникаций, а именно – с сетевыми коммуникациями. К примеру, на Западе зародилось такое течение, как “computational dialectics”.

Наконец, могут сказать, что компьютер нельзя представлять в виде модели человеческого сознания потому, что человек – живая система, а компьютер – неживая.

Но, к примеру, в Японии уже создают определенные сенсорные датчики, которые позволяют машине испытывать некое подобие чувств и реагировать по типу человеческих реакций. Теоретически нетрудно предвосхитить и модель симбиоза механической и органической систем, а затем и их синтеза. Появление таких биороботов возможно, как известно, и путем клонирования.

Итак, компьютер есть модель сознания – причем модель и теоретическая, и практическая. В качестве теоретической модели он позволяет сознание изучать, а в качестве практической – он сам выступает в роли сознания.

Если этот процесс совершенствования компьютера экстраполировать в будущее, то можно представить громадные, а по ряду параметров – радикальные перемены в жизни человека.

Собственно, на эти перемены и нацелен весь современный научно-технический прогресс. Одна из ведущих тенденций в современном мире – это именно компьютеризация множества сфер человеческой жизни. И не только компьютеризация, но и ее качественное продолжение, развивающее ту же принципиальную линию по универсализации технических средств.

К подлинной духовности машине как материальному приспособлению путь заказан. Никакая машина, никакая технология не поднимется к духовному уровню никогда, в принципе: духовное постигается только духовным. Однако не стоит объявлять о том, будто компьютер не имеет «ничего общего» с разумом, сознанием. Да, действительно, разум не похож на кибернетический мозг, тут совершенно правы противники идеи «ис-

кусственного интеллекта». Но надо иметь в виду, что ни одно из существующих и, очевидно, также и будущих технических устройств и технологий не будет тождественно сознанию в полной мере. И все-таки каждое из этих изобретений в той или другой степени приближается к тому, чтобы стать наглядным воплощением, олицетворением сознания. Логично утверждать, что все технические устройства и технологии в ходе развития человечества являются, так сказать, сознанием в тенденции.

Общая схема эволюции сознания и техники может быть выражена достаточно просто. Мир как целое является живым и разумным; человек есть олицетворение и миниатюрное воплощение Мира как целого, т. е. микрокосм; этот микрокосм, в свою очередь, творит свои собственные подобия в виде машин и прочих технических изобретений. Любая машина, будь она примитивной или универсально совершенной, есть в той или иной мере и форме выражение сущности и свойств сознания. Как подчеркивал Гегель, идеальное – это не только то, что существует у нас в голове, но и то, что опредмечено, материализовано во множестве произведений культуры.

Вот почему в образах палимпсеста, ЭВМ, современного компьютера следует видеть последовательное, поступательное выражение хода развития познавательной способности, – другими словами, то, что все они суть проявления одной и той же линии развития человечества – умственной, ментальной, т. е. движения по пути прогресса разума, сознания.

Если сознание человека – это и есть живой компьютер, а шире говоря – «живая и мыслящая машина», то может ли человек «уподобиться» компьютеру? Ведь он и без того подобен ему в своих характеристиках типа *homo sapiens*, *homo faber*, *homo habilis* и т. д.

Если компьютер и некомпьютерные технологические устройства суть техническое воспроизведение человеческого сознания, т. е. если «интеллектуальные машины», с одной стороны, и сознание – с другой, потенциально (а порой сегодня уже и актуально) аналогичны друг другу, то что же так тревожит многих мыслящих людей, когда речь заходит о «компьютеризации» человеческой жизнедеятельности? Почему считают,

что компьютеризация, технологизация превратит нашу жизнь как раз-таки в нечеловеческую?

Надо полагать, это тревожит людей не само по себе. Очевидно, мыслящих и тонко чувствующих людей технологизация человеческой жизни и самой человеческой личности беспокоит потому, что интуитивно они чувствуют: человек не сводится ни к живому организму, ни к способности сознания, разума, ни к тому и другому одновременно.

Это действительно так. Уже хотя бы потому, что сознание и жизнь – *атрибуты не только человеческого существа*: это характеристики и огромного множества других существ, и Мироздания как целого. А самое главное заключается в том, что, хотя компьютер может воспроизвести качество разумности, а, быть может, даже заменить разум и природно-чувственные проявления человека, он в принципе неспособен воспроизвести и заменить собою чувства духовные, высшие. Совокупность и сфера этих чувств образуют внутренний мир человека, в отличие от плоти и разума как атрибутов мира внешнего. И никакое научно-техническое достижение не в силах воссоздать эти чувства искусственно.

В иерархии Универсума существуют определенные и очень серьезные ограничения. Точно так же невозможно и технически воспроизвести высшие чувства человека, поскольку они настолько тонки онтологически, что их не только не воссоздашь, но и не воспримешь никакими приборами.

Вывод из сказанного, очевидно, должен быть нижеследующим.

Поскольку внутренние чувства не заменить никакими техническими средствами, постольку они-то и составляют специфику человека, его особое достоинство в Мироздании, его уникальную сущность. Ее называют человечностью, или, иначе – духовностью. И ее-то как раз и не хватает современному миру, который представляет собой цивилизацию больше техногенную, нежели человеческую.

Если развивать только разум и технику, но не развивать в себе человечность, картина продолжающегося антропогенеза окажется безотрадной. Гоминиды в ней сменились однажды

антропоидами, а антропоиды к сегодняшнему дню деградировали в гуманоидов. А что станет через некоторое время с ними: не превратится ли человеческий гуманоид в андроида – искусственное существо, смесь человека и робота? Так что же действительно нужно человечеству – гуманоидность или гуманность? Человекообразность или человечность?

Должно быть ясно, что на передний план в научном познании сегодня, как никогда, обязаны выйти *духовно-нравственные императивы*.

Современный кризис рациональности – в одном ряду с экологической и другими проблемами, которые порождены технотронной цивилизацией. И потому вопрос этот – не отвлекающий, а жизненно-практический.

Кризис рациональности заставляет признать историчность (историческую относительность) всех форм человеческого разума. Но при этом многие предчувствуют: будущее необходимо должно принести с собой нечто иное – не новый тип рациональности, не очередные взгляды, мнения или их конstellации, а то, что снимает их как единое и конкретное эвристическое понимание Мира и Человека. Речь идет о необходимости новой системы понятий, о таком подходе, который позволяет единообразно осветить многообразные трактовки познавательного отношения Человека к Миру в истории мысли и одновременно открыть новые, подлинно плодотворные пути и грани развития человеческого познания.

Учение о познании должно базироваться на убеждении в космологическом значении своих принципов. Между тем, истолкование отношения Человек – Мир только во всеобщей форме, несмотря на как будто предельную полноту, все-таки ограничено. Ему недостает той конкретности, которая возникает с признанием не только всеобщего, но также и *особенного* в Мироздании.

Такая установка – разумеется, в эксплицированном виде, позволяет ясно понять, что Человек и тождествен Миру (универсален), и отличен от него (уникален), причем так, что подобен остальному Миру по плоти и разуму, а отличен – по духовному творческому началу и предназначению своему.

Лишь такое понимание – связанное с признанием существования в Мире особого, духовного источника, частица которого составляет интимнейшую живую сущность каждого из нас, – лишь такое понимание адекватно разрешает проблему синтеза трансцендентного и имманентного, а с ним – и соотношения объективности и личностно окрашенных, экзистенциальных и этических смыслов познания, доселе не поддававшаяся решению или, по видимости, решавшаяся на вербальном уровне.

Как известно, отношение «Человек – Мир» многомерно и имеет различные ипостаси, или формы: познавательную, этическую, эстетическую и т. д. [6]. Специфика каждой из них определяется как логически, так и конкретно-исторически, особенно когда какая-то из этих ипостасей оформляется четко и выходит на передний план как ведущая сторона и тенденция культуры. Но надо помнить и другое: «Человек – Мир» – отношение онтологически целостное [7]. И поскольку сегодня наиболее актуальна задача формирования человека целостного, то, соответственно, необходимо формирование целостного отношения Человека к Миру.

Что же такое это целостное отношение? Это – не сумма его ипостасей, а нечто конкретное, которое и сопрягает в качестве главного звена остальные звенья отношения «Человек – Мир». Это конкретное должно быть не результатом логического ухищрения, но реальным живым явлением; оно должно обладать известной «массовидностью» и быть тем особенным, которое в то же время является сущностной характеристикой данной предметной области.

Рассматривая отношение «Человек – Мир», необходимо увидеть, что этим требованиям отвечает именно *человеческое отношение* к Миру. Следует подчеркнуть оба эти слова, т. е. это должно быть *человеческое отношение*, и оно должно быть именно *человеческим*. Другими словами, базисной основой гармоничной связи Человека и Мира должно быть не логическое их отношение, не умозрительное их рассмотрение, а непосредственно испытываемое внутренним существом человека здоровое чувственное отношение – *эмоциональное расположение* к

окружающему миру. Все другие формы отношения «Человек – Мир» напрямую зависят от этого, исходного. Положительным отношением к жизни создается соответствующее – положительное – религиозное, этическое, практическое, познавательное мироотношение, причем так, что все эти формы по сути оказываются синонимами, чем и должны быть в составе именно целостного отношения «Человек – Мир».

Перспективные тенденции в философии, психологии, педагогике, прогрессивные мировоззренческие идеи и теории как раз и основаны на понимании того, что первейшим условием целостного человеческого отношения к Миру являются истинно человеческие *чувства*. Эти чувства называют высшими или же внутренними, чтобы отличить их от внешних ощущений («пяти чувств») и подчеркнуть, что их характер – не природный, а именно человеческий, духовный, неотъемлемый от подлинной сущности Человека. По выражению Гегеля, эти чувства составляют «внутреннюю принадлежность души».

Если же доминантой бытия человека в Мире является отношение познавательное, притом такое, в рамках которого человек предстает как существо главным образом разумное, исследующее умом, то целостность человека неумолимо начинает распадаться. Его живая, чувственная связь с той частью Мироздания, которая породила его, отодвигается на задний план как нечто лишь сопутствующее и второстепенное, как своего рода виньетка бытия Человека в Мире. И именно по этой причине теории познания и познавательные практики, имеющие место до сих пор, по своему существу и в своем большинстве не являются подлинно человеческими, так как не специфичны именно для человеческой сущности.

Природно-инстинктивные основания привычных теорий и практик познания с неизбежностью привели к идее о том, что познание предназначено для построения технологий (будь то для овладения вещами, своим телом, психикой) и, соответственно, к трем господствующим когнитивным и мироотношенческим вариантам:

а) *меональному и психотехническому*: все окружающее есть меон, майя, иллюзия, следовательно, необходимы психотехнические усилия по уходу в трансцендентную, истинную реальность;

в) *инструментально-техническому*: познаваемое следует обратить в средство существования человека по принципу: всё должно подлежать практической проверке и переделке в соответствии с нашей волей;

с) *ментально-технологическому*: главным предметом познания должно быть тщательное изучение самого инструмента, орудия познания с точки зрения того, как возможно познание, каковы условия его возможности.

Очевидна поэтому необходимость еще раз и уже с совершенно новых позиций радикально переосмыслить идею «чистого» разума и стратегию познания. Разум должен быть чистым не в смысле бесстрастности, беспримесности, очищенности от всего чувственного, «привходящего», «внеположного» ему, а в смысле разума доброго, человеческого. Он должен стать способным высветлять любую тьму, в том числе и тьму познания, не путем искусственных деконструкций и всякого рода герменевтических ухищрений, но с помощью благих качеств человека. Ибо действительно важна не мысль сама по себе, а человеческое *отношение* ко всему, что человека окружает, что воздействует на него и требует от него жизненных решений и шагов.

Доверие Миру – своеобразное преломление антропного принципа, если спроецировать его не только на космологию и онтологию, но и на антропологию и гносеологию. Как известно, антропный принцип в классическом его выражении по существу означает: Мир создан для Человека. Но это значит также и то (и это куда более значимая и интересная сторона вопроса), что Человек создан для Мира. Человек вписан в Гармонию Мироздания так, что просто обязан соотноситься с ее законами, чтобы жить и творить в Мире гармонично. Эталон человеческой ценности – неспособность творить вред окружающему бытию никогда и ни при каких условиях.

Поэтому логично и истинно только то, что человечно. А человечно то, что помогает людям духовно расцвести, что придает высокий смысл их бытию и развитию, что вносит в Мир все больше Добра, Любви, Красоты. Основание человеческой логики и человеческого познания – бесконечное нравственно-целевое

смыслоразнозначное отношение ко всему сущему. Другими словами – именно человечность, иначе называемая духовностью.

Познавать надо только для того, чтобы творить. Чтобы творить, надо знать законы Гармонии. Чтобы знать законы Гармонии, надо относиться к Миру гармонично. Тогда Гармония будет расцветать, а каждый ее элемент и вся она в целом раскроются перед человеком сами.

К сожалению, до сих пор доминирует иной путь познания: человек поверяет Гармонию алгеброй. Человек пытается *рассчитать* свою жизнь, как и жизнь Земли и Вселенной, и Гармония бытия начинает раскладываться в сознании человека на логические ряды. Но стремление видеть сущность вещей и явлений через холодную, бесстрастную призму «чистого» сознания, «чистой» логики, сквозь ледяной кристалл разума в конечном итоге неизбежно порождает у познающего не только разочарование, но и ложные представления о Мире, более того – ложные представления и установки, касающиеся жизни самого человека.

Дело здесь в том, что, пытаясь для своего развития раскрыть, разложить все взаимосвязи между любыми объектами и явлениями, человек перестает прислушиваться к себе, к своим истинным – чувствительным, т. е. собственно живым, способностям. А ведь только благодаря им он непосредственно связан со всем окружающим, с информационными полями Земли и Вселенной, и именно в этих чувственных способностях заключены истинные и точные предопределения вещей, явлений, событий, особенностей внутренней жизни самого человека.

Но мало того, что человек свел познание к логике и расчету: он в своих гносеологиях и в ходе реального познавательного процесса постарался свести к минимуму, а то и вовсе устранить мир чувственный. Основанием для такого рода попыток явилась идея, подкрепляемая многочисленными наблюдениями, которая состоит в том, что только спокойный ум может работать эффективно и истинно. В общей форме эта мысль несомненно верна. Однако истолковали ее превратно.

В своем существе идея необходимости спокойствия ума означает, что человек, исполненный сомнения, недоверия, трево-

ги, страха, алчности и т. п., не в состоянии мыслить и познавать надлежащим образом, тем более, если эти негативные и повышенные эмоциональные состояния прямо относятся к самому познаваемому. Но это принципиальное основоположение было некритически распространено на *любые* эмоции, так что человеку, вступающему на путь познания, предлагалось полностью избавиться от чувственного фона. Эта установка особенно явственно выступает в качестве условия в психической практике ряда индо-буддистских учений, но довольно характерна и для западной философии (идеал объектного знания, феноменологическая редукция и т. п.).

Действительно, закон функционирования разума как такового – минимизация эмоциональных особенностей человека, которые создают субъективную приязнь или неприязнь к познаваемому и мешают устойчивым закономерностям развития разума. Но такого рода закон не может быть безоговорочно отнесен к познанию человеческого. Именно человеческому, а не какому-то иному. Если бы в человеческой жизни всё решали знания, было бы легко развиваться. Но истинный человек – существо не столько разумное, сколько духовное; не столько познающее, сколько любящее; не столько размышляющее и конструирующее, сколько нравственно-деятельное.

Духовность человека, в отличие от разумности, связана с наличием в человеке *души* – сферы положительных внутренних, или высших, чувств: любви, веры, чувства священного, чувства вечного и т. д. А между тем, чувственность человека обычно считалась не более чем элементарным уровнем в познании и существе человека. Внешние ощущения, а также связанные с природными инстинктами эмоции низшего, эгоистического порядка относили к тому же разряду, что и чувства высшие, подлинно человеческие, благодаря которым человек имеет уникальный статус в Мироздании, – точнее, к различным градациям *одного и того же* феномена. Философы вообще неохотно обращались к исследованию высших чувств, предоставляя их психологам. Сверх того, нередко бывало и бывает так, что внутренние, или духовные чувства упускаются из виду вообще, как будто их не существует. Но если человек не ведает об их суще-

ствовании в качестве совершенно особого рода чувств, то это происходит не в последнюю очередь именно потому, что любовь, чувство бесконечного и другие подобные чувства нельзя изучать извне, как нельзя по-настоящему и рассказать о них: надо сначала довериться, открыться бытию. А открывается человек крайне редко, и его духовные чувства не выражены: они заслонены эгоизмом в разнообразных его личинах.

Природно-инстинктивные чувственные проявления человека берут начало от законов развития материального мира и присущи всякому живому существу. Духовные же чувственные проявления имеют своим истоком законы над-материального характера и, будучи, следовательно, качествами благодатными, свойственны только для человека – существа, очевидно обладающего особой уникальностью, особым достоинством в Мироздании.

Понятно поэтому, что высшая природа духовных чувств не имеет ничего общего с природно-эгоистическими инстинктами. А поскольку высшие чувства лишены эгоизма, постольку не могут исказить работу разума в направлении, неблагоприятном для Гармонии Мира и самого человека. Ясно поэтому также и то, что в процессе человеческого познания ни в коем случае не следует стремиться к избавлению от чувственных проявлений: нейтрализация чувств опасна для души, так как способна приводить к остановке в человеческом развитии. Речь должна идти о другом: о необходимости облагородить природную чувственность чувственностью духовной. Чувственное пламя проявлений природы, природно-эгоистический чувственный огонь должен быть окутан огнем духовным и приведен им в надлежащую норму. Это задача невероятно сложная, но ее необходимо предстоит решить, если человек в мире современных кризисов хочет не только выжить, но и развиваться по-человечески.

Это требование прямо касается и мышления, сознания. Ему пока еще не удастся правильно и достойно оценивать реальность именно потому, что им владеет чувственно-эгоистический мир, который буквально застилает сознание, как туман, и искажает окружающий мир; и любое осмысление получает-

ся прежде всего в угоду эгоизму. Но, подчеркнем снова, это не значит, что следует очищать разум от чувственных «помех»: напротив, он может стать по-настоящему чистым, т. е. светлым, одухотворенным, только под облагораживающим влиянием возвышенных чувств. Истинное мышление у человека может протекать только под опекой чистой души.

Сознание, конечно, способно сделать правильный вывод, но этот вывод сам по себе вовсе не обязательно будет истинно человеческим. Предназначение разума состоит в том, чтобы давать знание объективное, беспристрастное, а, следовательно, свободное от страстей, эмоций, внутреннего отношения к познаваемому. Поэтому сознание как таковое способно запечатлевать, так сказать, четкий контур познаваемого предмета, но пустой внутри. Это означает, что разум – способность инженерная, а она, конечно же, не только не исчерпывает способностей человека, но и не имеет к человеческой сути непосредственного отношения. Даже если согласиться с известной мыслью о предметно-практическом содержании и значении человеческого познания – «знать значит уметь сделать», – то остается главный вопрос: что и во имя чего надо познавать и делать.

Качество человечности определяется не комбинаторными талантами ума, а нравственной устремленностью и внутренней ответственностью за все окружающее и происходящее. Истинная человечность проявляется в совести – соприкосновении духа, растущего внутри, с пока окутывающей его эгоистической внешней оболочкой и в установлении контроля над ней. У подлинно человеческого существа процесс познания выражается, соответственно, по-иному. В самом общем, упрощенном виде он выглядит следующим образом.

1. Природно-чувственное, эго-эмоциональное – сенсорные впечатления, низшие эмоции.

2. Рациональное – понятийно-категориальный аппарат мышления, способности рассудка и разума.

3. Духовно-чувственное – вера, любовь, благодатные переживания и постижения, т. е. мир внутренних, или высших, чувств.

У человека – два чувственных мира, а сфера рационального – между ними. Эта уточненная (и более утонченная) схема вы-

свечивает, помимо прочего, важный момент: психика человека больше и глубже «явления сознания» и внутренний мир к сознанию несводим. Сознание рисует только внешний контур явлений и сущностей, а тем самым человек в этом процессе – сторонний наблюдатель и исследователь, или информационная матрица: «внутренний человек» не затрагивается таким процессом познания самим по себе. Задача сознания – отметить характеристики и существенные черты познаваемого. Сознание в «чистом» виде подобно хрустальному шару, оно не имеет никаких оттенков и искажений реальности, однако не имеет и теплого оттенка доброго чувственного отношения к ней, какой оттенок как раз и должен быть присущ сознанию подлинно человеческому.

Между тем, сам человек – это его индивидуальность, т. е. душа, внутреннее содержание его живой жизни, его внутренние устремления, теплый свет духовного начала. Правда, оно до сих пор окутано эго-эмоциональной оболочкой, но при должном развитии в будущем расширится изнутри и само окутает эту оболочку снаружи, став действительно высшей и адекватной формой проявления бытия человека. Тогда любой уровень и объем информации станет человеку реально доступен.

Поэтому познавать надо только то, что поможет развить истинные возможности человека, и не следует познавать те тайны, которые способны воспрепятствовать нормальному совершенствованию человека. Всякая информация влияет на человеческое становление.

Разум должен стать вспомогательным инструментом духовного опыта: его подлинная миссия состоит в том, чтобы, следуя за безошибочными интуициями сердца, отвечать на вопрос о конкретных путях решения задачи. Сердце знает, что делать; разум же призван ответить на вопрос, как сделать это лучше (в нравственном отношении прежде всего). Мысль дополняет целостный духовный акт человеческого существа.

Из сказанного должно быть ясно, во-первых, в чем заключается истинное предназначение разума, – истинное, а не то, которое придали ему по предвзятости. Во-вторых, очевидно, что роль разума крайне важна в человеческой жизни и позна-

нии: не надо думать, что, если душа в человеке – выше разума, то разум якобы вовсе не нужен. Разум без души, конечно же, не человеческое явление, но душа без разума, как и без плоти, была бы довольно бездейственной в окружающем мире. Поэтому все недостающее в этом смысле должно приобретаться с помощью существующих особенностей свободно размышляющего подвижного разума человека.

Следовательно, учиться мыслить, конечно же, необходимо, но при этом – мыслить только неэгоистическими положительными образами. Сам по себе разум всегда пребывает в сфере недостаточного знания, т. е., по существу, незнания, вот почему сомнение – его нормальное свойство. Но оно может стать и часто действительно становится злейшим врагом познания, если, превращаясь в познавательное кредо, гипертрофируется как некий абсолютный принцип. Поэтому-то доверие есть для человека главный исходный пункт и основание познания и жизни. Когда душа открыта реальности, это позволяет ей знать мир непосредственно.

Литература

1 Об этом см. напр.: *Сейтахметов Н.К.* Нравственный смысл германского идеализма. – Алматы, 2007.

2 См.: *Маженов Н.* Маленькая книжка о большой Вселенной (начало Великого Объединения). – Алматы, 2000.

3 *Мамардашвили М.К.* Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно... // Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – С. 185.

4 См.: Социальная синергия против застоя в российской науке. – <http://maxpark.com/user/3037376943/content/553297>

5 См.: *Де Квинси Т.* Палимпсест человеческого мозга // *Де Квинси Т.* Исповедь англичанина, употреблявшего опиум. – СПб, 2004. – С. 119–133.

6 Этой теме посвящены, например, многие работы А.А. Хамидова.

7 См. напр.: *Капышев А.Б.* Отношение «Человек – Мир» как непосредственно-целостное онтологическое отношение // XIX Всемирный философский конгресс (Москва, 1993). Доклады казахстанской делегации. – Алматы, 1993.

2 ОНТОЛОГИЯ НРАВСТВЕННОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧЕНОГО

Эпоха современных глобальных проблем и связанной с ними масштабной дегуманизацией требует самого серьезного обращения к исследованиям в области этики, поскольку она определяет нормы отношений между людьми вообще и научного сообщества, в частности.

Нельзя, однако, не заметить: несмотря на свой статус важнейшей гуманитарной дисциплины, этика разрабатывается сегодня в совершенно недостаточной степени. Даже работы крупнейших российских специалистов в этой сфере – А.А. Гусейнова, Р.Г. Апресяна, В.И. Толстых и др. – являются лишь исключением из явно неудовлетворительной общей ситуации.

В философской литературе нравственность очень часто пытаются представить в виде определенного среза социальных отношений в их конкретно-исторических формах. Так, академик Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов видит укорененность нравственности в реальном опыте межличностных отношений в качестве его универсальной нравственно ограничивающей схемы. Заключение в «золотом правиле» схема нравственного мышления и поведения, указывает ученый, обобщает реальный повседневный опыт межчеловеческих отношений: «Она является действенной, работающей схемой, которую ежедневно и весьма успешно практикуют люди, в том числе и те из них, кто никогда не слышал ни о самом золотом правиле, ни о спорах вокруг него» [1].

Следует, однако, заметить: если в нравственном императиве обобщается опыт межчеловеческих отношений, но при этом императив срабатывает даже тогда, когда человек о нем и не слышал, то это заставляет сделать вывод о том, что нравственный закон проявляется, вероятно, на каком-то ином, более высоком уровне опыта, нежели уровень сугубо социальный.

Нравственность по самому своему понятию предполагается неразрывно связанной с ценностями абсолютными, с чем-то, что обозначается как «священное», «сакральное». В противном случае, пришлось бы сделать абсурдное заключение, что для нравственности нет ничего святого. Верно, поэтому замечает В.А. Бачинин: «...нельзя не видеть, что в подобных случаях секулярное сознание вместо обретения свободы интеллектуальных изысканий впадает всего лишь в очередную зависимость самого банального свойства – оказывается пленником релятивизма и редукционизма. Разрыв с миром абсолютов оборачивается для него подчиненностью либо внешним государственно-идеологическим ангажементом, либо прихотям такого заказчика, как прагматический рассудок, склонного попадать в зависимость от плоских конструкторов неопозитивистского, неodarвинистского, неомарксистского, неофрейдистского и прочих толков» [2].

Прав в этом отношении и Б.С. Дынин: «Отрицание трансцендентного авторитета (Бога) превращает нравственность в иллюзию человеческого сознания <...> нравственное сознание не может освободиться от этого авторитета. Когда детям говорят, не “люби ближнего как самого себя” (как бы нереалистично это ни звучало), но “остерегайся незнакомца” (как бы реалистично это ни было), то налицо не только признак кризиса общения и доверия, но и отказ от них под лозунгом: “Такова реальность!”. И если нет трансцендентного Бога, в свете авторитета которого такая реальность представляется нравственной проблемой, она узаконивается как неизбежная реальность. Тогда золотое правило этики, провозглашаемое всеми религиями: “Не поступай по отношению к другим так, как ты не хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе”, – теряет смысл в обществе...».

Таким образом, в этих утверждениях чувствуется неудовлетворенность социологической (социокультурной, социально-психологической) трактовкой оснований нравственности. Для авторов сочинений по этике в значительной степени характерна эрудиция не вполне продуктивного свойства: они демонстрируют большие фактические знания, в особенности

историко-философского и историко-культурного характера, но эти знания в каждом из сочинений не получают соответствующего мировоззренческого обеспечения и единообразного конкретно-целостного осмысления.

Так, преувеличение роли принципа историзма несет с собой серьезную опасность, так как легко способно привести к простой фактографии и релятивизму в выводах.

В работах большинства авторов почти не учитывается расщепление этического сознания на два типа – мораль и нравственность.

Некоторое исключение в этом плане составляет текст В.А. Бачинина, который пишет: «Позиция инклюзивности, включающая Бога в картины мироздания и культуры, и позиция эксклюзивности, исключаящая Бога из культурно-символической “галактики Гуттенберга”, влекут за собой возникновение двух типов нравственного сознания, радикально отличающихся друг от друга, имеющих разные онтологические, аксиологические и нормативные основания, несходные мотивационные структуры, не совпадающие экзистенциальные векторы». Он понимает недостаточность одной лишь гетерономной, корпоративной моральности и справедливо видит ее как противоположность «теономному» нравственному сознанию. «Для теономного сознания Бог выступает главным объяснительным и нормативным принципом всех перипетий духовной и практической деятельности индивидуумов и сообществ».

В.А. Бачинин формально правильно видит разницу внутри феномена этичности, хотя, к сожалению, не делает из этого необходимых выводов, касающихся отношения нравственности к религии. Другие же авторы сочинений, похоже, совсем недооценивают специфику нравственности и морали, не ощущают их принципиальной разницы. Так, А.А. Коковкина довольно прямолинейно утверждает: «...нравственность, как и мораль, здесь следует понимать исключительно в этимологическом смысле – просто как нравы». А В.А. Беляев в своем тексте имеет в виду почти везде мораль, но пишет – «нравственность». Тем самым суть этического во многом размывается, и тогда ответить на вопрос о его основаниях становится крайне затруднительно.

Как общий итог, в анализируемых работах ответы на вопрос об отношениях религии и нравственности предстают в виде тавтологии, а, по существу – в виде констатации невозможности решения этого вопроса.

Так, авторами в качестве вывода из их исследований формулируется мысль о сложности отношений религии и нравственности. Это означает, другими словами, что вывод являет собою возвращение всё к тому же исходному вопросу. Б.С. Дынин, например, завершает свое эссе следующим образом: «Возможна ли нравственность, независимая от религии? 20-й век внес поправку в ответ Льва Николаевича Толстого, но он может быть повторен: без религии нет нравственного сознания, но условием его сохранения стала атеистическая критика религии. Столетие со дня смерти Толстого обнаружило парадоксальность отношения религии и нравственности».

За пределы тавтологии не удастся выйти и В.А. Беляеву: «Имеет ли исходный вопрос о соотношении нравственности и религии теоретическое решение в масштабах общества и человечества? Не берусь ответить на этот вопрос. Возможно, ценностные решения придут вследствие каких-то практических жизненных обстоятельств».

Столь нейтральные выводы оставляют этику в ее основаниях и сущности такой же непонятой, как и в прежние века.

Не спасает дела и то, что авторы время от времени вспоминают об идее Бога в качестве основания нравственности, – не спасает потому, что Бог понимается ими слишком аморфно, как голая «рабочая гипотеза», как внутренне не дифференцированное и не структурированное понятие. А.А. Коковкина, к примеру, не идет дальше максималистского утверждения в духе так называемого панентеизма: «Бог – не часть этого мира, и даже не весь мир целиком. Бог – вне природы...». В воздухе повисают важнейшие вопросы: откуда же Бог, где Он, почему Он – не часть этого мира, и т. д.

Становится очевидно: одна из главных причин неудовлетворительности современной этики – отсутствие единства в миропонимании, а, говоря точнее – принципиальная установка, ограничивающая поиск истины мировоззренческим плю-

рализмом. Убежденно говорит об этом А.А. Гусейнов: «Разные культуры имеют разные этические программы, разные моральные образы, и у каждой из них одинаковое право на существование» [3]. В.А. Бачинин точно так же полагает, что сосуществование трех типов морали, трех разновидностей нравственной культуры теонормной, гетеронормной и автономной образует полифоничный мир смысловых, ценностных и нормативных структур. Причем каждый из этих типов, по его мнению, – это целая символическая вселенная со своим особым языком, своей иерархией смыслов и ценностей, задающая свое, особое направление мышлению, чувствам, поведению, всей жизни человека».

Нельзя не видеть, что подобная эйфорическая оценка, строго говоря, попросту уводит от решения проблемы оснований нравственности, легитимизируя любой поступок и представляя любое этическое учение как «правильное».

Впрочем, В.А. Беляев оптимистически полагает, что противоречия плюрализма можно разрешить с помощью «общечеловеческих ценностей»: «...новоевропейскую либеральную культуру можно рассматривать как фундаментальное решение проблемы противостояния ценностных систем, переходящего в социальную борьбу. Ради сохранения социального мира при соблюдении свободы личности, свободы ее совести, в индивидуальном и коллективном отношении, и вводится приоритет общечеловеческих ценностей, которые задают формат социального мира при плюрализме ценностных интенций внутри общества».

Но какое же содержание имеют эти «общечеловеческие ценности»? Насколько они действительно общи для разных народов и культур (ведь не секрет, что, например, различия верований и соответствующих культовых практик порой фундаментальны)?

Такие вопросы остаются в эссе В.А. Беляева безответными. Подчеркнем, что и сам В.А. Беляев, противореча себе, не очень верит в торжество «общечеловеческих ценностей», поскольку они, по его выражению, имеют «свой предел в отношении ценностной вертикали».

А.А. Коковкина в этом вопросе глубоко пессимистична: «...Сегодня возникает множество разнообразных (порой диаметрально противоположных) этических концепций, так или иначе осмысляющих и обосновывающих мораль, выводящих ее из разных источников. Но именно такое их количество свидетельствует о том, что с обоснованием морали не все гладко. Того единственного – настолько очевидного и несомненного, что оно было бы приемлемым для всех – больше нет. Когда единство культуры распадается (а это единство обеспечивалось укоренением культуры во внекультурном Абсолюте), оказывается невозможным выстроить целостную аксиологическую структуру, создать внятную ценностную иерархию».

Подобный пессимизм понятен: невозможно конечному познать бесконечное и искусственно «выстроить» систему нравственности. Если нравственность «выстраивается», она – уже не нравственность, а ее плоская социально-групповая проекция, мораль.

Этика по своему понятию – система требований абсолютных, безусловных. А.А. Коковкина здесь совершенно права: «Чтобы быть несомненной, этическая система должна опираться на *несомненные* принципы. Эти принципы не могут быть обоснованы внутри культуры, поскольку там всё может быть подвергнуто – и подвергается сплошь и рядом – сомнению. В культуре, как показывает исторический и современный опыт, всё относительно. Тем более что сегодня уже известны самые разные культуры, где представления о нравственно ценном различаются настолько радикально, что под вопросом оказывается само понятие Добра и Зла. Чтобы стать действительно *безусловной*, сама мораль должна иметь безусловное основание, должна быть укоренена в Ином. Во внечеловеческом, внекультурном – трансцендентном».

Всё это совершенно справедливо. Но в том-то и беда, что в современной этике именно этой безусловности как раз и не хватает.

«...Основания морали так же безосновны, как и основания философии, – искренне считает, например, А.А. Гусейнов. – <...> Вы не можете спрашивать: почему “субстанция” или по-

чему “не убий”? Сам вопрос “почему” вторичен, произведен от них. И “субстанция”, и “не убий” для того только и предназначены, чтобы можно было ставить сам вопрос “почему” и искать ответы на бесчисленные “почему” – в одном случае познавательные, в другом случае – поведенческие. Их правда и ложь не в том, что им предшествует, а в том, что за ними следует» [4].

Из этой безосновной плюралистической и релятивистской философии складывается в конце концов довольно удручающая картина: если философы не дают безусловной системы этики и ее оснований, а вместо нее предлагают смесь истин и заблуждений, то они тем самым не отвечают и на острейшие, животрепещущие вопросы человеческого бытия.

Рискнем предложить в этой связи иной взгляд на проблему, – тот, который конкретизирует и разрешает ее через призму единого миропонимания.

При ответе на вопрос, возможна ли нравственность, независимая от религии, главная наша мысль заключается в следующем: нравственность невозможна без религии, хотя ее редуцированная форма – мораль – вполне возможна без конфессионального облачения.

Попробуем развернуть этот тезис. И, прежде всего, уточним используемые понятия.

Есть нравственность – и есть мораль; есть этика безусловная, абсолютная – и есть этика договорная, производная.

О вполне реальных различиях внутри этических отношений хорошо знали многие мыслители прошлого. Достаточно вспомнить этическую теорию Иммануила Канта, в которой были четко разграничены «моральность» и «легальность».

В современной русскоязычной философии эти различия выражаются в понятиях «мораль» и «нравственность» [5]. При этом:

- мораль носит социально-групповой характер; нравственность – общечеловеческий, единый для всех людей;
- мораль предписывается индивиду извне; нравственность растет изнутри;
- моралью нетрудно пользоваться как средством; нравственность – вне отношения использования;

- мораль оценивается социальным окружением; нравственность – это всегда оценка совестью и самосознанием личности.

Дополним эту классификацию соображением обобщающего характера: мораль имеет дело, главным образом, с мыслительным аппаратом человека, в то время как нравственность коренится в духовно-чувственном мире личности. Иными словами, мораль относится к сфере внешней целесообразности, к рациональности, тогда как нравственность – к совершенно иной сфере, к внутреннему долженствованию, духовности.

Вопрос – «почему я непременно должен любить моего ближнего?»: – который задавал, например, Подросток в одноименном романе Ф. М. Достоевского, вполне резонен. Ибо под идею нравственности действительно требуется подвести серьезное мировоззренческое основание. Одними лозунгами и призывами добродетели не воспитать.

А это мировоззренческое основание, по высшему счету, – в Боге. Потому что невозможно прочно обосновать абсолютное, общечеловеческое, метаисторическое на чем-то частном, конечном, преходящем. В противном случае, т. е. если Бога нет, поистине «всё позволено».

Здесь мы вступаем в область проблематики религиозно-философской. И в первую очередь должны со всей ясностью подчеркнуть: *есть религия – а есть конфессиональные ее формы.*

Религия – явление далеко не только социокультурное, она является одной из древнейших форм восприятия и осмысления человеком отношения «Человек – Мир». Поэтому правы те, кто подчеркивает: подмена исследования религиозного отношения к миру исследованием социально-исторического бытия различных конфессий вызывает невообразимую путаницу.

Одно дело – то или иное вероучение, тот или иной культ, та или иная психическая практика. И совсем другое дело – религия *per se*, совпадающая со своим понятием.

Речь идет об отношении к миру посредством внутренних чувств, единственно *специфичных для человека, чувств высшего порядка.* Они суть последние чувственные основания бытия человека как собственно человека – инварианты человеческого в каждом из нас. Можно выразиться и несколько иначе: внутрен-

нее чувство есть основной тон, сущностная вибрация той духовной ткани, которая образует структуру, именуемую истинным человеческим Я, уникальной индивидуальностью, или *душой*.

Действительно, что такое отношение человека к миру? Это, очевидно, нечто конкретное. И оно должно быть не результатом логического ухищрения, но реальным живым явлением; должно обладать известной «массовидностью» и быть тем особенным, которое в то же время является сущностной характеристикой данной предметной области. Таким требованиям отвечает непосредственно испытываемое внутренним существом человека здоровое чувственное отношение – *эмоциональное расположение* к окружающему миру. Все другие формы отношения «Человек – Мир» напрямую зависят от этого, исходного. Положительным отношением к жизни создается соответствующее – положительное – религиозное, этическое, практическое, познавательное мироотношение, причем так, что все эти формы по сути оказываются синонимами, чем они и должны быть в составе целостного отношения «Человек – Мир».

Если так, должно быть понятно то, что мы указали выше. Нравственность невозможна без религии (нравственность произошла от религиозного, т. е. благоговейного целостного отношения к Миру), хотя мораль вполне возможна без того или иного конфессионального облачения.

В этом смысле религия, подлинная религия, в объективном плане есть вера в то, что мир, универсум, вселенная – не слепая стохастическая стихия, она проникнута управляющим разумом и духовным светом. Рассмотренная же изнутри, религия есть искусство развития духовной ткани человека, его тончайшего глубинного начала. А так как оно составляет сущность человека, истинную религию надо определить как искусство развития человека [6].

Где же, в таком случае, истоки нравственности?

Проблема онтологического основания нравственного начала человека представляется тем более актуальной, когда при исследовании прошлой и современной философской литературы в этом вопросе обнаруживаются резкие противоречия и тупиковые линии. Попытки найти основание человеческой

нравственности, человечности, в подавляющем большинстве случаев нельзя считать успешными.

Так, если пытаться увидеть истоки этичности в самой природе, в естественноисторических процессах развития, то такая интерпретация противоречит как раз-таки над-природному характеру нравственности, «порядку полной свободы», с которым нравственность связана неразрывно.

Происхождение нравственности стараются также усмотреть в общественных отношениях и общественном договоре, – однако сами общественные отношения нуждаются в обосновании нравственной («другодоминантной») сущностью человека.

Многие мыслители в качестве генетического основания нравственности стремятся утвердить разум, – однако любовь, совесть, жертвенность не укладываются в рамки логики целесообразности.

Следовательно, остается единственное объяснение: начало нравственности трансцендентно. При этом, однако, желание приписать трансцендентному атрибут любви, как правило, вступает в конфликт с трактовкой высшего начала как абсолютного, всеединого, т. е. *индифферентного к нравственным категориям*.

Таким образом, генезис нравственности необходимо видеть в Боге, но с той существенной оговоркой, что само понимание Бога должно быть вполне определенным, конкретным. А именно – пониманием его как особого, уникального начала в мироздании, отмеченного качеством не столько онтологической креативности, сколько духовной инспиративности.

Религиозность – первичное отношение к Миру. Это – благоговение перед жизнью, перед высшими началами, базисными источниками и основаниями жизни и служение им. Быть религиозным означает признавать Нечто и относиться к нему как святому и священному. Иными словами, религиозное отношение к реальности есть признание и благоговейное восприятие Того, что нас породило.

Будучи связанными с полным доверием, или священной верой, высшие человеческие чувства в своем ядре – чувства религиозные, сакральные. А, следовательно, – и нравственные,

поскольку предполагают онтологическую укорененность человека в мироздании, его гармонию со всей реальностью.

И если под религиозностью подразумевается глубинно-психологический, априорный феномен обращенности личности к онтологически фундаментальным и этически высоким началам бытия, то в этом смысле религиозность означает *глубину человека, его духовность*.

Здесь надо подчеркнуть особо: «духовность» не есть полный синоним «нравственности». Понятие духовности есть *укоренение* понятия «нравственность», его *углубление и расширение* до понятия «генетического» онтологического основания нравственности, до ее объективно сущего, реального над-природного источника.

«Дух» производят от «дыхания» как основы жизни, а духовность тем самым отождествляют с витальностью, жизненной силой, энтелехией, т. е. с проявлением духа жизни. Но если духовность человека сводится только к духу жизни, то чем человек отличается от остального живого мира? Ничем. При таком понимании человеческая жизнь лишается всякого смысла, и тогда она всегда конечна.

Более того. Нельзя забывать, что витальное начало – материально, что это – природная энергия. Духовное же, по определению, не есть материальное. Оно – феномен вне-природный, или над-природный, т. е. такой, который не дан человеку от природы.

Действительно, подлинный человек живет не только своей жизненной силой и уж вовсе не ради нее самой. Есть в нем и другой тип энергии, то благородство, которого нет в природе. Неотъемлемой, сущностной характеристикой жизни человека в ее точном смысле и значении является нечто большее, гораздо более высокое и тонкое, нежели природная жизненная сила. И это нечто находит свое выражение в понятии «человечность».

Иными словами, если говорить о «духе» по отношению к подлинно человеческому существу, т. е. существу, которое отвечает понятию и достоинству человека, то необходимо признать следующее.

Кроме силы жизни (которая в основном управляет физиологией), или энергии активного функционирования, в челове-

ческом существе должно быть еще и нечто сверх этого и в дополнение к этому: сила, или энергия, способная приподнимать его над материальными условиями жизни, возвышать его над всей остальной Природой – но возвышать благими качествами. Причем даже в тех обстоятельствах, когда, казалось бы, человеку выгодней и удобней подчиниться общему ходу событий в мире материи; когда, как будто бы, для него самого было бы куда полезней, целесообразней двигаться по логике той необходимости, которая вынуждает его заботиться о своей пище, о самосохранении и размножении.

Но в том-то и дело, что этот дух подлинной человечности как раз и являет себя в качестве иного по сравнению с духом природы.

Дух подлинной человечности, та внутренняя сила, которая делает человека Человеком с большой буквы, есть не просто жизненная сила, или физическая способность, или природная гармония, или инстинкт, или еще что-либо подобное. Этот дух есть человеческое нравственное начало. Иначе это начало называют священным, божественным в человеке. Оно сопряжено с внутренними чувствами, такими, как чувство священного, вера (доверие), любовь, благоговение перед жизнью себе подобных и не подобных, чувство вечности, чувство бессмертия. Недаром в священных текстах выделяется представление не только о духе, но еще и о Духе благодатном, Святом.

Итак, в человеке есть нечто, не сводимое ни к жизненной энергии, ни к сознанию, ни к психической жизни вообще – нечто глубоко внутреннее, сущностное и совершенно отличное от всего материального, сколь бы тонким оно ни было.

Именно этим сущностным, светлым и одухотворяющим началом человек разительно отличается от всего остального в Мироздании. И именно им он бесконечно ценен для мира. Человек есть ценность прежде всего потому, что он уникален своими духовными качествами среди законов и явлений материальной Вселенной.

Отсюда очевидно, что назначение человека в мире – внести в мир духовность, т. е. душевное тепло, любовь, заботливое отношение к Гармонии природного бытия.

Следовательно, далее, духовность должна быть практической, т. е. выливаться в творчество во имя людей.

По сути дела, духовность тождественна Любви как тяготению к Иному (а не к себе). Вот почему духовность есть способность никогда не воспринимать окружающее отрицательно, никогда ни одного человека не воспринимать негативно, никогда ни о ком ни при каких условиях не думать плохо [7].

Причем это – лишь минимальная, или «нормальная», мера духовности. А в своем высшем проявлении духовность – это способность бескорыстно и бесконечно отдавать сердечное тепло и творческие дары окружающим.

Понятие духовности неразрывно связано с понятием о некоем Высшем Начале или Боге. Но при всей аксиологической высоте понятия духовности Бог в разных религиях – очень разный. Мало того, зачастую в одной и той же религии он предстает во взаимоисключающих ликах: он и мстительный, и любящий, завистливый и всепрощающий, личностный и безличный... Отсюда возникла проблема теодицеи, нескончаемые споры, связанные с пресловутыми «парадоксами» божественной сущности, в которой приходилось признавать одновременное существование качеств добра, зла и трансцендентного равнодушия к этим определениям, всепрощения и мстительности, абсолютного единства и множественности ипостасей и т. д. Это смещение было следствием переноса двойственности, разорванности человеческого существа на божественную сущность.

Нравственность, однако, есть любовь. Значит, и Бог есть только Любовь.

И, значит, надо отличать его от многоликого и всепроникающего Абсолюта, который, как считалось в классическом даосизме, содержится и в кале, и в моче (трактат «Чжуанцзы», глава 22).

Главная идея для современного правильного миропонимания – это то, что всё мироздание есть информация разного уровня плотности. Остальное – разворачивание и конкретизация ее.

Необходимо, следовательно, различать определенные этапы и формообразования Бога.

Идея Бога может обрести свое истинное значение, свою действительную доказательную мощь только в виде *конкретно-целостного теоретического понятия*. Иначе понятие Бога останется пустым звуком или голой абстракцией.

Первое, основополагающее понятие Бога формулируется в виде следующей дефиниции: Бог – это объединяющий принцип многообразия.

Однако этого мало. Подлинно целостное понятие Бога возможно не просто на пути формулирования некоторой обобщающей дефиниции и не на пути суммирования или синтеза всех Его определений, а на пути рассмотрения именно *ступеней Его эволюции*.

Конкретные уровни и стороны последовательного эволюционного проявления Бога как Единого Принципа первоначально таковы: Великая Пустота (Бездна, Шуньята, Эйн Соф) → Единый в качестве Творца мироздания.

Далее надо подчеркнуть: в качестве Единого Принципа, Абсолюта, Бог, как это ни парадоксально, есть *также и природа*.

Парадокс этот разрешается достаточно просто.

Что такое природа, «сама природа» как творящая активная сила? Дерево? Трава? Муравей?.. Нет, она не есть ни то, ни другое, ни третье... Не дерево творит само себя, не трава создает себя, не муравей наделяет себя инстинктами, – но именно Природа как Целое. Эта Система всех систем, как условно механических, так и самоорганизующихся, зачинает, созидает и детерминирует все сущее.

Итак, «природа» атеистов и ученых, поскольку они относятся к ней всерьез (мы имеем в виду – как к чему-то, что имеет внутреннюю логику, смысл, законы), – *тот же Бог*, только под другим названием. По крайней мере, в своем явленном чувственно-конкретном многообразии она *полна Богом* как свою сущностью, Бог имманентен природе. Выражаясь еще иначе, природа имеет свою полноту только при условии, что она понимается в качестве мыслящей и самодвижущей творящей субстанции. В противном случае она – не природа даже, а россыпь бессвязных проявлений, случайных организмов и т.п.

Наконец, в мироздании возникает последний фазис в развертывании сущности и проявлений высшего креативного источника – сверхтонкое духовное образование. Эта структура создает вокруг себя тончайшее пространство-поле – мир высший. По отношению к человеку, которого он одухотворяет, именно этот над-природный креативный источник необходимо подразумевать под евангельским наименованием «Отец Небесный». Именно Он превращает высокоорганизованных разумных существ на Земле в людей (человеков).

В мире природы мы не обнаружим духовности (любви, нравственного начала), ее там попросту не может быть: материальное бытие есть бесстрастная гармония, равнодушная к внутренним переживаниям человека. Для этой гармонии важно только соблюдение законов. Но для людей началом их человечности, нравственности выступает «Отец Небесный» – высший, или духовный, исток. Именно здесь – начало антропогенеза. В отличие от Абсолюта – как Первого Творческого Начала, которое творит Вселенную с ее телами и разумами – Он есть духовно-генетический источник *человеческой сущности*, Второе Творческое Начало, Творец *наших душ*.

Человечность, или духовность, стало быть, есть в своем высшем проявлении синоним святости и божественности. Будучи вне нас, Бог одновременно, в виде своей частицы, присутствует в нас как наше собственное, притом самое глубокое начало, сотканное из духовной ткани.

Идея Бога сама по себе, как видим, не обеспечивает всецело идеи бессмертия души и даже просто существования последней. Только доведение идеи Бога-Абсолюта и Бога-Творца до идеи Отца Небесного позволяет совершенно определенно говорить о существовании духовного образования в архитектонике человека – *души* как тончайшей и потому неуничтожимой субстанции высших чувств, а, стало быть, также – о ее бессмертии.

Если существует только Абсолют, то не существует личности, нет нравственности, всё позволено, всё безлично и безразлично, кроме борьбы разума за свой статус в мироздании: за продление жизни, освоение информационно-энергетических потоков и закономерностей.

Но существует еще и тончайший уровень универсума, и этот уровень – духовен. Поэтому у человека, помимо разума и в дополнение к нему, появляется душа, а с нею – совесть, благие качества и высочайшие проявления нравственности.

В этом отношении, т. е. именно в силу наличия духовной сущности, способной облагораживать холодное бытие Вселенной, человек обладает особой уникальностью среди других существ и тем самым особо ценен для мироздания.

Известно, впрочем, что наличие души нередко подвергается сомнению и прямым насмешкам. Но отрицание души – предрассудок мировоззрения материализма, притом материализма грубого. Горестно видеть, что этому предрассудку, этой догме подвержена едва ли не вся современная научная психология, за отдельными счастливыми исключениями. Души для психологов не существует, во всяком случае, о ней почти ничего не упоминается даже у крупнейших специалистов в этой области [8]. Этим доказывается, конечно же, не отсутствие души, а то, что вся так называемая позитивная наука не продвинулась дальше эмпирических наблюдений и глубже выводов обыденного сознания.

Задача систематического исследования и изложения учений о душе – слишком огромна. Достаточно сказать, что никто из мыслящих представителей человеческого рода не обошел этой проблемы в своих исканиях. Будем поэтому предельно лаконичны и содержательно конкретны в дальнейшем изложении вопроса о душе.

Представления о душе складывались в народном сознании через ее противоположность телу, через этимологию «духа» как «дыхания», «начала жизни» и т. п. Без дыхания нет жизни – вот почему душу, т. е. то главное, благодаря чему человек живет, приравнивали к дыханию.

А признанные и даровитые мыслители в истории говорили и писали о душе чрезвычайно различным образом: как о разуме, витальном начале, экзистенции, психическом средоточии, центре сознания... Характернейшая путаница в отношении сущности и архитектоники души была бы представлена в таблице состава человеческого существа, если объединить зна-

ния о душе, теле и духе у разных народов мира. Тогда окажется: здесь *структуры* (душа, тело, астральное тело) смешиваются с *процессами* (дух, жизненное дыхание-прана, жизнь, мышление), «*субстанциями*» (кровь), *способностями* (ум, разум) и состояниями (*чувство*).

Эти противоречия свидетельствуют не столько о многообразии проявлений души, сколько о коренном непонимании ее сущности.

Так, слишком часто *отождествляют душу и разум*, полагая, что душа – это образное название для разума и его высшее проявление.

Душа и разум, конечно, связаны тесно. Тем не менее, это – проявления совершенно разных законов.

Если законы, открываемые разумом, объективны, то они требуют соответствующей беспристрастности, а, значит, бесстрастности, холодности. А законы развития души – законы нравственности, т. е. свободно и бескорыстно даруемой любви, положительного чувственного отношения ко всему сущему.

Разум сопряжен с познанием универсально-всеобщего. Душа – с чувством священного.

Сфера разума – наука и, в традиционном понимании, философия как высшая форма рациональности. Сфера души – религия, психология, искусство. «Чувства не умирают. Умирает тело, одежда. Смерти нет» (Микаэл Таривердиев).

Разум выявляет полезное и целесообразное, а в своем творческом применении становится комбинаторной, инженерной деятельностью по пересозданию того, что предоставляется возможностями природы. Душа же открывает в мире прекрасное и привносит в природу доброе чувственное отношение. Она творит новые, дополнительные, теплые оттенки гармонии, обогащая природу душевным теплом, т. е. тем, чего в бытии природы нет и не может быть в принципе.

Уже из одних этих определений должно быть очевидно: в отличие от разума, призванного к работе с бесстрастными универсально-всеобщими закономерностями, душа есть внутреннее нравственное начало, составляющее сущность человека и его живую индивидуальность. При этом она настолько

тонкая структура, что ее логично называть бестелесной вовсе, качественно иной, нежели самые тонкие материальные проявления, т. е. началом духовным.

Если душа есть в человеке главное, то совершенно иной оказывается и картина происхождения человека, а вся система детерминации и координат в понимании антропогенеза (включая в него и человеческую будущность) переворачивается.

Антропологи оказались к сегодняшнему дню перед серьезной дилеммой. С одной стороны, факты науки показывают, что человек формировался чрезвычайно долго; с другой – факты той же науки говорят о том, что человек возник, по выражению одного из ученых, «как-то уж очень быстро».

Эволюция антропоидов шла миллионы лет. Медленно и постепенно менялась их плоть, развивался мозг, повышался уровень мышления, возрастало качество орудий труда. Однако где здесь подлинное начало человека? Ведь процесс этот происходил с такой «степенной» постепенностью, что в нем невозможно уловить переход от антропоида к человеку. Многие мыслители полагают, что он связан не столько с внешними переменами в облике и деятельности антропоида, сколько с переменной внутренней – появлением самосознания, резкой, внезапной «вспышкой рефлексии» (по выражению П. Тейяр де Шардена).

С этим можно было бы согласиться, если бы такой подход давал ясный ответ на вопросы, когда и почему произошел этот переворот и каковы все-таки его внешние показатели. Ни гоминид, ни антропоид, ни тем более обезьяна, хотя бы она миллиард раз ударила камнем о камень, не сумеет высечь в себе искру божью, а значит, не станет человеком.

Но весь парадокс в том, что переход от дочеловеческой формы жизни к человеческой тем не менее как-то произошел!

Действительно, человек современного типа (кроманьонец) – качественно иное существо, нежели антропоиды и гоминиды. Причем, возник он поистине неожиданно. Примерно 40–50 тысяч лет назад вдруг возникает религия, появляются изумительные по своему совершенству произведения искусства, приручаются, становясь домашними, животные...

Значит, не в неразличимой дали эволюции, не в доистории, а именно здесь надо усматривать истинный исток человека? Да, разумеется. И дело даже не в том, что кроманьонец похож на нас внешне, а в том, что в нем со всей очевидностью выразила себя человеческая суть.

Разумная плоть существовала и развивалась уже у антропидов. Рассудочные операции животных вырастают (например, у *homo habilis*) в разумную деятельность, о чем свидетельствуют хотя бы орудия труда, изготовлявшиеся предчеловеком. Но это – палеогенезис и палеогнозис человека как существа пока еще только разумного. А вот у кроманьонца мы видим уже не только деятельность по логике внешней целесообразности, но и развитие над-утилитарных способностей. Это означает, что разумное существо стало человеком, а природный психизм дополнился духовностью. Или, как выражал подобную идею Н.А. Бердяев: человек – не только микрокосм, но и микротеос [9].

Проще говоря, в человеке появилось то главное, что делает его человеком, – душа. Ее не следует путать с психикой. Душа возвышает человека над природными инстинктами, привязанными к плоти и ее психическим отправлениям. Как таковой, психизм состоит в реагировании стоном и криком – на боль, ударом – на удар, обидой – на обиду, ненавистью – на ненависть. О том же твердит человеку его сознание, и даже если оно склоняется к мысли о необходимости «быть выше обстоятельств», оно не в силах само справиться с раздирающими человека аффектами. Лишь обладая духовным стержнем, душевной силой, человек в состоянии ответить улыбкой – на боль, незлобивым словом – на удар, спокойствием – на обиду, любовью – на ненависть.

Ибо отныне, с обретением души, в человеке господствует вера в высшее, полное доверие ему, т. е. уверенность в том, что это высшее не оставит его в беде, а, напротив, поможет жить достойно и счастливо. Это облагораживающее высшее начало и побудило человека к религиозности, пробудило в нем чувство прекрасного и подвигло к созданию произведений искусства. Тем самым было впервые манифестировано предназначение

ние человека – изменять структуру окружающей материи, одухотворяя ее. Впоследствии, на пути истины у людей открывается бесконечный горизонт осмысленной и одухотворенной творческой жизни.

Итак, формируясь миллионы лет как разумное существо, человек стал человеком внезапно, когда ощутил в себе «душу живую».

Вот где кроется решение проблемы антропогенеза. Человек, так сказать, рождается дважды: во первый раз – как разумная плоть, а во второй раз – как человек, духовно. Смутный намек на это как будто угадывается в первых главах Библии, где о сотворении человека говорится дважды и по-разному, и в тексте Корана (23:14), сообщающем о некоем «другом творении» человека.

Необъяснимый для антропологов феномен происхождения человека становится принципиально ясным. Причиной превращения антропоида в человека явились не оледенение и не потепление, не радиация, не генетические мутации, не солнечная активность и не предметная деятельность. Всё это факторы материальные, а между тем проблема как раз и состоит в том, каким образом материальное вдруг «превратилось» в человеке в духовное и было дополнено им.

Подобно тому, как черно-белый набросок под рукой живописца обретает красочные тона, плоть и разум человекообразного существа были расцвечены богатыми красками духовности. Это могло случиться отнюдь не само собой, отнюдь не в результате предшествующей эволюции жизни на нашей планете. Если природное в антропоиде дополнилось духовным, значит, это духовное не зависело от сформировавшегося антропоида-предчеловека и было над-природным началом.

Следовательно, единственно возможным объяснением «второго рождения» человека должно быть признание того, что в тогдашнюю эпоху близ Земли возникло *объективно-духовное условие* преобразования разумного существа в человека. В бытии, в мире Вселенной, проявилось своеобразное надбытие. А с ним и человек обрел свое второе начало – начало подлинное.

Итак, без понятия души невозможно понятие нравственности. Потому что нравственность восходит к божественному

(духовному) началу в человеке и, следовательно, есть абсолютное и общечеловеческое начало.

А если так, то *нравственность светского человека и человека верующего – принципиально одно и то же качество*. Другое дело, как тот и другой это качество трактуют и проявляют.

Чувство любви у священника и ученого – одно и то же чувство. Хотя понимают они его по-разному: один как Волю Высшую, другой – как волю свою. И проявлять его они могут по-разному: тоньше или грубее, проще или сложнее, шаблонно или оригинально...

Иначе говоря, должно быть понятно: светский человек и человек религиозный – оба имеют в себе духовное начало. Ведь тот и другой – люди. А духовность есть глубинное определение самого существа человека. Следовательно, светский человек (неверующий) и религиозный человек (верующий) духовному началу как минимум *причастны*. Иной вопрос – различие в их рефлексии над этим духовным началом, разница в их мировоззрениях и мнениях относительно того, что такое духовность [10].

Но мнения мнениями, а, рассуждая объективно, необходима гармония религиозности и нравственности. И проявляется эта гармония в феномене духовности. Выражаясь иначе, нравственность коренится в Боге и религиозности, и именно поэтому она есть духовность.

Если же истоки нравственности – в социуме или природе, то она не абсолютна, она условна, ущербна. И тогда, поскольку нет Бога, всё позволено.

Нравственность связана с онтологически высшим, духовным началом и, стало быть, с бессмертием человеческой души-индивидуальности.

И, значит, не может быть «светской этики» как таковой. Светская этика – не более чем мораль («легальность», условная нравственность).

Итак, нравственность безусловна. Но в каждом из нас она чаще всего выражена далеко не достаточно. Следовательно, нравственное начало в человеке нуждается в развитии. И потому сегодня необходимо правильное понимание закономерностей духовного развития для осознанного возвращения человечности.

А возможно ли подлинное нравственное совершенствование без тех или иных правил, заповедей? Ведь в них сконцентрирован тот или иной, пусть где-то больший, а где-то меньший, но опыт многих и многих поколений. И – заветы духовных учителей.

Но учителя эти – очень разные.

Поэтому, следуя заповеди евангельского Христа: «Не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель – Христос» (*Матфей 23:8*), надо, очевидно, сразу же признать, что подлинный Учитель человечества – не тот, кто может научить *чему-то*, пускай многому и интересному. Он – тот, кто учит действительной Истине во всей ее полноте и во всех необходимых подробностях. Он – тот, кто знает Человека и Мир до корней и, соответственно, способен вывести людей на единственно верный путь развития.

Больше того. Истина может быть только одна: иначе, какая же она Истина? Значит, и Учитель Истины может быть только один, дабы, приходя к людям в одном, зримом для всех Лице, пресекать разногласия по поводу единственной Истины. Множество же учителей, проповедующих множество «Истин» о Мире и Человеке, – ситуация нездоровая. Все они учат *принципиально разному* пониманию и поведению.

Определить, кто же из них прав, возможно, прежде всего, путем выяснения содержания и характера Учения, проповедуемого этой личностью. Если оно открывает нам глаза на нас самих, на наше предназначение в Мире и на самый Мир; если оно является действительно новым как в целом, так и во всех главных пунктах; если его отличают логическая строгость, цельность и стройность; если для него характерен максимально полный объяснительный эффект; если оно имеет жизнеутверждающий смысл; и если, наконец, оно конгениально всему лучшему из истории человеческой мысли и расставляет все прежние и современные учения по местам, – это Учение Истины, и носитель его сам есть Истина.

Стало быть, необходим переход именно к этой единственной и Единой Истине и, соответственно, к единому миропониманию. А с ним – к единому Пути и единому человечеству, поскольку мы у Бога – единый народ.

Политологами, социологами власть рассматривается сугобо технологически, через призму механизмов ее захвата, удержания и усиления и соответствующих рисков – ослабления и потери власти. Этические ценности здесь принципиально во внимание не принимаются. А.С. Панарин писал: «Мы много полезного для себя откроем в демократии, если научимся различать две стороны: демократию как ценностную систему, опирающуюся на понятие политического суверенитета народа, и демократию как технологическую систему, прямо отрицающую этот суверенитет в пользу технологического отношения к народу как к обрабатываемой массе». При этом по отношению к самим «политическим акторам» технологический подход означает, что «настоящий профессионал в политике – это тот, кто не имеет устойчивой идентичности – незыблемых взглядов, убеждений, принципов».

Развитие экономики, новейших технологий, средств массовой информации создало гигантский усилитель ошибочных и некомпетентных действий. Критерии разумности огромного числа принимаемых политических решений практически отсутствуют, и их далеко не всегда могут заменить интуиция, здравый смысл и политический опыт. Типичной ситуацией при принятии политических решений, в том числе имеющих принципиальное, стратегическое значение, является огромный объем ненужной информации, большой объем нужной, но не обработанной, не усвоенной к моменту принятия решения информации, и отсутствие значительной части необходимой информации. Тенденция перекалывания огромного круга проблем на одну организацию, ведомство, программу, на один уровень снижает эффективность любых систем. Типичным упрощающим допущением при этом является предположение о линейности развития системы. Понятно, что в таких условиях реалистическая оценка возможных рисков и угроз становится весьма проблематичной.

Внимание к тонкоматериальным процессам – ключевой момент стратегии управления рисками. Необходимым становится постоянное проведение исследований, направленных на решение задачи минимизации неожиданностей в разви-

тии кризисных ситуаций в виртуальном пространстве. В XXI в. главной ареной политической борьбы становится киберпространство, а стратегической целью этой борьбы – воздействие на массовое сознание, изменение его ценностей, культурных норм, мировоззренческих принципов и т. п., что позволяет обеспечить свою безопасность.

Конфликт – это такая разновидность структурного дисбаланса, которая означает неспособность сохранения системы в старом качестве, в прежних качественных границах своего бытия, невозможность выполнения системой своего внутреннего предназначения, потерю системой базисной устойчивости развития в прежнем направлении, на прежнем уровне, с прежним набором и зависимостью причинных переменных. Этот конфликт возникает и в этическом сознании философов, если они не являются простыми исследователями и изготовителями текстов.

Вдруг и философы поймут, что без мощного эмоционального, поэтического настроения и строя их философской мысли им придется и дальше обслуживать науку о вещных свойствах вещного мира. Что ж! Такое уже бывало. Хотя философия всегда оставалась самой собой, та или иная влиятельная конгрегация ангажированных своим временем философов выступала и служанкой богословия, и служанкой наук о природе и даже самых разных недолгих идеологий, «рационально» и «эмоционально» оправдывающих бездуховность помыслов, мотивов, да и самих дел тех, кто своекорыстным интересам своих групп, своим частным интересам равнодушно приносят в жертву жизни миллионов людей, культуру народов, культуру всего человечества. Но философу не быть поэтом до тех пор, пока философы в наше *время*, стремительно срывающемся в безвременье, в трагическом *бытии* культуры, болезненно торопящей свое небытие, обсуждают проблемы Времени и Бытия лишь как проблемы логического следования выводов из привычно исходных смыслов категорий чистого (или почти чистого) разума. А потому не быть ему и философом.

За тысячелетия своего существования философия накопила громадное количество знаний о человеке и мире. В каждой

серьезной философии кроме содержания, принадлежащего исторически определенным формам мышления и культуры (преходящего и отмирающего вместе с этими формами), есть также нечто, что остается непреходящим и может послужить опорой для попыток понимания настоящего, и предположений о будущем. Для философа, увлеченного проблемами личной ситуации, это «нечто» может и не быть в центре его внимания, его системы, которая как целое отходит в прошлое.

Наука есть знание о мире вещей и вещных отношений, а «научная картина мира» есть картина не Мира как целого, но лишь его вещной проекции.

Запад развил это производство, опираясь на провозглашенный христианством принцип личности как ценности (хотя и в значительной степени исторически искаженный). В дальнейшем само это производство вошло в противоречие с личностным развитием, требуя в качестве рабочей силы не личность, а частичного человека (вследствие разделения труда и автоматизации).

На Востоке сохранялись в значительной степени родовые, патриархальные и общинные отношения, а государство старалось обеспечить их неизменность, стабильность. История Востока – это определенность и неизменность социальных и культурных структур, которая специально поддерживалась, в том числе, специфическими реформами, направленными, как правило, на восстановление утративших с течением времени силу старых порядков, поскольку предполагалось, что Мир создан совершенным и законченным. Любое изменение несет в себе опасность нарушения совершенной гармонии Целого. Восток, таким образом, – сфера, специализированная на неизменности определенных структур, ориентированная на прошлое. Например, в традиционном Китае, независимо от субъективных намерений реформатора, любая реформа, неизбежно облакавшаяся в традиционную оболочку, как правило, была направлена на сохранение статус-кво в изменившихся условиях. В социальном плане человек оставался частичным, связанным групповыми, патриархальными и общинными отношениями и соответствующими формами сознания. Эти формы активно антиличностны (напри-

мер, так называемый, японский группизм), но зато делают человека прекрасно приспособленной рабочей силой, в том числе и для современного производства. Этим объясняется сравнительная легкость проникновения в восточные страны современной технической цивилизации, несущей высокий уровень жизни, а за ним – и *массовую культуру* Запада.

Всеобщий характер кризиса Предыстории приводит к тому, что из него нельзя уже выйти посредством тех или других частичных мер. Никакими научными и технологическими средствами преодолеть его невозможно, поскольку это – кризис самого технологического отношения к Миру, включая соответствующее научное сознание.

Все великие дохристианские цивилизации покоились на вере в причастность правителей к божественной сфере (или в непосредственно божественное их происхождение). На Востоке вера в харизматичность власти начала разрушаться лишь в последние столетия, и не по внутренним причинам, а в связи с экспансией западных форм жизни.

Высшей ценностью, обеспечивающей власть, становятся деньги – концентрированная форма вещиности. Демократия и демократическое «равенство» приводит к господству бездуховной посредственности во всех сферах жизни, к снижению уровня духовного творчества, культуры, отмиранию целого глубокого пласта душевно-духовной жизни личности. В любой социальной системе индивид является функционирующей частью этой системы. Однако личность не может быть частью чего бы то ни было, но лишь самостоятельным целым. Ряд понятий современной западной культуры, таких, как справедливость, правосознание, законность, социальность, мораль и т. п., легко согласуется с восточным представлением о карме, но не может вместить такой ряд, как любовь, покаяние, прощение, милость, благодать, соборность (последнее – типично православное), нравственность.

Должна быть установлена обратная иерархия: первичность второго из указанных рядов понятий и вторичность первого, играющего обслуживающую роль. Для такого переворота сознания надо выйти за пределы новоевропейского рациона-

лизма. Поэтому-то в условиях господства этого рационализма первичность второго ряда, часто допускаемая и даже утверждаемая на словах, терпит поражение в реальной практике социальной жизни и мышления.

Для вступающего в Эпоху Рассвета человечества основной его принцип – принцип любви – становится всеобщей основой собственно личностных человеческих отношений. В целевой детерминации самое далекое будущее определяет более близкое, это близкое, в свою очередь – ближайшее. Поэтому прав был И. Кант, который утверждал следующее.

«...Дети должны воспитываться не для настоящего, для будущего, возможно лучшего, состояния рода человеческого, т. е. для *идеи человечества* и сообразно его общему назначению. Этот принцип имеет великое значение. Родители воспитывают обыкновенно своих детей только так, чтобы они годились для современной жизненной обстановки, хотя бы и далекой от совершенства <...> Но здесь имеются два препятствия: а) родители заботятся только о том, чтобы их дети хорошо *устроились* в жизни, а б) правители смотрят на своих подданных как на средства для своих целей.

Родители заботятся о своей семье, правители – о государстве. И те и другие не ставят конечной целью всеобщее благо и то совершенство, к которому предназначено человечество и для которого оно имеет все данные. А план воспитания должен быть составлен с космополитической точки зрения» [11]. Западный мир, несмотря на еще продолжающееся по инерции внешнее экономическое процветание, во внутреннем духовном и психическом плане, плане культуры и в отношении к глобальным кризисам уже «дышит на ладан». Это – мир прошлого, «мир уходящий» вместе с господством научной формы мышления и технологии. И никакая смена научных парадигм (т. е. конечно-определенных форм в рамках наличной научности) здесь помочь не может, так как речь должна идти о совершенно новом сознании.

Большинство крупнейших мыслителей, писателей и философов мира считали капитализм с его господством рыночной экономики самым бесчеловечным из всех известных социальным

строим. Он необходимо несет в себе утверждение формального «равенства» и соответствующей демократии, десакрализацию (тем самым, «вымывание» духовной сферы как из общества, так и из души индивида), разрушение основ нравственной личности («дегуманизацию»), деградацию искусства, господство вещных отношений и т. д., вплоть до превращения человека в товар.

Необходимо устранение отчуждения Человека от себя самого и Мира, а, следовательно, устранение капитализма, частной собственности и рыночной экономики как основы общественной жизни, т. е. устранение господства вещиности – наиболее глубокой тотальной формы отчуждения человека, когда он перестает быть самим собой. Освобождение Человека, долженствующего начать собственно человеческую историю, развитие и раскрытие духовного индивида.

Вот как оценивают некоторые стороны современной научной жизни сами ученые [12].

1. Страх же подстерегает ученого на каждом шагу. Страх остаться без средств к существованию. Страх потерять независимость. Страх того, что, совершив открытие, ты не сможешь закрепить своё первенство. Страх того, что, заявив об открытии, окажешься впоследствии неправым. Страх быть непонятым, оклеветанным, страх идти против течения.

Характерные черты лженауки:

1. Непрофессионализм:

– безапелляционные и безграмотные утверждения, касающиеся областей науки, где человек не работает;

– плохое знание своей собственной области;

– отбрасывание экспериментальных фактов в угоду безоговорочно принимаемых теорий (например, своих собственных, либо стандартных);

– нежелание выделять противоречия и работать над их разрешением, замалчивание противоречий;

– обращение к СМИ вместо того, чтобы добиваться признания внутри научного сообщества.

2. Низкий моральный уровень:

– переход на личности в спорах, оскорбления (цель критики – уничтожение оппонента, а не выяснение истины);

- шельмование и подмена понятий при критике;
- умалчивание ключевых фактов;
- подтасовка данных и фактов;
- ложь и клевета;

3. Трусость:

- отказ признавать свои ошибки;
- отказ от публичных дискуссий лицом к лицу с оппонентами;
- использование административных методов борьбы вместо научных;
- отказ от ответственности за свои слова.

Этика становится естественным фундаментом науки, если принять, что наука – это один из способов любви человека к этому миру.

Идея единства истины и блага на уровне личностного сознания выступает в виде основного мотива занятия научной деятельностью: базисной ценностной ориентацией ученого является устремленность к поиску истины. Понимая, что современная критика науки во многом вызвана тем, что на науку возлагаются такие задачи и с нею связываются такие надежды, которые она по своей природе выполнить не может и не должна. Вера в науку без адекватного осознания ее смысла оборачивается иррациональным суеверием.

Попытки контроля и регламентации научных исследований упираются в сложнейшую проблему: последствия большинства научных открытий непредсказуемы и непредвидимы, а выработать критерии потенциально опасных знаний чрезвычайно сложно. Однако ограничение академических свобод некомпетентным административно-бюрократическим аппаратом было бы губительным для науки, парализовало бы проведение научных исследований и разработок. Но отказ от каких-либо ограничений вообще ставит под угрозу само существование человечества.

Откуда усиливающаяся нестабильность в мире – как в отношениях человека с природой, так и в межчеловеческих отношениях? Мы видим, что теряем контроль абсолютно над всем: финансами, семьями и своими инстинктами. Родители – над

детьми, учителя – над учениками. Мы всё извратили, страдаем из-за психических расстройств, пристрастились к наркотикам, кончаем жизнь самоубийством. В одном Казахстане в 2013 г. было три тысячи самоубийств.

Постоянная борьба с болезнями, которые неистощимая на выдумки природа посылает роду человеческому, вынуждает человека напрягать свой ум и создавать всё новые и новые лекарства и улучшать техническую базу. Но и сама техника доставляет ему огромные страдания из-за своего несовершенства, заставляя, таким образом, человека постоянно изобретать что-то, не давая ему стабильности, которая ощущалась бы как покой, наслаждение от отдыха. Причина этому одна: невозможность обретения так желаемой нами стабильности жизни лежит в эгоистическом пути развития человечества. Против него ополчились непознанные нами силы природы, и их разрушительное действие превосходит технические катастрофы. Человечество расщеплено на противоположности: противостоят друг другу государства, партии, экономические интересы, классы, индивидуумы. Мы все – потребители от природы и всю свою историю сражались за большой кусок: это моя земля, и все, что в ее недрах, – мое. Так наш эгоизм использовал природу самым разнузданным образом. Поэтому быть уравновешенным с природой – значит, соблюдать равновесие в потреблении от природы: человек должен брать от нее только то, что необходимо для обеспечения нормальной жизни, не производить того, в чем нет жизненной необходимости. Любое излишество вредно и не согласуется с законом равновесия природы.

Мы видим множество примеров, когда в моменты опасности государства пытаются договориться между собой, заключая различные союзы. При этом странам тяжело приходиться к взаимовыгодным соглашениям. Ведь люди до сих пор не научились понимать и учитывать интересы друг друга, ибо такова эгоистическая природа человека, которую большинство пока не знает, как изменить.

Мировое хозяйство и цивилизация в целом ищут выхода из тупика, грозящего невиданными потрясениями. Кроме постоянно нависающих над миром различных опасных по-

литических конфликтов и неожиданных экологических катаклизмов технологическая мощь человечества уже дошла до непредсказуемых возможностей. Сегодня одно государство или даже крупная компания могут устроить техногенную катастрофу, сравнимую по своему влиянию на жизнь людей и экономику с применением оружия массового поражения. Сегодня человечество не знает, куда и как дальше развиваться и решать возникающие проблемы, которые все чаще ощущаются как путаница и удары слепой судьбы. В мире возникла ситуация, характеризующаяся связью и зависимостью друг от друга, какой не было раньше. Однако, находясь на одной планете, мы так и не научились, как нам жить вместе. Упершись в глухую стену, скрывающую от нас цели и надежды на будущее, человечество оказалось перед необходимостью познать законы мироздания [13].

В изучении развития науки нас всегда интересуют ее человеческие истоки. Только вникая в судьбу, изучая биографию ученого, можно понять его нравственную ответственность перед наукой и обществом. Такие люди были как прежде, так и среди наших современников [14].

Литература

1 Гусейнов А.А. Золотое правило нравственности в истории культуры // «День знаний» в СПГУП 1 сентября 2005. Актовая лекция // http://guseinov.ru/conf/z_prav.html

2 См. Возможна ли нравственность, независимая от религии? / Отв. ред. А.А. Гусейнов. – М., 2012.

3 Интервью с академиком РАН Абдусаламом Абдулкеримовичем Гусейновым // Философия и этика: сборник научных трудов. К 70-летию академика А.А. Гусейнова. – М., 2009. – С. 23.

4 Там же. – С. 25.

5 Подробно об этом см. напр.: Арсеньев А.С. Парадоксальная универсальность Человека и некоторые проблемы психологии и педагогики // Мир психологии. – 1999. – № 1.

6 Ср.: Книга обращений 19:27–28 // Последний Завет. – Спб, 1996. – С. 52.

7 См.: Предвозвещение. 183 // Последний Завет. – Спб, 1996. – С. 11.

8 Исключением является позиция одного из авторитетных психологов нашего времени – В.П. Зинченко. Психология, подчеркивает он, не может похвастаться успехами в решении проблемы души; академической психологии еще предстоит для этого достигнуть *духовного возраста*. А первое условие для этого – признание самого существования души: «Психологи должны вначале признать ее существование, ее объективность, а потом уже строить догадки о том, что это такое!» (Зинченко В.П. Размышления о душе и ее воспитании (Час Души) // Вопросы философии. – 2002. – № 2. – С. 120, 135).

9 См.: Бердяев Н.А. О русской философии. – В 2-х ч. – Свердловск, 1991. – Ч. 1. – С. 20–21. Принципиального различия микрокосма и микрокоса не замечают исследователи неортодоксальной науки и вненаучного знания (см.: Сидоров Г.А. Сияние вышних Богов и краемешники. – М.: Родович, 2013; Хамидов А.А. Научное и вненаучное знание: конфронтация и конвергенция. Монография. – В 3-х частях. – Усть-Каменогорск, 2014).

10 См.: Хэггер У. Понятие духовности. – Киев, 1992; Лившиц Р.Л. Духовность и бездуховность личности. – Екатеринбург, 1997.

11 Кант И. О педагогике // Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980. – С. 451–452.

12 Жигалов В.А. Нужна ли науке этика? О любви и страхе в научной деятельности // Проект «Вторая физика» // <http://www.second-physics.ru>

13 Митио Каку. Физика будущего / Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Альпина нон-фикшн, 2013; Его же. Гиперпространство: Научная одиссея через параллельные миры, дыры во времени и десятое измерение / Пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2014; Перминов А.А. Мироздание. Единая фундаментальная физика 21-го века. Издание двенадцатое. Исправленное и дополненное. – М., 2014; Фридман Д. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века / Пер. с англ. А. Калинина. – М.: Эксмо, 2010.

14 См.: Замечательные ученые / Под. ред. С.П. Капицы – М.: Наука, 1980; Букетов Е. Святое дело Чокана // Пути в неизвестное. Сборник. – М.: Советский писатель, 1985. – С. 319–360; Брагин А. Умом и молотком. – М.: Политиздат, 1975; Букетов Е. А. Грани творчества. [Очерки]. – Алма-Ата: Жазушы, 1977; Я, Нурбулат Масанов... // Сб.ст. и интервью Н.Э. Масанова. – Алматы, 2007; Арсеньев А. Проблемы развития и бытия личности // Развитие личности. – 2013. – № 2. – С. 14–83.

3 ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научно-теоретический уровень мировоззрения определен тем, что он ставит человека перед фундаментальными вопросами, которые принято обозначать как «вечные»: имеют ли мироздание и человеческое бытие конечную цель, абсолютный смысл, объективное предназначение? И если имеют, то доступны ли они человеческому разуму? Каково место человека в этом мире? «Кто мы, откуда мы пришли и куда мы идем»? Тем самым наука вольно или невольно вступает в диалог (сотрудничество, диспут, конфликт) с религиозными интерпретациями онтологических оснований гуманизма.

Как отмечается в «Гуманистическом манифесте 2000. Призыв к новому планетарному гуманизму», дух философского Просвещения XVIII в. с его убежденностью в том, что наука, разум, демократия, образование и гуманистические ценности способствуют человеческому прогрессу, обладает огромной притягательной силой и сегодня. Далее в этом документе подчеркивается: «Уникальная миссия гуманизма в современном мире определяется его приверженностью научному мировоззрению». Это положение принципиально важно, поскольку «... большинство принятых ныне точек зрения на мироустройство являются по своему характеру религиозными, мистическими или теологическими» [1, с. 12].

Взгляд на Вселенную и самого себя *sub specie aeternitatis* неизбежно влечет за собой поиск гарантий или хотя бы возможностей преодоления человеком собственной конечности. Абсолютное небытие, в которое погружает человека смерть, этически непереносимо, даже если оно и онтологически непреложно. «Да и не знаю, что хорошего в том уроке, который вынесли они из своей науки, – будто с приходом смерти мы по-

гибаем без остатка. Может быть, это и так, я не спорю, – но что в этом утешительного или славного?» [2, с. 224]. Ненахождение такого рода возможностей – источник того, что на языке романтиков получило именование *Weltschmerz* – мировая скорбь. «Чрезвычайно мало людей способно смириться с бессмысленностью существования, то есть с тем фактом, что вселенная в целом слепа к нашим самым сокровенным надеждам и самым мрачным опасениям» [3, с. 15]. Поэтому для большинства наших современников религиозная вера, позволяющая возвыситься над повседневной житейской суетой и осмыслить свое мирское существование через теологальные экзистенциалы веры и страха, любви и надежды, греховности и искупления выступает тем духовным камертоном, по которому настраивается их существование в перекрестье между Богом и миром. Если и в природном космосе, и в социоисторическом Универсуме человек – странник и пришелец, то предназначение и цель человеческого существования, конечный смысл моей собственной жизни раскрываются не усилиями разума, но даются верой в эсхатологически-апокалипсической перспективе, в плане божественного промысла о мире как дар абсолютной ценности – вечного спасения.

Религиозная вера дает индивидуально-человеческой личности, конкретно-единичному «я» возможность – отсутствующую, либо в высшей степени проблематичную в рамках рационально-когнитивных, этических, эстетических модальностей мироотношения – онтологически утвердиться в Абсолютном. Научные методы не непогрешимы, они не дают нам неизменных абсолютных истин, – отмечается в «Манифесте». Однако это не отменяет мировоззренческого значения науки, ее диалога с вечностью, несокрушимого стремления ставить каверзные вопросы и способности находить на них ответы. В конечном итоге, именно научные методы оказываются наиболее надежными из всех имеющихся в нашем распоряжении способов уяснения человеком своего положения в природном, социальном и духовном космосе, его разумного самоопределения и рациональной ориентации в мире. Вслед за Гегелем современная наука вправе заявить: «Человек должен уважать самого себя

и признать себя достойным наивысшего... Скрытая сущность Вселенной не обладает в себе силой, которая была бы в состоянии оказать сопротивление дерзновению познания» [4, с. 83].

С точки зрения нормативной концепции атеистического гуманизма, развиваемой председателем Совета по секулярному гуманизму Полом Куртцем, гуманистические ценности не нуждаются в трансцендентно-теистическом обосновании. Дело в том, что их формальной структурой выступают логико-семантические нормы критической рациональности, а способом реализации – «методологический процесс», ориентированный «...не на поиск абсолютно наилучшего, а на улучшение жизни, на максимизацию того, что лучше по сравнительной шкале ценностей» [5, с. 84]. Однако могут ли эти нормы выступить опорами и ориентирами экзистенциальных решений? Не становится ли бесплодной каменистой пустыней душа человека, в которой место, покинутое духовными абсолютами, безотносительными нравственными ценностями и экзистенциально непреложными смыслами, заняла ситуативно-плюралистическая логика?

Можно согласиться с выводом, сделанным В.Ю. Дунаевым: «Рациональный смысл проблемы как религиозной веры, так и атеистического и скептического мировоззрения состоит в том, выступают ли они ферментом и живым событием в опыте становления личностного самосознания, «окнами в абсолютное» духовного плана человеческого бытия, или же становятся удобным способом вписать свою собственную элементарность, распавшуюся на тупо-наличные фрагменты, короткие перспективы и случайные функции, в столь же элементарные контексты целерациональности существования» [6, с. 135]. Главной проблемой в споре секулярного и теистического гуманизма является не содержание и не достоинство провозглашаемых ценностей, но то, что сама форма как религиозной догмы, так и «методологического принуждения» научной рациональности снимает задачу самостоятельной выработки мировоззренческих убеждений, между тем как человек несет всю полноту ответственности за то, что именно он допустил быть основанием собственного бытия (П.Я. Чаадаев).

В «Гуманистическом манифесте 2000» утверждается: «Гуманисты считают, что необходимо распространить применение методов науки на другие области человеческой деятельности, и что не должно вводиться никаких ограничений для научных исследований, за исключением случаев, когда такие исследования нарушают права личности» [1, с. 13]. Оговорка относительно случаев нарушения прав личности в применении научных методов исследования принципиально значима в контексте нашей проблемы.

1. Что имеется в виду или подразумевается авторами «Гуманистического манифеста 2000» под научными исследованиями и применением научных методов в других областях деятельности, нарушающих права личности? Идея прав и обязанностей предполагает взаимность отношений между самостоятельными субъектами. Скажем, если научные исследования и применение их результатов ставят под угрозу благополучие будущих поколений, то нарушает ли тем самым ученый права личности? Имеет ли права тот, кто не несет никаких обязанностей, тот, кого нет? Можно ли обосновать право нерожденных на рождение? Отношения между нынешним и будущими поколениями не являются отношениями взаимных прав и обязанностей.

2. Генетические исследования привели к новым формам дискриминации и нарушений прав личности – генетической дискриминации на основе идентификации ДНК человека. Повсеместное проникновение генетического тестирования «...может привести к формированию класса людей, угнетаемых по генетическим признакам. Представителям этого класса будут систематически отказывать в приеме на работу, в страховании и в найме жилья» и т. д. за их «неприемлемый генетический профиль» [7, с. 207]. Результат анализа ДНК может поставить крест на карьере и жизни человека.

В США создана национальная база данных по генетической информации – «Национальный ДНК-идентификационный индекс». Генетические банки данных содержат генетические профили миллионов американцев. У многих корпораций становится правилом собирать генетическую информацию о своих рабо-

тающих и потенциальных сотрудниках. Компании обращаются к генетическим банкам для получения информации о потенциальных наемных работниках, лицах, подлежащих страхованию, желающих открыть банковский счет или получить кредит. Решения принимаются на основании таких закодированных в ДНК генетических маркеров, как предрасположенность к тем или иным заболеваниям, наследственные патологии, дурные привычки, вероятная продолжительность жизни – о тех вещах, «которые мы не всегда хотим знать даже о себе сами, не говоря о том, чтобы о них узнали другие» [7, с. 202–203]. В свое обоснование практика подобной дискриминации приводит авторитет науки.

В «Гуманистическом манифесте 2000» провозглашается положение о том, что «научные натуралисты придерживаются определенной формы невульгарного материализма; естественные процессы и события лучше всего описываются материальными причинами». Хотя при этом и делается оговорка: «Указанное обстоятельство не избавляет нас от необходимости понимать и ценить различные моральные, эстетические и иные культурные проявления человеческого опыта» [1, с. 13]. Но этот невульгарный материализм на деле становится формой редукционизма и теряет теоретическое право на целостность постижения и выражения истины бытия природы. Кто сможет сегодня провести четкую грань между естественным и искусственно созданным, между причинностью и телеологией? И не очевидно ли, что условием возможности многих естественных событий и процессов выступает целеполагающая деятельность человека?

Председатель Российского гуманистического общества В.А. Кувакин, составляя типологию человеческих качеств и свойств по таким критериям, как *человечность* (гуманность), *нейтральность* (внегуманность) и *античеловечность* (антигуманность), отнес разум и все интеллектуально-познавательные способности к области человеческих качеств, нейтральных по отношению к гуманности. «Для одного разум – это такая ценность, которая облагораживает, способствует нравственному совершенствованию и материальному благосостоянию, но есть и гении зла, вражды, человеконенавистничества, которые

готовы использовать и используют достижения научного познания и технического прогресса, логику, человеческое воображение, компьютеры и высокие технологии в антигуманных целях» [8, с. 160].

Агрессивные и экспансионистские установки по отношению к природе и человеку современного научно-технологического комплекса являются не имманентным результатом развития просветительского, гуманистического рационализма, но совокупным эффектом слияния двух потоков дегуманизации, двух типов тотализации иррационализма: иудео-христианского фундаментализма и фундаментализма рыночно-капиталистического. И именно сакрально-технократический интеллект парадоксальным образом присваивает себе право на критику как научной рациональности, так и светского гуманизма за якобы изначально присущую им бездуховность. При этом сциентистски-позитивистская интерпретация науки как рациональности, выносящей «за скобки» конкретного человека, его субъектность, духовно-нравственные качества и т. д., берется в качестве аутентичной формы как самосознания науки, так и самой ее сущности. Утверждается, что наука присваивает себе два традиционных атрибута Бога: всеведение (отсюда – критика сциентизма) и всемогущества (отсюда – критика технократизма). Вслед за этим уже не составляет особого труда развернуть систему моралистических аргументов в обоснование отчужденности научного рационализма и гуманизма от высших смыслов и конечных целей человеческого существования.

Введенное М. Хайдеггером понятие «метафизика субъективности» стало парадигматическим для анализа новейшей европейской философии – от Декарта и Лейбница до Гегеля и Ницше. М. Хайдеггер настаивает на том, что современность может быть целиком понята и истолкована во всех своих аспектах, проявлениях и ипостасях как эпоха воцарения субъективности. Между тем, считает Ален Рено, это понятие становится «эпистемологическим препятствием» на пути исследования логики современности, поскольку оно ведет к поверхностным суждениям о том, что существует только «метафизическая субъективность» и что выход за пределы метафизики возможен только посред-

ством устранения идеи субъекта. Также подлежит проверке и критическому осмыслению отождествление идеи субъекта с философским основанием той культуры новоевропейского гуманизма, которая помещает человека в основание и центр бытия, и которая получила свою реализацию в тотальной дегуманизации социальной реальности. На самом деле, как показывает А. Рено, у М. Хайдеггера под именем субъективности на самом деле критикуется индивидуализм – действительно разрушительный для гуманизма вирус, изнутри пожирающий ткань современного социума. Автономный субъект, предписывающий закон самому себе, возвышается над своей индивидуальностью благодаря открытости человечеству, самореализации в форме бытия-с-другими.

Согласно Алену Рено, критика («осуждение») идеи субъекта в постклассической философии велась на упрощенных основаниях. «Метафизический субъект» отождествлялся с картезианским *cogito*, прозрачным и понятным для самого себя. Философское учение о субъективности выступало как основание новоевропейского гуманизма и его ценностей (сознание, автономия, воля и т. д.), и, вместе с тем, как обоснование политического тоталитаризма, опыта политики тотального контроля и неограниченного доминирования над природной и социальной реальностью. «В этом смысле фантазм полного господства будет всего лишь самым последним и самым страшным лицом современного («картезианского») развития субъективности, а прекрасные идеалы гуманизма и эпохи Просвещения, которые, как считалось, имели целью освободить человека, утверждая его господство над реальностью и рассеивая мрак невежества, обратятся в свою противоположность: гуманизм получит истинное свое развитие в разгуле нечеловеческого» [9, с. 18–19].

А. Рено отмечает: классическая идея субъективности определялась двумя основными параметрами: способностью осознания самого себя (рефлексии) и свободой. Критика, направленная на ниспровержение метафизики субъекта, утверждает, что эта метафизика становится основанием тоталитарного, технократического порабощения человека. Однако, чтобы описать это порабощение, используется идея человека, которому в

полностью рационализированном и управляемом мире отказано в возможности и праве быть основанием своих собственных мыслей, поступков, ценностей – т. е. в способности быть субъектом. Идея субъекта, таким образом, оказывается как источником дегуманизации социального и личностного бытия, так и величайшей ценностью, которую следует защитить от всех форм овеществления, манипулирования, редукционизма и т. д.

В том-то и дело, что в понятии научного гуманизма интегрированы два ряда ценностей, которые при абстрактном подходе к ним кажутся взаимно противоположными, взаимно уничтожающимися – ценности объективной истины и ценности автономии человека. С точки зрения гуманизма, человек не рассчитывает получить законы, ценности, нормы, смыслы своей жизни ни от Бога, ни от Природы, но учреждает их сам на основе своего разума и воли. Наука рассматривает как высшую ценность объективную истину, совершенно не зависящую от человека. Но именно провозглашаемая гуманизмом суверенность человека, его автономия (самозаконотворчество разума) и свобода могут быть основанием и условием возможности как достижения очищенных от всяческих антропоморфизмов, объективно-истинных положений того же естествознания, так и обретения человеком смысло-жизненных ориентиров в сфере безотносительных истин духовно-нравственного плана бытия. Научный гуманизм как мировоззрение – это слияние горизонтов объективного познания и личностного смысла.

В череде знаменитых кантовских вопросов решение вопроса: «Что я могу знать?» – является основанием и трансцендентальным условием решения вопроса: «Что такое человек?». Но возможна и продуктивна и обратная логика исследования, исходящая из того, что на характер и направление научной деятельности, на внутренние критерии науки, на принятые научным сообществом нормы и идеалы научности проецируются ценностные установки того исторического типа культуры, в рамках которого развивается научный процесс. Вне исторического и социокультурного контекста своеобразие соотношения гуманистического мировоззрения и научного познания не сможет быть адекватно понято и эксплицировано.

Историческим многообразием культур определено и многообразие гуманистических форм сознания.

М. Хайдеггер разъясняет относительно происхождения термина «гуманизм» следующее: сам термин восходит к латинскому *humanitas* – человечность. Цицерон противопоставлял совершенствующего гражданские добродетели римлянина как «человечного человека», *homo humanus*, «варварскому человеку», *homo barbarus*. В этом смысле гуманизм – синоним цивилизованности или образованности человека-римлянина, его верности «добродетели», воспринятой от греков «пайдеи» – формы сущностного единства образования и воспитания, включающей в себя обретение «круга знаний», *eruditio*, и «наставление в добрых искусствах», *institution in bonas artes* [10, с. 196].

М. Хайдеггер подчеркивает, что гуманизм как «культивирование человечности», *stadium humanitatis*, в его историографическом понимании тем или иным образом всегда обращается к античности, превращается в реанимацию греческого мира. Гуманизм К. Маркса или Ж.-П. Сартра не нуждается в каком-либо возвращении к античности. Однако эти типы гуманизма разделяют со всеми иными специфическую ограниченность гуманизма как такового: «Всякий гуманизм или основан на определенной метафизике, или сам себя делает основой для таковой» [10, с. 197], погрязая в забвении истины бытия, отнимая у мысли возможность встать вровень с событиями и тем самым не достигая собственного достоинства и высоты человека. А происходит это, в свою очередь, потому, что метафизика, стремясь вникнуть в истину бытия, не может отбросить неуместную ориентацию на «науку» и «исследование» и перейти к более строгому мышлению, чем понятийное.

Так же, как гуманизм не может постичь существо человеческого в человеке, так и научное познание не может достичь «существенного мышления», т. е. мышления бытия. Наука рассматривает природу, человека, исторические события, язык и т. д. в их *предметном противостоянии*, и потому не в силах охватить всю сущностную полноту их бытия. По этой же причине наука не может *собственными методами* – т. е. научно – раскрыть для себя свое собственное существо: физика сама по себе

никак не может стать предметом физического эксперимента; посредством математических расчетов никак нельзя выяснить, что такое сама математика [11, с. 250].

Словом, ни гуманизмом не достигается существа человека, ни наукой не достигается существа истины.

Вернер Гейзенберг придавал принципиальное значение положению о том, что человек способен развить свои духовные силы лишь в сообществе, созданном отношением к осмысленной взаимосвязи целого: «Лишь внутри такой духовной формы, определяясь по отношению к принятому в данном сообществе «учению», человек обретает воззрения, позволяющие ему ориентироваться в поведении... только в этом случае встает и решается вопрос о ценностях» [12, с. 332–333]. Только в горизонте этой формы обнаруживается тесная связь между добром, истиной и красотой. Здесь речь идет не о нормах, а о путеводных образах.

Однако проблема заключается в том, что духовная форма должна, по определению, обладать устойчивостью, долговечностью, а научный опыт и научная мысль являются динамичными, постоянно обновляющимися структурами. Недаром у римской инквизиции шевельнулось подозрение, что галилеевское естествознание может вызвать опасное изменение духовной ориентации, нарушить живое сцепление человеческого сообщества, создать опасную нестабильность социума.

Наш долг – заключает В. Гейзенберг – оберегать в чистоте и не допускать смещения духовной формы человеческого общества и картины мира естествознания, но одновременно и выдерживать напряжение, исходящее от противоположности между основополагающими духовными ценностями и представлениями об объективных законах мироздания, независимых от какого бы то ни было наблюдающего субъекта. Между этими двумя пограничными представлениями движется наша мысль. «Поэтому для духовной структуры, пожалуй, будет всего лучше, обозначив великую взаимосвязь образами и иносказаниями, заранее дать понять, что разговор здесь идет на поэтическом, открытом для всех человеческих ценностей, богатом жизненными символами, а не на естественнонаучном язы-

ке» [12, с. 338]. Структурированное таким образом пространство движения исследовательской мысли очень мало похоже на мертвый и холодный «третий мир» К. Поппера, в котором знаковые структуры подчиняются логико-семантическим и синтаксическим правилам и лишены какой-либо актуальной ценностной составляющей. В этом мире сам человек, его разум и субъектность играют роль маршрута для обходного маневра, «...на который вступают структуры формального или логико-математического типа, чтобы упорядочиться и расположиться согласно своей идеальной архитектуре» [13, с. 199].

Научное познание не является усмотрением истины умопостигаемым субъектом, но является человеческой деятельностью, социальной по своим предпосылкам, условиям, логике и смыслу. В нововременной культуре процесс направленности исследовательской мысли на объективное бытие многосторонне опосредствован становлением науки как социального института и непосредственной производительной силы общества. Современная критика науки во многом вызвана тем, что на науку возлагаются такие задачи и с нею связываются такие надежды, которые она по своей природе выполнить не может и не должна. Вера в науку без адекватного осознания ее смысла оборачивается иррациональным суеверием. Огюстом Конттом наука прямо провозглашалась новой формой религии, в которой вера в Бога заменяется верой в силу человеческого познания. Это обстоятельство подвигло Пола Фейерабенда выступить с требованием дополнить отделение государства от церкви *«отделением государства от науки – этого наиболее современного, наиболее агрессивного и наиболее догматического религиозного института»* [14, с. 450]. Такое отделение, по его мнению – единственный шанс для современного гуманизма.

Конечно, в заявлении известного «методологического анархиста» преобладают нотки интеллектуальной фронды, эпатажа. Но он, несомненно, прав в том, что необходимо преодолеть как суеверное преклонение перед наукой, ожидания и требования от нее того, что она свершить в принципе не может – решения всех социальных и философско-мировоззренческих проблем, дарования человечеству благоденствия и беспри-

мерного счастья – так и неумолимо следующего за суеверным преклонением свержения кумира: разочарования в науке, презрения к ней, инкриминирования науке всех бед, усмотрения в ней главной причины дегуманизации бытия. П. Фейерабенд, как и ряд известных философов и методологов науки, развивающих *самокритику* научного разума, показывает, что, вопреки устоявшемуся в массовом сознании и в представлениях многих ученых мнению, наука не имеет оснований претендовать на статус абсолютного знания и на наиболее полное и адекватное воплощение идеала рациональности по сравнению с иными формами знания.

Обожествление или демонизация науки и техники, сакрально-технократический способ представления о них характерен не только для обывателя. Например, Ганс Йонас, предлагая новые этические принципы отношения к науке и технологиям, обосновывает их «эвристикой страха» [15, с. 37]. Мы нуждаемся в угрозе деформации человека, в руководстве со стороны страха, чтобы прийти к идее новой этики. Этой эвристической казуистикой фундирован и сформулированный Г. Йонас новый этический императив: «Действуй так, чтобы последствия твоей деятельности были совместимы с поддержанием подлинно человеческой жизни на Земле» [15, с. 58]. Перед лицом небывалого могущества и новых измерений деятельности человека у нас нет права избирать небытие будущих поколений, или хотя бы рисковать этим бытием – *бытием того, чего нет* – для счастья и процветания нынешнего поколения. Хотя теоретически обосновать отсутствие такого права новая этика, считает Г. Йонас, вряд ли способна без обращения к религиозным аргументам.

Согласно М.М. Бахтину, рациональность – это только момент ответственности, от чего принципиально отвлекается теоретизм, живущий своей автономной жизнью. Нам «...важно отметить включенность понимания науки и особого статуса научной рациональности в современной культуре в контекст понимания человека как творца и преобразователя мира, собственного гуманизму. Только в этом контексте было возможно обожествление науки как обожествление силы человеческого

разума» [16, с. 189]. Из самой природы человека вытекает стремление к свободе, справедливости, утверждению самоценности индивидуальности и ее деятельного участия в том, что происходит с ней и вокруг нее – все это входит в перечень принципов гуманизма и в содержание гуманистического идеала. И все это подвергается критике и сомнению в современном философском и социально-политическом дискурсе.

В.А. Лекторский выделяет три типа критики гуманизма [17]:

Во-первых, это широко распространенное мнение о том, что гуманизм – это либо прекраснодушие (полное непонимание жестокой действительности), либо лицемерие, одно из средств сознательного обмана. Ранее гуманистическая фразеология использовалась для прикрытия антигуманной, репрессивной практики тоталитарных режимов. Сегодня за ней стоит рост утилитаризма в его самых эгоистических формах, аморализм, коррупция, агрессивность, жестокость, насилие, всплеск воинствующего национализма и т. д.

Вторая линия критики гуманистических идеалов и принципов исходит из представления о тесной связи между той формой гуманизма, которая была сформулирована К. Марксом, и той античеловечной действительностью, которая возникла в странах реального социализма. Хотя, в соответствии с учением К. Маркса, человек должен быть освобожден от всяких форм отчуждения, путь к этому освобождению лежит через насилие, борьбу, через подавление и уничтожение целых классов, через диктатуру. Поэтому суть проблемы заключается не в критике идеологического использовании фразеологии гуманизма для прикрытия антигуманной социально-политической практики. Н. Гартман отмечал: «Вся осторожность мудрейших мало что дает, пока в самой теории заложена тенденция к содержательному заострению односторонности, а тенденция, возникнув однажды, сама собой беспрепятственно растекается в полупонимании широкого круга адептов» [18, с. 626]. Согласно представителям второй из выделенных В.А. Лекторским форм критики гуманизма, марксов проект гуманизма в самих своих основаниях несет ответственность за бесчеловечные результаты его практического применения.

Третья линия критики гуманизма заходит наиболее далеко. Здесь критикуется сам идеал гуманизма, каким он сложился в европейской культуре и философии Нового Времени. Сторонники этой линии (наиболее четко прочерченной Мартином Хайдеггером в его знаменитом «Письме о гуманизме») считают, что именно гуманизм как идеал и ориентир личностно-социального становления привел к разрыву между человеком и бытием, к отчуждению от человека созданной им и закабалившей его научно-технической реальности, к потере человеком его жизненных и культурных корней, к обесмысливанию мира.

Из анализа отмеченных основных форм критики гуманизма В.А. Лекторский делает вывод о том, что во всех трех ее разновидностях есть много справедливого. Вместе с тем, В.А. Лекторский пишет о своем несогласии с делаемым из этой критики выводом о необходимости отказа от социально-культурных идеалов гуманизма. Известный российский философ заявляет: «Я думаю, что дело обстоит как раз наоборот: именно трезвый и реалистический анализ человека, его культурного и социального мира свидетельствует о неустранимой роли идеалов, ценностных систем и нравственно-мировоззренческих ориентиров, вне которых и без которых вся человеческая деятельность теряет смысл и критерии оценки и потому становится невозможной» [17].

Переосмысление традиционного гуманистического идеала в XX столетии происходит по нескольким направлениям.

Во-первых, самооценность индивидуальности как неотъемлемая черта гуманистического идеала более не интерпретируется в духе автономии и самозамкнутости индивида, но осмысливается в контексте нового понимания человека, его укорененности в бытии и межчеловеческих связях (практиках intersubъективных коммуникаций). Современные онтологические концепции относят межчеловеческую коммуникацию к глубинной структуре индивидуальности, сознания индивида и его «Я». Подобное радикальное переосмысление индивидуальности влечет за собой ряд принципиальных следствий, в том числе, и для естественнонаучной и научно-гуманитарной эпистемологии.

Во-вторых, подверглась критическому переосмыслению другая важная черта традиционного гуманистического идеала – представление о том, что освобождение человека, снятие его зависимости от внешних сил, создание условий для его творческого самоопределения предполагает контроль и господство над внешними силами – природными и социальными. Средствами достижения такого господства считаются разум, рациональность и созданные на их основе разнообразные инструментальные техники «рационализации» и «гуманизации» природной и социальной среды человеческого бытия.

Система антропо- и техноцентристских мировоззренческих установок выражает особенности той технологической цивилизации, которая складывалась в Европе, начиная с XVII столетия. В рамках данного типа мировоззрения представляется, что в самом естественно-природном бытии телеологически предзаложена возможность его постановки под контроль самосознательного разума, предначертана судьба стать как бы продолжением и частью самого человека. В плане научной методологии эта установка реализовалась в представлении, что возможность контролировать внешнее окружение с помощью разнообразных техник производна от возможности контролировать собственное сознание с помощью разного рода рефлексивных процедур. Наиболее полно этот тип научной методологии был обоснован Р. Декартом. Картезианское представление о возможности достижения полного самоконтроля над мыслительными операциями ведет к идее научного метода, с помощью которого можно получать новые знания.

В современных условиях гуманистический идеал связан с отказом от просветительской идеи истины человеческого присутствия в мире как овладения, подавления и господства. Новой онтологии соответствует не идеал антропоцентризма, а идея коэволюции – идея взаимодействия, совместной эволюции природы и человечества. Этой идее отвечают ряд современных концептуально-методологических новаций междисциплинарного характера, связанных с развитием теорий диссипативных систем, синергетики, нелинейной динамики и т. д.

Идея о взаимообусловленности свободы индивида и его саморефлексии – одна из центральных идей европейской философии Нового времени. В науке этого периода возникает феномен *естественнонаучного эксперимента*, который как бы задает идеал познавательного отношения человека к природе, социуму, индивиду – к миру в целом. В эксперименте создаются условия, при которых субъект контролирует все факторы, влияющие на протекание исследуемых процессов. Выстроенный в соответствии с искусственной ситуацией научного эксперимента идеал «гуманизации» действительности допускает возможность овладения, контроля и управления природными и социальными процессами. Эта абстракция ведет к технократической иллюзии возможности и необходимости разумного управления социальными процессами, основанного на их рациональной калькуляции. Вместе с тем, общим местом критики современной цивилизации является положение о том, что духовное и нравственное развитие человека безнадежно отстает от прогресса интеллектуального, т. е. от развития научно-технического знания и соответствующих способностей субъекта. С этим тезисом, как правило, объединяется суждение об отставании гуманитарных знаний, т. е. знаний о человеке, обществе, культуре, истории («наук о духе», в терминологии неокантианцев), от прогресса в естественнонаучном познании и технологическом применении его открытий.

Суммарный объем знаний, которыми располагает человечество, в современных условиях удваивается в среднем раз в десять лет. Этот информационный марш-бросок человеческого рода в целом становится непосильным для каждого его представителя в отдельности. Физиологические, психологические, интеллектуальные возможности человека не позволяют освоить даже ничтожную часть такого колоссального количества информации. В конце концов, информационные технологии берут на себя решение задачи поиска нужной информации. Система замыкается в себе самой.

Одним из парадоксальных результатов научно-технологического прогресса является растущая диспропорция между ростом практической (технической), экономической и поли-

тической мощи науки, глубиной ее проникновения в тайны мироздания, и падением ее значения для мировосприятия человека, для выстраивания им своего образа мира. Мировоззренческий смысл научного прогресса состоит в том, что наука вносит решающий вклад в процесс расколдовывания мира (М. Вебер). Однако этот процесс оборачивается для гуманистического мировоззрения тем, что высшие, благороднейшие ценности уходят из общественной сферы или в потустороннее мистическое царство, или в близость непосредственных отношений индивидов, где они пульсируют крайне тихо, пианиссимо [19, с. 734]. На этом фоне растет критика науки с позиций иррационализма и антиинтеллектуализма. На том основании, что научное мировоззрение утратило тот основной масштаб, которым определяются все иные масштабы: самого человека, – рядом исследователей делается вывод о дегуманизирующем воздействии научного прогресса.

Такого рода суждения нуждаются в определенной корректировке. Умножение и углубление научных знаний в настоящее время не может совершаться без растущей профессионализации и специализации научно-исследовательской деятельности. Однако на этом основании нельзя заключать о несоразмерности науки человеку. Бесконечностью природно-человеческого универсума определена и бесконечность задачи их познания. Но бесконечность составляет также и внутреннее определение индивида. В.С. Соловьев называет человека «Вторым Всеединым», или «становящимся Абсолютом». Именно как становящееся абсолютное (или «абсолютное движение становления», если вспомнить формулу К. Маркса) человек причастен и соразмерен истине бытия, поскольку он сам есть основание собственного бытия. Поэтому прогрессирующее развитие научного познания становится имманентной формой реализации сущности гуманизма, или развития «сущностных сил» человека.

Наука возникала как относительно самостоятельная сфера свободного духовного производства, не подчиненная тоталитарной логике совместного труда, не интегрированная в социально-экономические мегаструктуры капиталистического

производства. Процессы институционализации науки, широко развернувшиеся в XIX в., означали превращение широкого спектра проявлений интеллектуально-духовной жизни человека в специализированное духовное производство, которое начинает развиваться по своим собственным законам, углубляя и усугубляя разрыв между наукой и миром человеческих ценностей. Данным обстоятельством объясняется широко распространенное убеждение, что научное познание лишено внутренних ценностных измерений, что оно этически нейтрально. Это убеждение разделяется представителями самых разных направлений философии и социологии науки и техники. Так, этическим факторам как внутренним импульсам эволюции научного познания нет места ни в социологии науки Р. Мертона, ни в эпистемологии К. Поппера и И. Лакатоса, ни в интерналистских концепциях развития науки С. Тулмина, А. Койре, И.Б. Коэна, ни в экстерналистских концепциях Дж. Бернала и Д. Томсона.

Одним из аргументов в обоснование этической нейтральности науки является тот, что этические нормы регулируют межличностные и социальные отношения, наука же изучает предметный мир, очищенный от антропоморфных характеристик. Поэтому, в частности, выдающихся научных результатов могут, как свидетельствует история, добиваться люди с весьма сомнительными моральными установками. Вместе с тем, существует и иной подход [20], согласно которому, «этический, ценностный аспект составляет неотъемлемый, хотя подчас и трудно эксплицируемый компонент научного знания» [21, с. 15–16].

Наука как познание истины самоценна, однако у ее критиков вызывает сомнение цена, которой приходится оплачивать научный прогресс – универсализация «частичного человека», узкая специализация, оборачивающаяся «профессиональным кренизмом» и т. д. Еще М. Вебер отмечал: «Отдельный индивид может создать в области науки что-либо завершённое только при условии строжайшей специализации» [19, с. 708]. Однако относится ли эта форма развития научного познания, господствующая в настоящее время и, действительно, оборачи-

вающаяся определенной дегуманизацией науки как деятельности и социального института, к сущности науки как таковой?

В ответе на этот вопрос принципиальную роль играет указанное К. Марксом различие двух типов труда. К. Маркс пишет: «...следует различать всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также и различие. Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение» [22, с. 116]. Всеобщий труд имеет непосредственным результатом совпадение процесса производства продукта деятельности (научное открытие, изобретение, теория и т. д.) и процесса изменения самого субъекта деятельности.

В.С. Библер, обративший особое внимание на проводимое К. Марксом различие этих типов труда, указывает: «Основное, что производит работник в сфере «всеобщего труда» (хотя непосредственным продуктом могут быть идеи и теории), – это не «что», но «кто» – сам субъект деятельности, коренным образом преобразованный; субъект во всем богатстве его материальных и духовных определений, понятый как «порождающее ядро» общественных отношений, как цельность его «производительных сил» [23, с. 162]. В науке XVII в. гуманитарно-гуманистические определения научной деятельности как всеобщего труда (его устремленность на самоизменение субъекта) были феноменологически очевидны. Ф. Бэкон утверждал: «Из всех людей только ученые любят труд ради него самого» [24, с. 98], а не ради приносимой им выгоды, преуспевания, славы, почестей, утешения самолюбия, богатства и власти. «Наиболее серьезная из всех ошибок состоит в отклонении от конечной цели науки. Ведь одни люди стремятся к знанию в силу врожденного и беспредельного любопытства, другие – ради удовольствия, третьи – чтобы приобрести авторитет, четвертые – чтобы одержать верх в состязании и споре, большинство – ради материальной выгоды и лишь очень немногие – ради того, чтобы данный от Бога дар разума направить на пользу человеческому роду» [22, с. 121]. В этой связи в наши дни с особой остротой встает задача сохранения наукой своего характера «всеобщего труда» в условиях ее

институционализации. В решении этой задачи центральной проблемой является проблема свободы научного исследования.

Академические свободы были впервые конституционно зафиксированы в Германии во второй половине XIX в. и включали в себя три основных вида университетских свобод: свободу преподавания, свободу обучения, свободу научных исследований.

В 1915 г. в США была учреждена Американская ассоциация университетских преподавателей. Группа ученых из этой ассоциации подготовила доклад, в котором были сформулированы основные принципы академических свобод. В этом документе говорилось: «Во всех областях знания первым условием прогресса является полная и безграничная свобода исследования» [25, с. 7]. Аналогичный принцип полной саморегуляции и автономии науки, ничем не ограниченное право выбора ученым предмета и направления научных исследований провозглашал известный исследователь науки М. Полани.

Ряд исследователей продолжает и сегодня оставаться на этих позициях, отстаивая право ученых на полную свободу научных исследований и распространения информации об их результатах независимо от того, к чему они могут привести. Однако основная масса ученых в наши дни высказывается за необходимость введения ряда регламентаций и ограничений в академические свободы. Эти ограничения сводятся к двум основным: 1) если может представлять опасность непредвидимое и неконтролируемое научным сообществом применение научных открытий; 2) если эту опасность несут сами по себе знания (например, результаты биогенетических исследований, свидетельствующие об интеллектуальных и психологических различиях рас, записанных на генетическом уровне) или ведущие к ним пути (например, эксперименты, несущие угрозу людям или окружающей среде). «Начинает осознаваться и относительность тех неявных, глубинных культурных предпосылок, на которых основывается убеждение в неподвластности науки внешнему контролю» [26, с. 55]. В современных условиях общество вынуждено тем или иным способом контролировать научные исследования, а на некоторые даже накладывать запрет.

Ведь современная наука и основывающиеся на ней высокие технологии позволяют человеку оперировать силами планетарного масштаба, что не может не порождать тревоги, зачастую переходящей в апокалипсические настроения.

Накануне запуска большого электронного коллайдера родился мрачный анекдот: у физиков есть традиция – раз в каждые 13 млрд. лет они собираются все вместе, чтобы построить большой электронный коллайдер. Репродуктивные технологии позволяют производить детей, не занимаясь сексом, и скоро мы сможем без зазрения совести рассказывать детям истории об аисте или капусте и интерпретировать догмат о непорочном зачатии в строго научных категориях. Научные и технологические разработки по генной инженерии стволовых клеток, клонированию, трансгенной инженерии, репродуктивным технологиям открывают ошеломляющие перспективы произвольного управления биологической эволюцией человека. В этой связи предлагаются различные пути регламентации научных исследований. В частности, одним из такого рода проектов является открытый диалог между учеными, политиками и богословами. «Христианские, иудейские и мусульманские духовные лидеры могут предложить научному сообществу контекст, в котором следует размышлять» [7, с. 172] о развитии генной инженерии.

Попытки такого рода контроля и регламентации научных исследований упираются в сложнейшую проблему: последствия большинства научных открытий непредсказуемы и непредвидимы, а выработать критерии потенциально опасных знаний чрезвычайно сложно. Прогнозирующее знание принципиально не может быть равновеликим знанию технологическому. Требование стопроцентного исключения риска является просто нереализуемым, демагогическим. Неясно также, кем должна осуществляться регламентация научных исследований: правительственными структурами, институтами гражданского общества, духовенством или самим научным сообществом на основе его автономии и саморегуляции. Очевидно, что ограничение академических свобод некомпетентным административно-бюрократическим аппаратом было бы губительным для

науки, парализовало бы проведение научных исследований и разработок. Но отказ от каких-либо ограничений вообще ставит под угрозу само существование человечества. Кроме того, множество научных исследований ведутся в закрытых научных учреждениях (военных, космических, в частных корпорациях и т. п.). Тем не менее, не прекращаются попытки решить этот клубок проблем ввиду осознания учеными и обществом в целом новой роли науки в современном мире, ставшей источником реальной угрозы гибели цивилизации.

В разных странах существуют свои собственные модели регуляции деятельности научного сообщества. В основном, это инструменты воздействия на научные исследования с помощью определенной финансовой политики. Применяются также и политико-правовые меры. Первым шагом в этом направлении был Нюрнбергский кодекс 1947 г., определивший десять «моральных, этических и правовых» требований к медицинским экспериментам на людях. Кодекс накладывал запрет на проведение экспериментов, связанных с риском для жизни и нанесением непоправимого ущерба здоровью испытуемых. Вместе с тем, из этого правила было сделано исключение для тех экспериментов, которые врачи проводят на самих себе. Возросшее гуманистическое самосознание науки нашло яркое выражение в Пагуошском движении, инициированном знаменитым Манифестом Рассела – Эйнштейна (1955 г.). ЮНЕСКО еще в 1974 г. были приняты «Рекомендации и статус научных работников». Среди важнейших принципов в этом документе были названы: интеллектуальная свобода искать, выражать и защищать научную истину; участие в определении целей и направлений выполнения программ, которые осуществляют ученые, и методов, которые следует принять по гуманистическим, социальным или экологическим аспектам проектов; возможность выхода из участия в научных проектах, если к этому вынуждают их негативные последствия. В парламентах некоторых стран созданы специальные комитеты по политически-правовым и нравственным вопросам науки.

Принятие определенных политических решений по конкретным направлениям научных исследований в современных

условиях стало необходимостью. В 1997 г. девятнадцать европейских стран подписали договор о разработке и принятии национальных законов, запрещающих клонирование людей как действий, унижающих человеческое достоинство и являющихся научным злоупотреблением.

Перед лицом невозможности долгосрочных прогнозов и калькуляции вероятности рисков от разработки и применения новых научных технологий следует руководствоваться простым предписанием: больше прислушиваться к пророчествам бедствий, чем к пророчествам благоденствия, «придавать угрозе большее значение, чем обетованию благ, и избегать апокалиптических перспектив даже ценою того, что при этом останутся нереализованными эсхатологические свершения» [15, с. 87]. Этот принцип – не совет благоразумия, но непререкаемый и безусловный императив, неразрывно связывающий научный поиск и применение технологий с основоположениями гуманизма.

Природа становится предметом научной мысли только вместе с субъектом этой мысли, самим человеком. Естествознание более не занимает позиции наблюдателя природы, модуля абсолютной перцепции, но осознаёт себя как частный вид взаимодействия человека с природой, а потому – в соответствии с новым онтологическим статусом предметного мира – человека с самим собой. «В результате естественнонаучная картина мира, по существу, перестает быть только естественнонаучной» [27, с. 304] и приобретает духовное, гуманистическое измерение. При этом сферу этически нейтрального, нравственно безразличного покидают не только теоретические определения, но и методы научного исследования и технологического их применения в воздействии на материальный мир.

В полемике с В. Гейзенбергом на чтениях «Искусства в техническую эпоху», устроенных в ноябре 1953 г. Баварской академией изящных искусств, М. Хайдеггер говорил: «Распространяется видимость, будто все предстоящее человеку стоит лишь постольку, поскольку так или иначе поставлено им. Эта видимость со временем порождает последний обманчивый мираж. Начинает казаться, что человеку предстает теперь повсюду уже только он сам. В. Гейзенберг с полным основанием указал на то, что се-

годняшнему человеку действительность должна представляться именно таким образом. Между тем, на самом деле с самим собой, т. е. со своим существом, человек сегодня как раз нигде уже не встречается» [28, с. 233]. Однако противоположность позиций и заключений В. Гейзенберга и М. Хайдеггера лишь внешняя, кажущаяся. Дегуманизирующая тенденция опредмечивания человека как овеществления, отчуждения его сущности глубоко философски осмыслена В. Гейзенбергом, в том числе и в ее последствиях для развития науки. В. Гейзенберг в своем докладе говорил о том, что именно включение человека в предмет науки ставит расширению духовной и материальной экспансии пределы, о которые бьется волна оптимизма, порожденного верой в научный и технический прогресс. И так же, как и М. Хайдеггер, В. Гейзенберг в существе научно-технологической констелляции «события истины» видит как угрозу отказа человека от своей свободной сущности, так и «ростки спасительного» в виде открывшегося в науке пути к небывалому величию человека, к захваченности человека истиной бытия.

Соотношение научного познания и гуманистического мировоззрения сосредоточивается вокруг трех основных сюжетов: нравственная ответственность ученого за социальные последствия научных открытий; этические нормы научно-познавательной деятельности; нравственное содержание научного знания. Несет ли ответственность наука и конкретные ученые за результаты практической реализации научных открытий и разработок, за негативные последствия научно-технологического прогресса? Существует ли специфический «нормативный этос научного сообщества» (Р. Мертон), разделяемый всеми согражданами «республики ученых» этический кодекс? Способна ли наука к внутреннему гуманистическому самоконтролю, содержит ли поиск научной истины, само занятие научной деятельностью начала и гарантии гуманизма? Создает ли сама по себе наука гуманистические ценности или основания для их принятия субъектом? Или же научный разум локализован «по ту сторону добра и зла»?

Из анализа методологических и социокультурных проблем соотношения науки и гуманизма следует ряд выводов:

1. Сама постановка, изучение и пути решения данной проблемы зависят в решающей степени от того, как ее исследователями понимается гуманизм, и как понимается наука.

2. Поэтому тема «наука и гуманизм» должна быть поставлена в конкретно-исторический контекст. Не рассуждения о науке вообще как фатально предназначенной нести человеку добро или зло, а анализ науки на определенном этапе ее развития, в определенных социокультурных, политических, экономических, идеологических, мировоззренческих, духовно-нравственных контекстах ее функционирования, выявление тех разнообразных воздействий, которые наука оказывает на общество и человека, должны стать основой заключений о конкретных формах взаимоотношения научного познания и гуманистических ценностей.

3. Точно так же в конкретно-историческом контексте должны быть исследованы ценностные параметры как внутреннего мира науки, так и ее институционализированных форм и практического применения результатов научных исследований.

Из обобщения многочисленных дискуссий, посвященных комплексу проблем развития этико-гуманистического сознания ученых, социальной ответственности науки перед человечеством, И.Т. Фролов и Б.Г. Юдин делают следующий вывод: подход к теме «наука и гуманизм» должен быть ориентирован на провозглашенный еще Сократом принцип совпадения подлинной мудрости и подлинной добродетели, на *«единство научных исследований и гуманистических идеалов*, утверждаемое в качестве принципа и перспективы истинной науки как особого социального института, служащего человеку, его свободному и всестороннему развитию» [29, с. 161], пусть даже наука во многих ее исторических и современных формах весьма далека от глубокого осознания и последовательной реализации этого принципа. Эта регулятивная идея единства истины и блага на уровне личного сознания выступает в виде основного мотива занятия научной деятельностью: базисной ценностной ориентацией ученого является устремленность к поиску истины.

Действительно, ни в истории, ни в современных условиях деньги, слава, власть – эти могущественные побудительные

причины социального и профессионального самоопределения человека – не могут выступать сколько-нибудь широко распространенной, социологически значимой мотивацией прихода человека в науку. Френсис Бэкон, представляя на суд читателей свой проект Великого Восстановления Наук, призывал к тому, чтобы люди «помнили об истинных целях науки и устремлялись к ней не для развлечения и не из соревнования, не для того, чтобы высокомерно смотреть на других, не ради выгод, не ради славы или могущества или тому подобных низших целей, но ради пользы для жизни и практики и чтобы они совершенствовались и направляли ее во взаимной любви. Ибо от стремления к могуществу пали ангелы, в любви же нет избытка» [24, с. 71].

Этот завет великого философа и ученого-гуманиста и в наши дни сохраняет всю свою актуальность для теоретического исследования и практического воплощения нормативно-ценностного комплекса гуманизма.

Литература

1 Манифест 2000. Призыв к новому планетарному гуманизму // Здравый смысл. Журнал скептиков, оптимистов и гуманистов. – 1999. – № 13. – С. 2–38.

2 Цицерон. Тускуланские беседы // Цицерон. Избранные сочинения. – М.: Мысль, 1975. – С. 224.

3 Куртц П. Мужество статья: добродетели гуманизма // Здравый смысл. Журнал скептиков, оптимистов и гуманистов. Специальный выпуск. – М.: Российское гуманистическое общество, 2000. – С. 15.

4 Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. – М.: Мысль, 1974.

5 Куртц П. Мужество статья: добродетели гуманизма // Здравый смысл. Журнал скептиков, оптимистов и гуманистов. Специальный выпуск. – М.: Российское гуманистическое общество, 2000. – С. 84.

6 Дунаев В. Ю. Духовные основы социальной интеграции и религия // Религиозный экстремизм: истоки, реальность и социально-правовые превенции. Сборник материалов научно-практической конференции 26–27 апреля 2001 года. Часть I. – Алматы: РИО Академии КНБ РК, 2001. – С. 126–136.

7 *Нейсбит Д.* Высокая технология, глубокая гуманность: технологии и наши поиски смысла. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005.

8. *Кувакин В.А.* Твой рай и ад: человечность и бесчеловечность человека (Философия, психология и стиль мышления гуманизма). – СПб: Алетейя; М.: Логос, 1998.

9 *Рено А.* Эра индивида. К истории субъективности. – СПб: Владимир Даль, 2002.

10 *Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // *Хайдеггер М.* Время и бытие. Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 192–220.

11 *Хайдеггер М.* Наука и осмысление // *Хайдеггер М.* Время и бытие. Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 238–253.

12 *Гейзенберг В.* Естественнонаучная и религиозная истина // *Гейзенберг В.* Шаги за горизонт. – М.: Прогресс, 1987. – С. 328–342.

13 *Левинас Э.* Гуманизм другого человека // *Левинас Э.* Время и Другой. Гуманизм другого человека. – СПб: Высшая религиозно-философская школа, 1998. – С. 123–258.

14 *Фейерабенд П.* Против методологического принуждения // *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – С. 125–466.

15 См.: *Йонас Г.* Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. – М.: Айрин-пресс, 2004.

16 *Черткова Е.Л.* Научный разум и гуманистические ценности // *Философия науки.* – Вып. 5: Философия науки в поисках новых путей. – М.: ИФРАН, 1999. – С. 184–204.

17 См.: *Лекторский В.А.* Идеалы и реальность гуманизма // <http://www.ihtik.ru> (Вопросы философии. – 1994. – № 6).

18 *Гартман Н.* Проблема духовного бытия. Исследования к обоснованию философии истории и наук о духе // *Культурология. XX век.* Антология. – М.: Юрист, 1995. – С. 608–648.

19 См.: *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 707–735.

20 Этот подход, в частности, был последовательно проведен в выполненных еще в советский период работах таких исследователей философии науки, как Н.В. Мотрошилова, Л.А. Микешина, И.Т. Фролов, В.П. Филатов, Б.Г. Юдин, В.С. Степин, М. К. Петров, Л.М. Косарева.

21 *Косарева Л.М.* Этические идеалы и познание природы // *Социокультурные факторы развития науки (по материалам историко-научных исследований).* – М.: ИНИОН, 1987. – С. 11–91.

22 *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. III. Ч. I. – М.: Политиздат, 1978. – 508 с.

23 Библиер В.С. От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1990. – 413 с.

24 Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Сочинения. В 2-х томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1971. – 590 с.

25 Горбовский А.А. Предисловие // Свобода научного творчества и ответственность ученого. Реферативный сборник. – М.: ИНИОН, 1973. – С. 5–24.

26 Резниченко Л.А. Регламентирование научного исследования // Свобода научного творчества и ответственность ученого. Реферативный сборник. – М.: ИНИОН, 1973. – С. 55–86.

27 Гейзенберг В. Картина природы в современной физике // Гейзенберг В. Шаги за горизонт. – М.: Прогресс, 1987. – С. 290–305.

28 Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 221–238.

29 Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этика науки: проблемы и дискуссии. – М.: Политиздат, 1986. – 399 с.

4 СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАЗАХСТАНСКИХ УЧЕНЫХ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НАУКИ И ПОТЕНЦИАЛА НАЦИИ

Мир переживает острый мировоззренческий и ценностный кризис, отмечает в своем ежегодном Послании народу Президент Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев [1]. Это требует глубоких научно-теоретических исследований и практических решений этого круга проблем. Вот почему Президент Казахстана особо выделяет роль интеллигенции, которая может и должна играть ключевую роль в проектировании ментальной, мировоззренческой модели будущего страны.

Действительно, современный этап развития цивилизации в решающей степени определяется созданием и внедрением инновационных технологий, беспрецедентным ростом воздействия результатов фундаментальных и прикладных научных исследований на все уровни и структуры общественного бытия и сознания. Научные знания стали не только непосредственной производительной силой современного (постиндустриального, технотронного, информационного и т. п.) общества, но и основанием нового типа реальности – техногенной среды, в которой возникают необычные и парадоксальные модальности онтологического отношения знания и реальности.

Как подчеркивает Президент РК Н.А. Назарбаев, наша республика должна стать конкурентоспособной по всем параметрам. В их числе – не только экономическое или политическое развитие, но и, разумеется, развитие духовное, культурное, научное и ценностное.

Ученый в своей деятельности естественным образом несет ответственность, если можно так выразиться, общечеловеческого характера. Он ответственен за полноценность вырабатываемого им научного «продукта»: от него ожидается безупречная

требовательность к достоверности материала, корректность в использовании работы своих собратьев, строгость анализа и прочная обоснованность делаемых выводов. Это – элементарные, сами собой разумеющиеся стороны ответственности ученого, так сказать, его персональная этика.

Гораздо шире становится ответственность ученого, когда вопрос встает о формах и результатах использования его трудов через посредство техники и экономики. Наивно думать, что действия, поведение отдельного ученого скажутся на возникновении или протекании того или иного кризиса. Речь здесь идет об ином – о голосе содружества ученых, об их профессиональной позиции.

В философии ответственность – отношение зависимости человека от чего-то (от иного) воспринимаемого им (ретроспективная или перспективная) в качестве определяющего основания для принятия решений и совершения действий, прямо или косвенно направленных на сохранение иного или содействие ему. Следует отметить, что в современной социальной теории и философии права все чаще говорится о «корпоративной ответственности». Это – ответственность за действия, которые в их конкретности были совершены индивидами, но определены принадлежностью этих индивидов к институтам и организациям, к государству и т. д. [2].

Ответственный подход к проведению исследований является приложением подлинной гражданственности к профессиональной сфере деятельности. Те исследователи, которые честно, точно, эффективно и объективно информируют о результатах своей работы, идут по правильному пути, когда речь заходит об ответственном подходе. Любой, кто ведет себя бесчестно, умышленно представляет недостоверные результаты, неоправданно расходует средства или позволяет личным интересам взять верх над научной истиной, не может быть назван ответственным ученым.

В чем же должна заключаться социальная ответственность ученых? В отличие от профессиональной, социальная ответственность ученых реализуется во взаимоотношениях науки и общества. Поэтому ее можно характеризовать как внешнюю

(иногда говорят – социальную) этику науки. При этом следует иметь в виду, что в реальной жизни ученых проблемы внутренней и внешней этики науки, профессиональной и социальной ответственности ученых бывают тесно переплетены между собой.

Как особая дисциплина, этика науки ставит своей целью прояснение и изучение этических норм, которые используются в научном познании, а также анализирует конкретные коллизии нравственного характера, возникающие в ходе продвижения науки. Наука уже не только допускает, но и требует включения нравственных императивов и ценностей в деятельность ученого (в постановку проблем, целей и задач исследования, использование определенных средств исследования, в апробацию итогового результата и т. д.). Каждое значительное научное достижение, как правило, открывает целый спектр возможных путей его применения, включая использование в антинаучных целях. Поэтому дело общественной совести ученых мира – бороться с причинами, вызывающими вредные, губительные последствия научных поисков.

Ответ на вопрос о том, выживет ли человечество в техногенном мире, зависит от того, насколько наука и образование совместными усилиями будут заботиться о нашем будущем. Наука, которая определяет специфику современного социального и технического развития, не может быть освобождена от ответственности за экологический кризис.

Философский анализ проблемы ответственности был, в буквальном смысле, подстегнут современной научно-технической революцией и ее достижениями. Создание на базе и при непосредственном содействии современной науки и техники оружия массового поражения стало источником постоянной серьезной угрозы самому существованию рода людского, поскольку впервые стала вполне реальной возможность его самоуничтожения. Жесткий контроль над научно-техническим прогрессом становится сегодня настоятельной необходимостью, вопросом жизни и смерти. И нет сомнения в том, что один из главных механизмов и важнейших рычагов этого контроля может эффективно быть задействован именно через всестороннюю проработку пробле-

мы ответственности в самом широком смысле и ее всеобъемлющее решение, а, соответственно, и через глубокое осмысление и осознание ученым и техником данной проблемы и четкое формирование морально-этического кодекса.

Продолжением общих этических норм поведения применительно к специфике научной деятельности являются такие нормы, как недопустимость фальсификаций, плагиата, здоровый скептицизм (обязательная проверка достоверности научных достижений), отсутствие мотивации на извлечение из результатов научных исследований каких-либо личных выгод и т. д. Плагиат (кража в науке), ложь, корысть, зависть, недалекость всегда были аморальными явлениями, как в науке, так и за ее пределами. К сожалению, история науки пестрит множеством примеров безнравственных поступков, замешанных на таких низменных качествах и чувствах, как: зависть, тупоумие, догматизм, карьеризм и др.

Ответственность имеет огромное значение во всех сферах жизнедеятельности человека и общества в целом. Она является одним из первичных, фундаментальных принципов человеческого бытия и нравственности. Ответственность (нравственная) – категория этики, характеризующая личность с точки зрения выполнения ею нравственных требований, предъявляемых обществом; выражающая степень участия личности и социальных групп, как в их собственном нравственном совершенствовании, так и в совершенствовании общественных отношений. Если долг человека состоит в том, чтобы осознать, применить к конкретному положению, в котором он находится, и практически осуществить моральные требования, то вопрос о том, в какой мере эта задача выполняется или в какой мере человек повинен (вина) в ее невыполнении, – это вопрос личной ответственности.

Термин «ответственность» (от лат. *respondere* – отвечать) конституировался впервые в юриспруденции во второй половине XV столетия. Он подразумевал, что тот, кто виноват, должен держать ответ.

Всякое этически ориентированное действие, по мысли Макса Вебера, может подчиняться двум фундаментально раз-

личным, непримиримо противоположным максимам: оно может быть ориентировано либо на этику убеждения, либо на этику ответственности. Только во втором случае этика становится практической, и надо расплачиваться за (предвидимые) последствия своих действий.

Таким образом, ответственность – это соответствие моральной деятельности личности ее долгу, рассматриваемое с точки зрения возможностей личности. В связи с этим проблема ответственности охватывает следующие вопросы: в состоянии ли человек вообще выполнять предписываемые ему требования; в какой мере, правильно он их понял и истолковал; как далеко простираются границы его деятельных способностей; должен ли человек отвечать за достижение требуемого результата и за те последствия своих действий, на которые оказывают влияние внешние обстоятельства, может ли он предвидеть эти последствия? Все эти вопросы решались теоретиками морали в зависимости от того, как им представлялось действительное положение человека в обществе, в котором они сами жили.

Ответственность является важнейшей характеристикой личности, ответственность – это то, что отличает социально незрелую личность от личности социально зрелой. В настоящее время в психологии распространена концепция (теория локуса контроля) о двух типах ответственности. Ответственность первого типа – это тот случай, когда личность считает ответственной за все происходящее с ней в жизни саму себя. «Я сам отвечаю за свои успехи и неудачи. От меня самого зависит моя жизнь и жизнь моей семьи. Я должен и могу это сделать» – вот жизненное кредо и постулаты такой личности. Ответственность второго типа связана с ситуацией, когда человек склонен считать ответственными за все происходящее с ним в жизни либо других людей, либо внешние обстоятельства, ситуацию. В качестве других людей, на которых возлагается ответственность как за неудачи, так и за успехи личности, выступают родители, учителя, а в будущем – коллеги, начальство, знакомые. Легко заметить, что на обыденном языке, на языке житейских понятий второй тип ответственности обозначается не иначе, как безответственность.

Ученый в своей деятельности несет ответственность общечеловеческого характера: он ответственен за полноценность вырабатываемого им научного «продукта»: от него ожидается безупречная требовательность к достоверности материала, корректность в использовании работ своих собратьев, строгость анализа и прочная обоснованность делаемых выводов. Причастность науки к общечеловеческим целям порождает ее связь с нравственностью. Эффективность же контроля за использованием научных результатов, который включает в себя и этико-гуманистические критерии, в немалой степени зависит от того, насколько такой контроль будет компетентным, насколько прочным окажется союз науки и демократии.

Ответственность науки и ученых перед обществом неизмеримо возрастает при развитии таких современных направлений научно-технического прогресса, как конструирование и внедрение в человеческий организм гибридных молекул ДНК, клонирование (выращивание из клеток организма такого же организма), трансплантация искусственных органов, модифицирующих и регулирующих мотивацию поведения. Все это требует социально-гуманитарной экспертизы научно-технических проектов.

Служение науке требует готовности и умения отстаивать истину от поползновений со стороны тех общественных сил или отдельных лиц и организаций, которые из разных соображений – по ретроградным воззрениям или по невежеству, ради престижа или по мотивам честолюбия – препятствуют достижению истины и ее использованию в общественных интересах. Это позволяет говорить, что наличие определенных нравственных качеств (добродетелей), их развитость, наряду с собственно исследовательскими способностями, служит одним из свидетельств профессиональной пригодности ученого.

Ценностный императив во многом определяет специфику профессиональной этики ученого, в частности, предъявляет ряд требований к этике самого процесса научного творчества и диктует некоторые моральные нормы творческой деятельности ученого:

- требование научной объективности, т. е. служение истине и только истине, предполагающее объективный, честный

подход к предмету исследования, стремление познать объект таким, какой он есть в действительности;

- добросовестность в отношении к научному труду, его результату, предполагающая наличие критической рефлексии и рационального сомнения ученого в процессе отыскания истины, проверку выводов исследования, скрупулезность в научной работе, а также наличие у ученого таких моральных качеств, как умение и мужество отказаться от, казалось бы, уже найденной истины, если обнаруживаются факты, ей противоречащие;

- требование обоснованности и доказательности получаемых результатов методами и средствами самой науки;

- высокая требовательность к себе, скромность и самокритичность, отсутствие самомнения и зазнайства, умение признавать свои ошибки и давать объективную оценку собственной деятельности и ее результатам, открыто отказываться от взглядов и положений, оказавшихся ошибочными;

- умение уважать научные результаты своих предшественников и коллег, открыто признавать заимствования у них тех или иных идей, защищать науку от плагиата, уважать мнение оппонентов.

Итак, основным ценностным критерием современного научного знания становится установка на осознание социально значимых пределов теоретического поиска, дополнения его культурно-этическими параметрами и гуманистическими ориентирами.

Профессиональная этика ученого предполагает сочетание научной добросовестности с личной честностью. Формированию у ученого профессиональной этики содействует демократический стиль отношений с людьми, умение адекватно воспринимать критику в свой адрес, быть готовым критически оценивать деятельность коллег, невзирая на их авторитет, статус в обществе и в научном сообществе.

При этом социальная ответственность ученых должна опираться и на государственную поддержку, на веру в будущее страны ученых, граждан. Но главной задачей этического регулирования научного исследования остается, с одной стороны, максимальное обеспечение свободы творческого процесса, как

составной части продуктивности познавательного процесса, с другой стороны – защита населения от негативных последствий тех или иных научных разработок.

В современных условиях признание социальной и этической ответственности ученых является одним из первых важных шагов на пути объединения ученых всех стран в борьбе за гуманизм естествознания, за применение научных достижений на благо народов.

Отталкиваясь от этого опыта, ЮНЕСКО приняла на своей XVIII Генеральной конференции (1974) «Рекомендации о статусе научно-исследовательских работников», содержащие важные положения о гражданских и этических аспектах научных исследований. В частности, государствам – членам ЮНЕСКО рекомендуется: а) «принимать во внимание, что эффективные научные исследования требуют от научно-исследовательских работников честности и зрелости, объединяющих высокие моральные и интеллектуальные качества»; б) поощрять у научно-исследовательских работников чувство служения обществу, бескорыстие и интеллектуальную честность, умение учитывать гражданские и этические аспекты исследований, их последствия для человеческого общества; в) способствовать тому, чтобы научные работники «рассматривали свою работу с точки зрения служения соотечественникам и человечеству в целом»; г) стремиться к тому, чтобы они обладали ответственностью и правом «трудиться в духе интеллектуальной свободы поиска, развивать и защищать научную истину в том виде, как они ее понимают», определять методы исследований, соответствующие гуманным целям исследований и «требованиям социальной и экологической ответственности»; д) имели возможность отказываться в соответствии с требованиями совести от участия в исследованиях, противоречащих принципам гуманности, социальной и экологической ответственности; е) содействовали развитию науки, культуры и образования «для достижения национальных целей, повышения благосостояния своих сограждан, поддержки международных идеалов и целей ООН» [3].

В эпоху информационных технологий распространены комплексные исследования с привлечением специалистов из

разных областей знания. Формы и способы поиска и представления знаний постоянно изменяются, поэтому каждый научный работник должен понимать, что в современном мире наука просто неотделима от этики. Для занятия наукой представитель академического сообщества должен обладать определенными личностными качествами и соблюдать этические нормы творческой деятельности ученого. На наш взгляд, к бесспорным ценностям академического сообщества относятся: преданность истинному знанию и научным исследованиям, критическое мышление, академическая свобода, моральная социальная ответственность, терпение, пунктуальность, коммуникабельность, бескорыстие, демократичность, честность, оптимизм, академическая добросовестность, требовательность и уважение к себе и окружающим, гуманизм, патриотизм, профессионализм.

Приобщение к этим ценностям ставит ученого в центр социальной и политической жизни. От деятелей науки сегодня требуются хорошие знания научной этики и строгое следование ее нормам. И, конечно же, необходимо находить силы противостоять общественному давлению, заставляющему его участвовать в деятельности, которую он считает вредной. В 2012 г. на международной конференции в Астане «От запрета ядерных испытаний – к миру, свободному от ядерного оружия» Президент Казахстана Н.А. Назарбаев подчеркивал, что для народа Казахстана ядерное оружие и радиация не были далекой теорией. Они были жестоким, неумолимым злом, которое свыше четырех десятилетий терзало нашу землю. Ядерный Молох искалечил судьбы и подорвал здоровье более полутора миллионов казахстанцев, живших вокруг полигона.

Никогда ранее ученый не имел такой моральной ответственности за последствия своих изысканий, как сегодня. Научная этика – профессиональный кодекс чести ученого. Нравственные проблемы возникают не в самой науке, как определенной системе знаний о мире и человеке, а в творчестве ученого, в его сознании, или в сообществе ученых, в их взаимоотношениях. Нет сомнения в том, что занятие наукой оказывает положительное нравственное влияние на ученого. Само служение истине явля-

ется нравственным актом. Долг ученого заключается в том, чтобы информировать общественное мнение как о благах, которые принесет внедрение его открытия, так и об опасностях, которые могут возникнуть при злоупотреблении им.

Вместе с тем, нельзя перекладывать всю ответственность на ученых: необходимо понимать, что развитие науки и техники – это неотъемлемая часть развития общества, не только научной деятельности. Носителем ответственности может быть только человек. Зло входит в мир только через человека, его поступки, волю.

Ответственность ученого является оборотной стороной свободы его научного творчества. С одной стороны, ответственность немыслима без свободы, с другой, свобода без ответственности становится произволом. Как известно, творчество – это сфера, где нет алгоритмов решения вопросов и проблем, неотъемлемыми характеристиками творчества являются открытость неизвестному, способность и готовность к негарантированному поиску неизведанного, к риску. Ответственность – выше свободы и справедливости. Ученого призывают, прежде всего, к ответственности, а уже затем – к свободе и справедливости: Ученый, как творческая личность, не подвластен диктату, детерминизму. Социальная ответственность ученого означает ответственность как сопричастность событию; ответственность, прежде всего, перед самим собой; ответственность служит средством внутреннего контроля (самоконтроля). Свобода ученого понимается как самодетерминированность, способность человека быть и оставаться причиной самого себя. Принять ответственность на себя – значит осознать свою причастность и готовность действовать, невзирая на обстоятельства, часто даже вопреки им, менять что-либо в себе или окружающей реальности, исходя из ценностных ориентиров. Этическая конъюнктура научного творчества предполагает, прежде всего, не механический свод правил и предписаний, но обращает к нравственным канонам морали, долга и права ученого. Поэтому большую актуальность приобретает вопрос о социальной ответственности ученого за возможное использование его открытий. Это становится этической нормой научной деятельности.

Главная задача этического регулирования научных исследований – по возможности оградить человека от сопряженного с ними риска. Важнейшей задачей социогуманитарной этической экспертизы является экологическая оценка научных проектов. В последние десятилетия роль этического регулятора научных исследований в мировой науке резко возросла – в силу огромных и часто до конца непредсказуемых и опасных последствий проведения определенного вида научных исследований и особенно их последующего внедрения как в гражданские, так и, особенно, в военные технологии (ядерные и лазерные исследования), в физику, целый ряд химических и биологических разработок, биомедицину, генетику человека, исследования деятельности головного мозга и психики людей, компьютерные технологии и др. Новейшие открытия современной биомедицины породили биоэтику с ее морально-этическими дилеммами.

Развитие биоэтики в Республике Казахстан идет по разным направлениям. Среди них ведущим должно быть законодательное регулирование биомедицинских исследований и практики здравоохранения в таких областях, как трансплантология, определение момента смерти, пределы жизни поддерживающего лечения безнадежно больных и т. д. Важную роль в развитии биоэтики должно сыграть создание этических комитетов и комиссий в научно-исследовательских и лечебных учреждениях. Начинает разворачиваться исследовательская работа по проблемам биоэтики.

В итоге ситуация сегодня такова, что ни одно, к примеру, биомедицинское исследование, которое проводится на человеке, не может быть начато, если оно не прошло этической экспертизы на соответствие этическому императиву науки. Ответственность же ученого при этом выступала, прежде всего, как ответственность за получение и распространение проверенных, обоснованных и строгих знаний, позволяющих рассеивать мрак невежества.

Развитие биоэтики в Казахстане может и должно способствовать гуманизации отечественной биомедицины, росту этического самосознания профессионального сообщества ме-

диков, поможет осознать моральные коллизии и дилеммы, с которыми сталкиваются в своей работе биологи, медики, психиатры. Развитие биоэтики в стране может помочь нашему обществу адаптироваться к новой системе страховой медицины, позволит выработать ценностные ориентации личности, которые соответствовали бы правам человека, жизни и достоинству граждан, фундаментальным гуманистическим ценностям человечества.

Применение технологии трансплантации эмбрионов и яйцеклеток открывает большие перспективы для интенсивного развития животноводства и улучшения генетического потенциала сельскохозяйственных животных. В растениеводстве – это создание сельскохозяйственных растений с устойчивостью к различным болезням и неблагоприятным факторам среды. Так, главная цель Национального центра биотехнологий РК (НЦБ) – формирование конкурентоспособного, отвечающего самым высоким мировым стандартам научно-инновационного учреждения в сфере биотехнологии. Он должен функционировать с использованием нового метода управления научно-инновационной деятельностью, основанного на принципах самоуправления и экономической самодостаточности, присущих ведущим научно-инновационным учреждениям мира. Мы должны сделать решающий рывок, чтобы не оказаться на обочине глобальных процессов, охватывающих сегодня все сферы деятельности человека.

Наши казахстанские научно-исследовательские проекты, прежде всего, направлены на обеспечение производства конкурентоспособной биотехнологической продукции для здравоохранения, сельского хозяйства, охраны окружающей среды, пищевой и перерабатывающей промышленности с учетом зарубежного опыта и развития материально-технической базы на уровне современных международных требований.

Биотехнология становится в настоящее время одним из приоритетных направлений национальной экономики. Достижение превосходства в данной области является одной из центральных задач в экономической политике ведущих государств и крупнейших фирм. На основе методов биотехнологии полу-

чены высокопродуктивные формы сельскохозяйственных культур, устойчивые к стрессовым факторам и болезням. Разработаны эффективные методы иммунологической и молекулярно-генетической диагностики и профилактики особо опасных болезней животных, налажено их производство и реализация. Получены новые штаммы микроорганизмов для нужд микробиологической, фармацевтической, пищевой промышленности и охраны окружающей среды. Создана коллекция культур микроорганизмов, предназначенных для производства микробиологических препаратов и биологически активных веществ. Разработана технология и организовано промышленное производство первой отечественной ветеринарной вакцины против высокопатогенного гриппа птиц H_5N_1 . Казахстан стал тринадцатой страной в мире, имеющей собственную вакцину. Учеными из РГП «Центр химико-технологических исследований» была разработана установка для биологической очистки загрязненных нефтью территорий. Проведенные испытания показали очень высокую эффективность установки. Буквально через короткое время на восстановленных землях уже могла расти луговая трава.

Культивированные новые сорта риса – «Алтынай», «Баканасский» и «Мадина» – дали урожай на четверть больший, чем традиционные сорта. Также были получены 5 высокопродуктивных мягких сортов пшеницы и устойчивые к болезням сорта высокобелковой фасоли «Актатти» и «Джунгарская».

В Костанаве на базе республиканского госпредприятия «Қазақ Тулпары» начались работы по введению в строй, первой в стране, лаборатории экспертизы ДНК животных. На предприятии занимаются выведением новой породы лошадей – казахской верховой, и генетические исследования прародителей новой породы, которые помогут форсировать селекцию. В дальнейшем с помощью лаборатории будут совершенствоваться генетические исследования и внедряться различные биотехнологии.

Промышленные биотехнологии во всем мире стоят в центре внимания. Это – огромная индустрия. Печальна судьба отечественной биологической науки, поскольку ее существование

и развитие происходило в основном не «благодаря», а «вопреки» действиям властей. Усилиями Т.Д. Лысенко и его последователей традиционно сильная советская генетика была практически разгромлена. У нас был Степногорск, сейчас его нет.

В Казахстане существует острая необходимость создания законодательной базы, которая, с одной стороны, обеспечит безопасность потребителя пищевой продукции, а, с другой – создаст благоприятные условия для развития генно-инженерной деятельности. Республике Казахстан, обладающей престижным статусом мощной зерновой державы, важно сохранять его, а для этого необходима независимая экспертиза безопасности генетически модифицированных продуктов, их обязательное маркирование, жесткий контроль за соблюдением законодательства в данной области, постоянный мониторинг пищевого рынка на наличие ГМО, в том числе, и неразрешенных для реализации.

При обсуждении вопросов о вступлении РК в ВТО, обсуждался вопрос о максимальной либерализации доступа ГМО-продуктов на рынок страны. Это не может не беспокоить как ученых, так и государственных служащих, рассматривающих законопроект о государственном регулировании генно-инженерной деятельности. Президент Н.А. Назарбаев в своем последнем Послании народу Казахстана подчеркнул, что необходимо развивать аграрную науку, создавать экспериментальные агроинновационные кластеры, что важно не отставать от времени, и, наряду с производством естественного продовольствия, ввести разработку засухоустойчивых и генномодифицированных культур. То, чего люди не знают, этого страшатся. Ничего в этом такого нет. Генномодифицированные культуры будут резко распространяться по всему миру, такая сегодня потребность, и это не является чем-то несъедобным, наоборот, – считает Президент РК.

Тем не менее, ученых не может не беспокоить большое количество заболеваний, увеличившееся после того, как в 1996 г. стали производить генетически модифицированные продукты. В Америке число людей, страдающих тремя и более хроническими заболеваниями, возросло с 7% до 15% всего

за 9 лет. Стремительно поднялось число пищевых аллергий и таких проблем, как аутизм, репродуктивные нарушения, проблемы с пищеварением и другие. В нашу страну за последние годы начали поступать продукты питания и пищевое сырье, содержащие ГМО. При этом следует отметить, что поток данной продукции имеет тенденцию к возрастанию и, несомненно, будет резко увеличиваться после вступления Казахстана в ВТО. Необходимо отметить, что, несмотря на наличие норм в действующем законодательстве, регламентирующих допуск оборота ГМО только после подтверждения их безопасности, контроль за оборотом ГМО в Казахстане по сей день не ведется.

Вместе с современным научно-техническим прогрессом появляется необходимость в пересмотре понятия ответственности именно в направлении принципиального расширения этих границ, чтобы они могли охватывать собой и будущее, и биосферу, и даже неорганическую природу.

Это понятие никогда не было центральным в философских теориях этики. Скорее, оно как бы предполагалось, например, в детерминистских теориях этики, но при этом осталось во многом формальным. Сегодня понятие ответственности актуализировалось именно в силу многократно увеличившейся способности изменять и переделывать мир. Но, если понимать ответственность субстантивно, то это будет ответственность не только за настоящее, но и за будущее, как признак этики, необходимой сегодня (раньше наши силы и знания были так ограничены, что не могли серьезно влиять на будущее, и традиционная этика всегда исходила из того, что условия жизни человека сохранятся и в будущем). Это – глобальная ответственность, она предполагает заботу о жизни всех живых существ на земле. Тем самым в современных условиях признание социальной и этической ответственности ученых является одним из первых важных шагов на пути объединения ученых всех стран в борьбе за гуманизм естествознания, за применение научных достижений на благо народов.

Фундаментальные и прикладные исследования играют различные роли в обществе и по отношению к самой науке. Наука развивается широким фронтом, имеет сложную структуру,

которую во многом можно уподобить структуре высокоорганизованных систем, прежде всего, живых систем. В мировой практике соотношение по видам исследований и разработок обычно таково: фундаментальные исследования – 13–15%, прикладные – 25–30% и разработки – 55–60%. В казахстанской науке львиная доля финансирования (71%) идет на прикладные исследования, тогда как на опытно-конструкторские работы выделяется лишь 8%. Фундаментальная наука финансируется в пределах 15%, что в целом соответствует среднемировому уровню [4].

Казахстанскую фундаментальную науку с 90-х гг. беспрерывно сотрясали различные реформы. И в результате этих пертурбаций НИИ потеряли около половины своих сотрудников. Фундаментальная наука особенно сильно пострадала в последние годы. В 2012 г. были ликвидированы аспирантура и докторантура, через которые готовились высококвалифицированные научные кадры для НИИ. Несмотря на затраченные финансовые средства, многие подготовленные аспиранты и докторанты теперь никогда не смогут защитить свои диссертации, так как специализированные советы закрыты.

Казахстанским центром фундаментальной науки, высшей научной организацией Казахстана является Национальная академия наук Республики Казахстан. Казахстан унаследовал от СССР мощный потенциал научно-технического прогресса из 279 научных учреждений и по обеспечению их кадрами был в то время близок к лидерам мировой науки. У нас были свои научные школы в металлургии, металлургии и горном деле, физике, математике и космических исследованиях, химии, биохимии и физиологии человека, биологии и медицины, географии и ботаники, а также аграрной науке. Численность специалистов, выполняющих НИОКР и технологические работы, достигала 39,4 тыс. человек, в т. ч. 8,2 тыс. – в вузах по совместительству. Общее число научно-исследовательских, проектно-конструкторских организаций и вузов в Казахстане на конец 1994 г. достигло 406 единиц. Из них научно-технической деятельностью (НИОКР) занимались 283 научных учреждений, в т. ч. 48 вузов, 41 проектный институт и 18 предприятий. Од-

нако из-за кризисного сокращения финансирования из государственного бюджета, к 1996 г. число работников в этой сфере сократилось с 50,6 тыс. человек в 1990 г. до 20,6 тыс. (в 2,45 раза).

Согласно Закону РК «О науке» от 18 февраля 2011 г. № 407–IV «О науке» (с изменениями по состоянию на 13 января 2014 г.) наука – сфера человеческой деятельности, функцией которой является изучение законов природы, общества и мышления, выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности в целях рационального использования природных богатств и эффективного управления обществом. Ученый – физическое лицо, осуществляющее научные исследования и получающее результаты научной и (или) научно-технической деятельности. Фонд науки РК вносит предложения по определению приоритетных направлений фундаментальных, инициативных и рискованных научных исследований, финансируемых из средств Фонда; принимает к финансированию проекты, прошедшие конкурсный отбор, ежегодно вносит рекомендации о продолжении или прекращении работ.

Здесь конкурсные проекты фундаментальных, инициативных и рискованных исследований оцениваются с учетом следующих критериев: 1) соответствие проекта утвержденным в установленном порядке приоритетам, основным направлениям программ поисковых, рискованных исследований инициативного и инновационного характера; 2) новизна, актуальность, комплексность и практическая значимость планируемых исследований (направленность на создание принципиально новой техники и технологий), отличие их от ранее проведенных (проводимых) в Республике Казахстан, странах ближнего и дальнего зарубежья аналогичных исследований; 3) соответствие путей решения и ожидаемых результатов задачам исследования; 4) наличие научного задела (основные публикации, авторские свидетельства, патенты и др.); 5) соответствие квалификации коллектива исполнителей и его опыта для выполнения поставленной задачи (кадровый состав, публикации по тематике проекта, итоги научных исследований за последние 3 года); 6) наличие организационной и материально-технической обеспеченности исследований; 7) обоснованность запрашиваемого финансирования.

Решением Правительства РК в 2006 г. проведен комплексный аудит научного потенциала страны, выявлены его сильные и слабые стороны. По итогам данного аудита, с учетом того, что в республике есть необходимая база, чтобы в этих отраслях добиться результатов мирового уровня, были даны рекомендации, определены приоритетные направления развития казахстанской науки. ВНТК утвердил на 2007–2009 гг. пять приоритетов:

- 1) нанотехнологии;
- 2) биотехнологии;
- 3) технологии для углеводородного, горно-металлургического секторов и связанных с ними сервисов;
- 4) ядерные технологии и возобновляемой энергетики;
- 5) информационные и космические технологии.

По каждому направлению разработаны специальные научно-технические программы, которые уже реализуются ВНТК.

Одним из основных факторов обеспечения конкурентоспособности отечественной науки является информационное сопровождение развития науки, научно-технической деятельности и отраслей экономики.

Для экономики науки разделение исследований на эмпирические (в смысле практического подтверждения) и теоретические (в смысле умозрительного обобщения) намного важнее, чем разделение на фундаментальные и прикладные. Последнее разделение весьма условно с точки зрения того, что приносит больше практической пользы для экономики, так как отдельные результаты бескорыстных фундаментальных исследований намного более практичны, чем куцые результаты решений специально заданных прикладных задач. Что же касается разделения исследований на эмпирические и теоретические, то здесь граница вполне ясна, экономически ощутима. Поэтому необходимо рационализировать схему фундаментальных и прикладных исследований в науке – с тем, чтобы финансировать получение, интерпретацию и обобщение уже готовых «полевых» данных в научных журналах, изданиях развитых стран, но не сами капиталоемкие и долгосрочные «полевые» наблюдения и/или измерения. В результате такой рационализации можно,

благодаря достигнутой высокой культуре коллективного научного творчества и при неизмеримо меньших затратах, открывать новые научные факты, формулировать научные понятия и теории, а также формировать технические решения. Теоретические умозаключения по «полевым» данным требуют не материально-технической базы, а человеческого, культурного потенциала науки, который по силам воссоздать любой стране.

Разработка систем оценки является одним из важных направлений интеграции казахстанской науки в мировую. Оценка направлена на анализ текущего состояния, включая человеческие и инфраструктурные ресурсы, образовательные и научно-исследовательские возможности в области развития отечественной науки: изучение качественного и количественного развития отечественной исследовательской деятельности за последние годы; определение и анализ сильных и слабых сторон отечественной исследовательской деятельности и научной системы; изучение механизмов, через которые исследования влияют на общество и социальное развитие; усовершенствование системы оценки эффективности и результативности научно-исследовательских программ. Реализация совместных исследований по анализу состояния научного потенциала с привлечением международных экспертов позволит более четко определить ориентиры для продвижения вперед.

Существует реальная угроза, что кризисное состояние сферы образования, фундаментальной и прикладной науки, в целом интеллектуального потенциала могут привести Казахстан в новом столетии не только к технологической зависимости от развитых стран, но и к социальному взрыву, а главное – лишить его каких бы то ни было перспектив развития общества знания, к которому стремится весь мир.

Академик А.К. Кошанов справедливо подчеркивает: «Сегодня в Казахстане фундаментальная наука фактически разрушена, разобщена, во многом ориентирована на прикладные результаты. Нет единой системы управления. 40 бывших академических институтов, фактически потерявшие государственный статус и превратившиеся в трудно воспринимаемые АО, ТОО, ЗАО, влачат жалкое существование. В не менее трудном положении

находятся 40 институтов Минсельхоза, ни один из них не занимается фундаментальными исследованиями по зерновому производству, животноводству, другим культурам, которые определяли бы лицо республики в мировой экономике» [5].

Именно академические, «непрактические» навыки являются эвристическими, составляют основу научно-технического прогресса в обществе. Но что более важно – академический процесс общего образования способствует образованию личности в человеке, как активного субъекта творчества, нравственно ответственного за социальные результаты своей активности и за проявленную пассивность. Без фундаментальной науки нет прикладных НИОКР, а без НИОКР – инноваций, как технического внедрения и практической эксплуатации НИОКР.

Трудно найти какую-нибудь отрасль, для которой подготовка специалистов требовала бы столько времени, сколько требуется времени для подготовки кадров для науки. Сегодня для подготовки высококвалифицированного научного работника необходимо: пять лет вуза, три года аспирантуры, затем – пять лет работы в НИИ и три года докторантуры. Итого проходит 16–20 лет для того, чтобы стать настоящим ученым. Даже сейчас, после принятия Болонской хартии, сроки обучения следующие: четыре года – бакалавриат, два года – магистратура, три года – PhD докторантура, затем 3 года – работа в НИИ или вузе, после этого – прохождение постдокторской подготовки – 3 года, что тоже займет около пятнадцати лет. Поэтому казахи говорят: заниматься наукой, это то же самое, что копать колодец иглой (ғылыммен айналысу инемен құдық қазғандай). После такой подготовки естественно, что в любом государстве ученый считается высшей интеллектуальной элитой.

Свой научный потенциал отечественные ученые унаследовали от советской науки, авторитет которой в мире был довольно высок. За эти годы мы не утратили тех высоких позиций и по праву можем гордиться нашими выдающимися учеными, создавшими известные в мире школы по различным направлениям наук. В Казахстане порядка 400 научных организаций различных форм собственности и ведомственной принадлежности, в которых работают около 17 тыс. научных работников.

Сегодня можно уверенно говорить о значительных достижениях международного уровня в области биотехнологии, математики, фитохимии, нанотехнологий, металлургии и др. Разработаны технологии получения новых высокоэффективных катализаторов переработки нефти, кремниевые материалы, сплавы редких металлов для развития машиностроения, атомной энергетики и других отраслей, получены новые препараты против туберкулеза и ВИЧ-инфекции на основе нанотехнологий, новый оригинальный фитопрепарат («Атеролид») для лечения сердечно-сосудистых заболеваний, и т. д.

Зарождение науки в Казахстане началось в начале XX в., когда были созданы Уральская ветеринарная станция (1897 г.), Красноводопадская семеноводческая станция (1909 г.). Позже к ним добавились Уральская опытная сельскохозяйственная станция (1914 г.), Алма-Атинский санитарно-бактериологический институт (1925 г.).

К 40-м гг. в республике работали 12 вузов, 11 научно-исследовательских и проектно-технологических организаций, 2 проектных института, 2 сельскохозяйственных опытных станции, 6 заводских научно-исследовательских и конструкторских подразделений, ботанический сад и зоологический парк в Алма-Ате. Эти научно-исследовательские организации в основном решали вопросы развития сельского хозяйства и здравоохранения. Наука в нашей стране длительное время развивалась в контексте идеологии аграрно-сырьевого статуса Казахстана в советской экономике: наибольшее развитие в ней получали аграрные науки, позднее – биотехнологии, отдаленные от экологических интересов страны, наносящие ущерб окружающей среде.

Долгие годы эти научные коллективы практически сами формулировали задачи и сами же их решали. Позже многие казахстанские организации занимались задачами, родившимися в недрах военно-промышленной комиссии Союза ССР. Имел место излишний административный диктат над наукой. Соответственно, ни о каком ответе на цивилизационные вызовы, равно как и об интеллектуальной нации, не могло быть и речи.

Огромная ответственность в деле обновления науки нашей страны в постсоветский период легла на национальный научный совет «Информационные и телекоммуникационные технологии». В современном мире трансформации коммуникационной структуры приобретают выраженное социально-экономическое и политическое значение.

И, пожалуй, определяющая роль и основная ответственность за развитие науки Казахстана в целом ложится на национальный научный совет «Интеллектуальный потенциал страны». Именно он, по большому счету, отвечает за решение всех проблем, о которых говорилось выше, в его компетенции, наряду с прочим, лежит масштабное привлечение молодых кадров в науку. Сегодня это сделать очень непросто, в частности, потому, что престиж научного работника в глазах молодежи куда ниже, чем рядового бухгалтера на небольшой частной фирме. Именно поэтому так важны новые идеи, которые витают в воздухе: использование социальных сетей для подготовки специалистов, многопрофильное образование, межгосударственное дипломирование и т. д. Новые нестандартные идеи нужны везде. Соответственно, для обеспечения устойчивого управления наукой становится необходимым режим «перманентного мозгового штурма»: если наша страна не хочет оказаться на задворках исторической сцены, то очень скоро придется научиться находить ответы на исключительно серьезные вопросы и делать это быстро. Площадки для соответствующего мозгового штурма есть, как есть и понимание того, что необходимо сделать для этого.

В период до 80-х гг. развитие экономики в Казахстане имело более высокие темпы, чем в целом по Союзу. Этот процесс сопровождался и интенсивным научно-техническим прогрессом. За эти годы коллективам ученых и специалистам предприятий Казахстана за разработку и внедрение достижений науки и техники были присуждены Ленинские и Государственные премии.

Наука, как сложная социально-когнитивная система, имеет три главных предназначения на глобальном и национальном уровнях. Это:

- обеспечение национальных интересов;
- улучшение качества жизни людей; и
- рост знаний о природе, человеке и обществе.

В соответствии с этими предназначениями достойное развитие науки в стране является определяющей основой для технологического развития; без нее невозможны модернизация и инновационное развитие страны

С обретением независимости в республике началось формирование новых подходов к развитию науки и управлению НТП в соответствии с задачами становления Казахстана как суверенного государства. Вопросы формирования самостоятельной научно-технической политики и системы управления наукой страны были положены в основу Закона РК «О науке и государственной научно-технической политике Республики Казахстан», принятого в январе 1992 г. В феврале было образовано Министерство науки и новых технологий. После ряда реорганизаций республиканским органом, реализующим государственную научную и научно-техническую политику, стало Министерство образования и науки РК.

В последние годы в Казахстане взят курс на развитие отечественного наукоемкого производства, разработку и освоение новых информационных технологий, ориентированных на получение конкурентоспособной продукции, обеспечение интересов национальной экономической безопасности и развитие промышленного и научно-технического потенциала республики.

Благодаря поддержке главы государства, в последние годы растет финансирование науки, причем темпами, опережающими рост ВВП. Так, в 2011 г. общий объем выделенных из бюджета средств на научные исследования составил 28,8 миллиарда тенге, на 2012 г. было заложено 41,8 миллиарда тенге – это рост на 45%. К 2015 г. поставлена задача: вывести расходы на науку на уровень 1% от ВВП. Это – уже серьезное приближение к объему ассигнований в зарубежных странах. С 2013 г. внедрена новая система, которая включает базовое, грантовое и программно-целевое финансирование. Она обеспечивает большую гибкость выделения и освоения средств по

современной мировой методологии. Таким образом, создана реальная база, которая обеспечит позитивные преобразования и откроет новые возможности для наших ученых. Она позволит им проводить исследования на более высоком уровне, интегрироваться в мировое научное пространство. К примеру, в большинстве стран с развитой экономикой доля внутренних затрат на научные исследования и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) колеблется вокруг отметки 3% ВВП. В Швеции этот показатель равен 3,8, Финляндии – 3,5, Японии – более 3,4, Швейцарии – 2,9, США – свыше 2,8, Германии – около 2,6 %. При этом США ежегодно тратят на эти цели порядка 390 миллиардов долларов, что составляет 35% названных мировых расходов.

Глава государства в Послании народу Казахстана отметил, что в законодательном, в кадровом и в организационном плане наука в Казахстане возмужала, сегодня она активно встраивается в рыночную экономику. Для этого казахстанской фундаментальной науке важно «встроиться» в исследования глобального уровня. С учетом мнений международных экспертов о научном потенциале страны, ВНТК в качестве приоритета для казахстанской науки утвердила такие прорывные направления, как нанотехнологии и новые материалы, биотехнологии, технологии для углеводородного и горно-металлургического секторов и связанных с ними сервисных отраслей, ядерные технологии и технологии возобновляемой энергетики, информационные и космические технологии, и ряд других.

Осуществляется ввод инноваций в аграрной отрасли и производстве продовольствия. Президент РК подробно раскрыл преимущества этого направления, выступая на состоявшемся недавно Республиканском форуме работников АПК. Поставлена конкретная задача – подготовить программу реформы аграрной науки. В целях дальнейшего развития аграрной науки, концентрации научно-технического потенциала отраслей агропромышленного комплекса и усиления вклада аграрной науки в решение задач обеспечения потребностей республики в продовольствии и сельскохозяйственном сырье, в мае 1996 г. создан Национальный академический центр

аграрных исследований Республики Казахстан – на базе научно-исследовательских учреждений, опытных хозяйств и опытно-экспериментальных предприятий сельскохозяйственного профиля Министерства науки – Академии наук Республики Казахстан.

Обоснован рост спроса на конструирование безопасных технологий ядерной энергетики, новых типов реакторов. В 2011 г. на форуме ученых, посвященном двадцатилетию независимости республики, Президент страны подчеркнул: возобновляемые источники энергии и энергосбережение становятся важными вопросами научных исследований: сегодня такие исследования уже есть, но пока еще энергия здесь дороже. Казахстан – обладатель огромных энергоресурсов, не только углеводородов, но и урана. «Мирный атом» – это широчайшее поле для инноваций, – отметил Президент. Поэтому для Казахстана важно проработать и принять долгосрочную стратегию развития Национального ядерного центра.

Мы – страна нефти и угля. Здесь огромное поле деятельности для химиков, энергетиков, экологов. Как переработать их, как повысить выход продукции? Как использовать уголь, чтобы это было экономически и экологически приемлемо? Ведь 88% энергетики – на угле. Сегодня есть примеры получения газа из угля, есть системы очистки отходящих газов. Открытия в этой области стали бы прорывом в науке.

Наша страна, как и все человечество, стремится освоить космос. Сегодня только 5 стран мира имеют космодромы, в том числе и Казахстан.

Безусловным глобальным трендом является стремление людей к физическому совершенству, увеличению продолжительности жизни, избавлению от болезней. При Назарбаев Университете сегодня созданы Центр наук о жизни, а также «Госпиталь будущего» – как основа национальной академической системы медицинской науки и практики. По словам Н.А. Назарбаева, это – площадки трансферта, разработки собственных и внедрения новых медицинских технологий в области трансплантологии, искусственного сердца и легкого, генных лекарств, омоложения и радиохирургии.

Глава государства в Послании народу Казахстана отметил, что социальное самочувствие простых граждан должно быть важнейшим индикатором нашего продвижения к главной цели, поставленной в Стратегии «Казахстан-2050». Повышение продолжительности жизни, доступность и качество гарантированной медицинской помощи, создание высокоэффективной, конкурентоспособной системы здравоохранения, развитие медицинского туризма – эти и другие задачи решаемы тогда, когда налажены кропотливая совместная работа и межсекторное взаимодействие.

Внедрение ЕНСЗ (Единой национальной системы здравоохранения) позволило: создать конкурентную среду между медицинскими организациями путем внедрения принципа свободного выбора пациентом врача и медицинской организации; повысить мотивацию медицинских организаций (как поставщиков медицинских услуг) к оказанию качественной и доступной медицинской помощи; обеспечить права пациентов на качественные и безопасные медицинские услуги; внедрить эффективные международные стандарты управления качеством медицинских услуг (внедрение протоколов диагностики и лечения с единым подходом возмещения затрат и клинического ведения больного, проведение аккредитации медицинских организаций); внедрить дифференцированную оплату труда медицинских работников, ориентированную на конечный результат; повысить прозрачность процесса оказания медицинских услуг; повысить эффективность использования ресурсов государства; разработать и внедрить клинические руководства и протоколы по приоритетным направлениям; внедрить трансферт ВСМП в регионы; усилить страхование профессиональной ответственности. Казахстанская биологическая наука, подобно мировым наукам, работает в области биомедицины над эликсиром молодости.

Большие возможности у международных инновационных проектов евразийского уровня. Об этом Президент Н.А. Назарбаев говорил в Москве на переговорах по Единому экономическому пространству. Интеграция – это возможность для реализации масштабных научно-инновационных проектов. Она

влияет на укрепление отношений с Россией и Беларусью. По инициативе главы государства создан Евразийский клуб ученых, в работе которого уже принимают участие исследователи 87 стран. «Объединение научных и экономических потенциалов в индустрии, области нано- и биотехнологий, транспортно-логистической сфере даст кумулятивный эффект для нашей национальной науки», – резюмирует Н.А. Назарбаев [6].

К достижениям мирового уровня можно отнести первую отечественную адаптированную к условиям Казахстана вакцину против птичьего гриппа. Лишь немногие страны – в их числе Россия, США, Китай, Англия, Франция – разработали вакцину против этой болезни. Заведующий кафедрой Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, доктор физико-математических наук, профессор Уалбай Умирбаев удостоен премии Американского математического общества за решение одной из самых интересных задач, известной уже более 40 лет в постановке знаменитого японского ученого Нагаты. В стране начаты разработки капсулированных форм иммунномодулирующего препарата «Арглабин» и гепато-протекторного средства «Салсоколлин». Разработана экологически чистая, безотходная технология комплексной переработки шлаков фосфорного производства с получением ценных продуктов – карбонатных наполнителей для лакокрасочных и резинотехнической промышленности, стройматериалов и триполифосфата натрия.

По инициативе Н.А. Назарбаева уже 15 января 1992 г. был принят Закон «О науке и государственной научно-технической политике Республики Казахстан», в феврале того же года образовано Министерство науки и новых технологий. На этой базе государство приступило к поиску новых форм управления научной отраслью. В этот период были сделаны, как минимум, три принципиальных шага для перевода науки на качественно новые рельсы развития. Во-первых, осуществлен переход от чисто административного к программно-целевому методу планирования и финансирования исследований. Тем самым была создана конкурентная среда, позволявшая отбирать для государственной поддержки те научные идеи и проекты, которые

в наибольшей степени соответствовали потребностям страны. Во-вторых, впервые на постсоветском пространстве внедрен хорошо зарекомендовавший себя в мировой практике механизм независимой научно-технической экспертизы всех проектов и разработок, создана государственная научно-техническая экспертиза (ГНТЭ). В-третьих, сформированы национальные научные центры. Они позволили объединить под единым руководством чисто научные организации с мощным прикладным потенциалом, имевшимся в таких отраслях, как ядерная физика, биотехнология, электроника, связь, переработка минерального сырья и других.

На сегодня в республике существует дефицит кадров высшей квалификации в таких важных для базовых отраслей промышленности областях, как добыча, переработка и транспортировка полезных ископаемых, механика и машиностроение, а также в отдельных областях, обеспечивающих создание наукоемких технологий (приборостроение, информатика, биотехнология и др.). Для привлечения молодежи в научно-техническую сферу правительством республики принят ряд мер по стимулированию научного труда. Учреждены Государственная премия Республики Казахстан в области науки, техники и образования (начиная с 2007 г. значительно повышены ее статус, а также материальное содержание) и именные премии в области науки им. Ч. Валиханова, М. Ауэзова, К. Сатпаева, Д. Кунаева, А. Бараева, Кюль-Тегина; 225 государственных научных стипендий для ученых и специалистов, внесших выдающийся вклад в развитие науки и техники, и талантливых молодых ученых.

Нельзя не отметить, что в высшем образовании имеет место перекося в сторону экономических, финансовых, юридических специальностей, не обоснованный реальными потребностями страны. При этом наглядно проявилось явное отставание науки от динамики социально-экономической жизни республики. Известный российский ученый В.И. Вернадский выступал против узкой специализации ученых. Сам он стремился к всеохватывающей постановке исследовательских задач, что для него было важнейшим требованием к работе естествоиспытателя, и из этого общего требования вытекали все принципы

и методы, которыми пользовался ученый – интеграции наук, целостности, связи всего со всем, единства истории, единства умственной жизни и др.

К сожалению, отечественные ученые были инертными в вопросах реформирования науки, не проявили должной ответственности к будущему и предназначению науки. В среде ученых распространилось ощущение ненужности науки обществу. Наука в лице Национальной академии наук Республики Казахстан могла бы более открыто и широко выразить свою гражданскую позицию, заявив, что она осознает собственную общественную миссию, обязывающую ее быть не просто поставщиком знаний и технологий, но и главным экспертом в определении государственной политики по всем направлениям развития страны.

Состояние, в котором оказалась казахстанская наука, безусловно, во многом явилось следствием не внутренних, имманентных импульсов ее развития, а причин внешних – глобальных экономических и социально-политических катаклизмов. Изменение научно-технического потенциала РК с 1990 по 1995 гг. в целом и всех его составляющих: финансовой, материально-технической, кадровой и др. характеризуется резким снижением всех показателей. Падение достигло сегодня отметки, переход за которую сделает невозможным восстановление ее прежнего уровня в течение многих последующих десятилетий. Сегодня встал вопрос о допустимости той грани разрушения старого в качестве платы за достижение прогрессивных целей. Важно не перейти ту, за которой становится принципиально невозможным не только создание желанного нового, но и восстановление хотя и не идеального, но все-таки вполне жизнеспособного прошлого. Системный кризис, в котором оказалась казахстанская наука, ее научно-технический потенциал (НТП) грозит ей национальной катастрофой, откатом на многие десятилетия, а может быть, и навсегда, на обочину мирового сообщества. Сегодня, когда все сферы современного общества (производственная и непроизводственная) замкнуты на науку, научно-технические инновации являются не только необходимым, но и главным условием прогресса и конкурен-

тоспособности любого вида человеческой деятельности и его результатов. В период совершающегося у нас на глазах глобального перехода человечества к новой, постиндустриальной цивилизации, на реальное и потенциальное лидерство в мире могут претендовать только страны, обладающие наивысшей степенью развитости НТП. Об этом свидетельствует опыт развитых стран, доля расходов которых на науку весьма высока.

Каждая историческая эпоха рождает своих гениев. По сложившейся мировой традиции, человека, обладающего энциклопедическими знаниями, выдающимися способностями исследователя и мыслителя-гуманиста, с обостренным чувством гражданского долга и сознанием высочайшей ответственности перед своим народом и всем человечеством, принято сравнивать с лучшими представителями эпохи. Наша страна дала миру немало достойных имен, заслуги которых были признаны не только на родине, но и во всем мире. Это Ч.Ч. Валиханов, К.И. Сатпаев, М.О. Ауэзов и многие другие.

Помня о том, что по мере развития науки и техники происходит усложнение всех жизненных процессов, возрастает доля участия в них человека, ответственный ученый считает одной из важнейших задач науки совершенствование позитивных тенденций в жизни Земли и околоземного пространства. Без сознательного вмешательства научных сил невозможно обеспечить не только нормальное, естественное развитие природы (включая ее социальную составляющую), но и ее сохранение. Биологическая наука Казахстана получила мировую известность благодаря многим ее ученым, таким, как академик Мурат Абенович Айтхожин – крупнейший казахстанский специалист в области молекулярной биологии и биохимии. С его именем связано зарождение в Казахстане молекулярной биологии. Много сил и труда потратил он на создание специализированного научно-исследовательского института этого направления, который ныне носит его имя. Им также был организован Казахский сельскохозяйственный биотехнологический центр, где проводятся работы по клеточной и генной инженерии растений.

В АН КазССР с 1937 г. работал Илларион Григорьевич Галузо – доктор биологических наук, профессор, зоолог, академик

(1899–1977). Он был академиком-секретарем, главным ученым секретарем АН (1946–1951). Он входил в «четверку» аппарата, работал рядом с Сатпаевым, Ауэзовым. Он организовал институт зоологии, музей природы (один из 4 музеев АН). В день его 115-летия его супруга передала его крылатые слова назидания молодым ученым Казахстана: 1) надо глубоко и творчески работать над проектами; 2) чувствовать локоть сопредельной науки; 3) осознавать то, что ты способен отдать для развития науки; 4) важно иметь золотые руки умельца, профессионализм в профессии; 5) обладать общим благородством и скромностью.

Для исследователя наука является целью и смыслом деятельности. Для общества – это средство, позволяющее обеспечить его благополучную, безопасную жизнь и достаток сейчас и в обозримой перспективе. В ответ на вызовы, с которыми сталкивается общество, оно, опираясь на науку, добытое знание, создает новые товары и услуги (результат внедрения изобретений, нововведений, которые сейчас часто называют инновациями), порождает новые организационные стратегии и цели, меняет мировоззрение и идеологию.

Научно-исследовательский институт проблем биологической безопасности КН МОН РК – одно из крупнейших учреждений науки Казахстана в области биологической безопасности, биотехнологии, молекулярной биологии, эпидемиологии, эпизоотологии, вирусологии и иммунологии.

В настоящее время институт, имея мощную экспериментальную базу, проводит научные исследования и занимается производством биопрепаратов на современном уровне. Постановлением Правительства с 2000 г. за институтом закреплён статус особо охраняемого объекта РК. Его структура включает 11 научно-исследовательских лабораторий, технологические, научно-информационные, инженерно-технические и административно-хозяйственные отделы. Здесь работают более 277 сотрудников, из них 110 научных работников, основную массу которых составляет молодежь. Это специалисты по ветеринарной вирусологии, эпизоотологии, иммунологии, молекулярной биологии и биохимии, биотехнологии, микробиологии, радиологии и фитопатологии.

С целью обеспечения биологической безопасности своей страны от высокопатогенного гриппа птиц в 2006 г. институтом была разработана технология изготовления ветеринарной вакцины «Казахстан-15» против гриппа птиц для сельского хозяйства страны. Она была успешно апробирована в условиях НИИПББ и в птицеводческих хозяйствах трех областей. В настоящее время вакцина производится в институте и широко применяется на всей территории республики. Учеными института в последние годы независимости достигнуты значительные инновационные для республики научные результаты: впервые в Казахстане для здравоохранения разработаны отечественные пандемические гриппозные вакцины: «Рефлювак» (Refluvac) – для вакцинации людей против «свиного» гриппа А/Н1N1 и «Казфлювак» (Kazfluvac) – против «птичьего» гриппа А/Н5N1. Доклинические и клинические испытания вакцин успешно прошли как в отечественных научных институтах, так и в крупных международно признанных научных центрах России. Результаты клинических исследований показали, что вакцины «Рефлювак» и «Казфлювак» по всем параметрам соответствуют европейским и международным требованиям и критериям, предъявляемым к вакцинам. Эксперты ВОЗ, наблюдавшие за проведением испытаний, отметили высокое качество и безопасность казахстанских противогриппозных вакцин.

Благодаря этим исследованиям, Казахстан входит в число тех 13 государств, которые располагают собственной вакциной против «птичьего», и пятой страной, которая имеет свою вакцину против «свиного» гриппа. У государства есть свои технологии и вакцины, в результате чего Казахстан сможет своевременно противостоять угрозе пандемии «птичьего» и «свиного» гриппа.

На основе биотехнологических методов создано 5 новых сортов высокоурожайной пшеницы, устойчивых к неблагоприятным климатическим условиям и болезням. Сорты районированы в Восточно-Казахстанской, Жамбылской, Алматинской и Южно-Казахстанской областях. Наряду с этим, созданы новые сорта риса, разработана новая технология получения семенного картофеля.

Для нужд сельского хозяйства разработана технология и налажен выпуск сухой и жидкой форм биологических препаратов, на 12–26% повышающих урожайность зернобобовых культур (горох, нут, чечевица). Впервые создан бактериальный инсектицидный препарат «Биотуринаспорогенный» против гусениц непарного шелкопряда, сосновой пяденицы, листовертки, златогузки, хлопковой совки и серой зерновой совки. Создан новый эффективный инсектицидный препарат «Битокситурин» – против колорадского жука, паутинного клеща. Препарат прошел регистрационные испытания в Казахстане.

Сейчас в различных регионах страны проходят государственное сортоиспытание 5 новых сортов яровой мягкой пшеницы: «Степная-15», «Северянка», «Северянка-2», «Отан-1», «Дастархан» и два сорта озимой пшеницы: «Светлая», «Раминал». Новый сорт озимой мягкой пшеницы «Раминал» характеризуется высокой продуктивностью и устойчивостью к бурой и желтой ржавчине. Потенциальный урожай нового сорта – 92 центнера/га, содержание сырого протеина – 17%.

Мировое признание получила и химическая школа Казахстана. Арыстану Газалиеву не было 40 лет, когда он защитил докторскую диссертацию и через год стал профессором, а через три – членом-корреспондентом НАН РК, после чего последовало назначение на должность заместителя директора Института органического синтеза и углехимии НАН РК по научной работе. За лучшую научную работу в системе Академии наук А. Газалиев удостоился в 1992 г. медали и премии АТ-Фонда. Скоро его приняли в действительные члены Нью-Йоркской академии наук. Через два года он был избран членом-корреспондентом, а в 2003-м – академиком НАН РК. В том же году за создание нового научного направления в области синтеза биологически активных веществ на стыке тонкого органического синтеза, химии алкалоидов, фармакологии и квантовой химии А. Газалиев стал лауреатом Государственной премии РК в области образования, науки и техники.

Казахстанские ученые открыли новый минерал из углеводородных кластеров. Открытие имеет перспективное научно-

практическое значение для высоких технологий в области медицины и химии.

Американский биографический институт (Северная Каролина, США) присудил золотую медаль за выдающиеся заслуги в медицине доктору медицинских наук, профессору, лауреату Государственной премии Республики Казахстан, председателю Агентства РК по делам здравоохранения Жаксылыку Доскалиеву. Он удостоился этой награды среди 1 400 известных ученых со всего мира, сообщает пресс-служба агентства.

Это международное признание успешной работы казахстанского ученого в такой перспективной, имеющей мировое значение области научных исследований, как трансплантация эмбриональных клеток (речь идет о клетках, которые в будущем позволят регенерировать печень).

Мировое признание получила и философская школа Казахстана, у истоков которой стояли отечественные ученые – Ж.М. Абдильдин, А.Н. Нысанбаев, А.Х. Касымжанов, К.А. Абишев, М.С. Сабитов. Огромен вклад в становление и развитие независимости нашей родины академика Салыка Зимановича Зиманова. Являясь по праву основоположником приоритетных научных исследований, связанных с проблемами истории и теории государства и права, теоретических и методологических проблем права и законодательства, общественно-политической мысли Казахстана, он до конца жизни оставался интеллигентным, простым в общении человеком. Он был истинным государственным, романтиком и человеком национального масштаба, активно участвовавшим в укреплении государственно-правового суверенитета и независимости республик, он был яркой творческой индивидуальностью, подлинным духовным центром, из которого все мы, как из неиссякаемого источника, черпали творческую энергию и силу, порядочность и свободу, человечность и красоту.

Для реализации открытости и включенности нашей науки в мировую необходимо участие наших ученых и инженеров в зарубежных и совместных проектах. Полное и эффективное использование потенциала научных организаций и учреждений для развития казахстанской науки возможно только при

расширении доступа отечественных и зарубежных ученых к оборудованию, научно-производственным базам и другим научным ресурсам.

«ЭКСПО-2017» – это не только экзамен для страны, выставка позволит раскрыть наш созидательный потенциал, она даст толчок инновационному развитию республики. Для организации «ЭКСПО-2017» в Астане Казахстан была предложена тема «Энергия будущего». Она направлена на поиск путей для качественных изменений в энергетике, включая, прежде всего, развитие альтернативных источников энергии и новых способов ее транспортировки. Выбор Казахстаном данной темы обусловлен тем, что, обладая значительными запасами традиционных энергоресурсов, наша страна последовательно принимает меры по использованию альтернативных источников энергии и взяла курс на построение «зеленой» экономики.

Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев заверил, что Казахстан приложит максимум сил, чтобы международная выставка EXPO в 2017 г. в Астане прошла на высочайшем уровне. Впервые ЭКСПО состоится в самом сердце огромного Евразийского континента. Всемирная выставка «Энергия будущего» даст мощный импульс преобразованиям в глобальной энергетике. На выставках «ЭКСПО» все государства мира показывают свои лучшие технологические, научные, культурные достижения. Они формируют новую повестку глобального развития. Н. А. Назарбаев в своем видеообращении к соотечественникам в связи с получением Казахстаном права на проведение международной специализированной выставки «ЭКСПО-2017» подчеркнул, что победа Астаны в острой конкурентной борьбе далеко не случайна. Во-первых, это признание нашей столицы как центра, достойного принять событие всемирного ранга. Во-вторых, выбор в пользу Казахстана говорит о высокой оценке успехов нашего государства и подчеркивает перспективы его развития, как и всего Евразийского региона. В-третьих, победе помогла актуальность предложенной темы – «Энергия будущего». И, наконец, главное – выбор Астаны стал плодом усилий всего казахстанского народа, – сказал Президент Казахстана [7].

Литература

1 Назарбаев Н.А. Послание Президента народу «Стратегия «Казахстан-2050» – новый политический курс состоявшегося государства». – Астана, 2012.

2 Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Прогресс, 1991.

3 Акты Генеральной конференции. Восемнадцатая сессия. – Париж, 17.10 – 23.11. 1974. Т. 1: Резолюции. – Париж: ЮНЕСКО, 1975. – С. 187–188.

4 См.: Еще раз о законе, которого ждет наука. Интервью с президентом Национальной академии наук М. Журиновым // <http://thenews.kz/2010/10/07/555089.html>

5 Кошанов А.К. Национальные экономические интересы и отношения собственности. – Алматы, 2010. – С. 71–110.

6 Национальный научный портал Республики Казахстан // http://www.nauka.kz/page.php?page_id=781&lang_id=1

7 См.: Казахстанская правда. – № 232. – 2013, 13 июля // <http://kp.kazpravda.kz/c/1353703628>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нравственные проблемы возникают не в самой науке, как определенной системе знаний о мире и человеке, а в творчестве ученого, в его сознании, или в сообществе ученых, в их взаимоотношениях. Принципы науки являются неиерархическими, они ориентируют на объективность, отказ от политической конъюнктуры, способность противостоять давлению извне.

Этика науки – область философской и внутринаучной рефлексии о моральных аспектах, как собственно научной деятельности, включая как взаимоотношения внутри научного сообщества, так и взаимоотношения науки и научного сообщества с обществом в целом. Как особая дисциплина, этика науки ставит своей целью прояснение и изучение этических норм, которые используются в научном познании, а также анализирует конкретные коллизии нравственного характера, возникающие в ходе продвижения науки. Этика науки осуществляет совместный поиск разумных решений, в котором принимают участие и ученые, и общественность.

Основной вопрос этики науки – проблема соотношения научного познания и ценностного мышления. В западной литературе данную проблему называют дилеммой Галилея – Канта. Если Галилей считал основой научного этоса безусловное служение истине, то И. Кант внес в эту проблему мировоззренческий аспект, напрямую связанный с ответственностью ученого.

Отмеченная дилемма сохраняется и в наше время: в науке – важна ли для ученого нравственность, духовность или полезность?.. Кто ты – пользователь или ответственный исследователь? По этому принципу различаются конкурирующие направления в науке: экономоцентризм и гуманизм. Так, слово «этика» в понятии «биоэтика» больше напоминает экономическую категорию, что, в свою очередь, актуализирует усиление

необходимости гуманитарной экспертизы научных проектов, осуществление социальной миссии философа – быть проводником понимания сложности, хрупкости и непредсказуемости современного мира, соответствующих современной ситуации развития науки, техники и социальных отношений.

Забвение выработанных человеческой культурой нравственно-экологических норм и принципов отношения к природе, размывание моральных и духовных ценностей, непонимание принципиальной новизны проблемной ситуации, возникающей в ходе и результате мировых процессов, являются одними из главных причин современного глобального кризиса.

Степень глубины и остроты осознания моральной ответственности является разной у всех субъектов общества, является своеобразным признаком, характеризующим различные эпохи становления и развития человечества. Многоаспектность и многовекторность данного феномена есть следствие сложного характера взаимоотношений индивидов, наций, поколений. По мнению американского философа У. Хороза, современная эпоха – эпоха кризиса ответственности. Ее характерная особенность – грандиозный разрыв между ответственностью *за* и ответственностью *перед*. Человек утратил свою самость, а вместе с ней – и возможность ответственного выбора.

Нельзя не согласиться с мнением выдающегося гуманиста Альберта Швейцера: этика есть безграничная ответственность за всё, что живет; этика благоговения перед жизнью (человеческой, прежде всего) делает большую ставку на повышение чувства ответственности человека.

Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитетінің Философия, саясаттану және дінтану
институты туралы мәлімет

Институт 1999 жылдың ақпан айында 1958 жылы ашылған Философия және құқық институтының және 1991 жылғы Философия институтының негізінде құрылды. Ол 2012 жылдың мамыр айында ҚР Үкіметінің қаулысымен Философия, саясаттану және дінтану институты болып қайта аталды.

Институттың мемлекеттік ғылыми-зерттеу мекеме ретіндегі негізгі міндеттері қазіргі қазақстандық қоғамның зияткерлік және рухани-адамгершілік әлеуетін дамытуға бағытталған философиялық-дүниетанымдық, философиялық-әдіснамалық, саясаттанулық, дінтанулық және әлеуметтанулық зерттеулер жүргізу болып табылады.

Бүгінде Философия, саясаттану және дінтану институты жоғары кәсіби ғылыми-зерттеу орталығы болып табылады. Институт оның құрылымын айқындайтын үш басты бағыт бойынша жұмыс істейді: философия, саясаттану және дінтану. Онда ҚР ҰҒА 1 академигі, 2 корреспондент мүшесі, 21 ғылым докторы, 12 ғылым кандидаты, 3 PhD докторы, 13 PhD докторанты және 7 магистрант ғылыми-зерттеу жұмыстарымен айналысады. Олардың ішінде 5 PhD докторант және 6 магистрант 2014 жылы «Ғылым Ордасының» базасында ҚР БҒМ ҒК ҒЗИ-нің әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-мен бірігіп жүргізетін ғылым мен білімнің интеграциясы жобасы шеңберінде магистратура мен докторантураға оқуға түсті.

Институт 2012–2014 жылдарға арналған «Елдің зияткерлік әлеуеті» басым бағыты бойынша гранттық қаржыландыру шеңберінде 24 ғылыми-зерттеу жобасын орындайды. «Ғылыми қазына» салааралық ғылыми бағдарламасы аясында зерттеу жұмыстарын және 2013–2015 жылдарға арналған «Қазақстан-2050» Стратегиясын ғылыми ілеспелеу бойынша Тақырыптық жоспар аясында зерттеулер жүргізеді.

Институт қызметкерлері саясат, ғылым, білім беру, мәдениет, дін, қазақ және әлемдік философия мәселелері бойынша монографиялар мен ғылыми мақалалар жариялайды. Институт қызметкерлерінің ғылыми жарияланымдары таяу және алыс шетелдердің ғылыми рейтингтік басылымдарында сұранысқа ие.

Институт «Мәдени мұра» бағдарламасының шеңберінде «Шығыс Аристотелі» – әл-Фарабидің шығармалар жинағын (10 том), «Әлемдік философиялық мұраны» (20 том), «Қазақ халқының философиялық мұрасын» (20 том) шығарды.

Институт ҚР БҒМ Білім және ғылым саласындағы бақылау комитеті ұсынған екі журнал шығарады: «Адам әлемі» (1999 жылдан бері) және «Әл-Фараби» (2003 жылдан бері). Қазақ, орыс және ағылшын тілдеріндегі Институттың өз сайты бар.

Институт үнемі халықаралық ғылыми конференциялар, дөңгелек үстелдер, семинарлар, пікірталас алаңдарын өткізіп тұрады. Бұл іс-шараларға қазақстандық және шетелдік ғалымдар қатысады. Институт Ресейдің, Беларусьтің, Әзірбайжанның, Қырғызстанның, Қытайдың, Германияның, АҚШ-ның, Түркияның, Иранның, Өзбекстанның, Тәжікстанның және басқа да елдердің ғылыми-зерттеу орталықтарымен тығыз ынтымақтастық орнатқан.

Философия, саясаттану және дінтану институтының базасында әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Абай атындағы ҚазҰПУ, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӨТУ, ХБА және т. б. жетекші қазақстандық жоғары оқу орындарының магистранттары мен PhD докторанттары тағылымдама мен зерттеу тәжірибесін өткізеді.

Институтта қызметкерлердің кәсіби және ғылыми тұрғыда өсуі үшін барлық қажетті жағдайлар жасалған.

Философия, саясаттану және дінтану институты туралы анағұрлым кең ақпаратты мына мекен-жайдан алуға болады:

Қазақстан Республикасы, 050010,
Алматы қаласы, Құрманғазы көшесі, 29 (3 қабат)
Тел.: +7 (727) 272-59-10
Факс: +7 (727) 272-59-10
E-mail: iph@iph.kz
<http://www.iph.kz>

**Информация об Институте философии,
политологии и религиоведения Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан**

Институт был образован в феврале 1999 г. на базе созданного в 1958 г. Института философии и права, преобразованного в 1991 г. в Институт философии. В мае 2012 г. постановлением Правительства он был переименован в Институт философии, политологии и религиоведения.

Основной задачей Института как государственного научно-исследовательского учреждения является проведение философско-мировоззренческих, философско-методологических, политологических, религиоведческих и социологических исследований, направленных на развитие интеллектуального и духовно-нравственного потенциала современного казахстанского общества.

Сегодня Институт философии, политологии и религиоведения является высокопрофессиональным научно-исследовательским центром. Институт работает по трем ключевым направлениям, определяющим его структуру: философия, политология и религиоведение. Здесь проводят научные исследования 1 академик, 2 члена-корреспондента НАН РК, 21 доктор и 12 кандидатов наук, 3 доктора PhD, 13 докторантов PhD и 7 магистрантов. Из них 5 докторантов PhD и 6 магистрантов в 2014 г. поступили в магистратуру и докторантуру PhD НИИ КН МОН РК совместно с КазНУ им. аль-Фараби на базе «Ғылым ордасы» в рамках проекта интеграции науки и образования.

В Институте на 2012–2014 годы по приоритету «Интеллектуальный потенциал страны» выполняется 24 НИПа в рамках грантового финансирования, ведется работа в рамках междисциплинарной научной программы «Ғылыми қазына», проводятся исследования в рамках Тематического плана по научному сопровождению Стратегии «Казахстан-2050» на 2013–2015 годы.

Сотрудниками издаются монографии и научные статьи по вопросам политики, науки, образования, культуры, религии, казахской и мировой философии. Научные публикации сотрудников Института востребованы в научных рейтинговых изданиях ближнего и дальнего зарубежья.

В рамках программы «Культурное наследие» Институтом изданы собрание сочинений «Аристотеля Востока» – аль-Фараби (10 томов), «Мировое философское наследие» (20 томов), а также «Философское наследие казахского народа» (20 томов).

Издаются два журнала: «Адам әлемі» (с 1999 г.) и «Аль-Фараби» (с 2003 г.), рекомендованных Комитетом по контролю в сфере образования и науки МОН РК. Институт располагает собственным сайтом на трех языках: казахском, русском и английском.

Институт регулярно проводит международные научные конференции, круглые столы, семинары, дискуссионные площадки, в которых принимают участие казахстанские и зарубежные ученые. Институт тесно сотрудничает с крупнейшими научно-исследовательскими центрами России, Белоруссии, Азербайджана, Кыргызстана, Китая, Германии, США, Турции, Ирана, Узбекистана, Таджикистана и других стран.

На базе Института философии, политологии и религиоведения проходят стажировку и исследовательскую практику магистранты и докторанты PhD ведущих казахстанских высших учебных заведений, таких, как КазНУ им. аль-Фараби, КазНПУ им. Абая, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, МАБ и др.

В Институте созданы все необходимые условия для профессиональной работы и научного роста сотрудников.

Более подробную информацию об Институте философии, политологии и религиоведения можно получить по адресу:

Республика Казахстан, 050010
Алматы, ул. Курмангазы, 29 (3 этаж)
Тел.: +7 (727) 272-59-10
Факс: +7 (727) 272-59-10
E-mail: iph@iph.kz
<http://www.iph.kz>

Information about the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies of Committee Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

The Institute was established in February 1999 on the base of established in 1958 the Institute for Philosophy and Law, and the Institute for Philosophy in 1991. By the Decree of Kazakhstan Government in 31 May, 2012, Institute was renamed to Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies.

The main objectives of the Institute as a public research institution are conducting of philosophical world outlook, philosophical-methodological, political studies, religion studies and sociological studies aimed at social-cultural and social-political development and strengthening the independence of Republic of Kazakhstan, development its intellectual and spiritual-moral potential.

Institute of Philosophy, Political Science and Religion Studies is a highly skilled scientific research center. Institute has a three key directions that define its structure: philosophy, political science and religion studies. Currently, scientific research works is conducted by 1 Academician, 2 Correspondent Member of the National Academy of Science of RK, 21 Doctors of Science, 12 Candidates of Science, 3 PhD doctor in Political Science, 13 PhD Students and 7 Master Students. In 2014 5 PhD students and 6 Master's students enrolled in master's and doctoral PhD training programs of SRI CS MES RK in cooperation with the al-Farabi Kazakh National University on the basis of the «Gylym Ordasy» within the frameworks of science and education integration project. 24 scientific-research projects within the framework of grant financing for 2012–2014 years on priority of «Intellectual potential of the country» are being conducted, also the works within the framework of interdisciplinary scientific research program «Gylymi kazyna» are being carried out in the Thematic Plan on scientific support of the Strategy «Kazakhstan-2050» for 2013–2015.

Institute employees publish the monographies and articles on important issues of politics, science, education, religion, culture, Kazakh and world philosophy, etc. The quality of scientific publications of the Institute is determined by the demand for scientific articles in rating' journals of near and far abroad.

Under the «Cultural Heritage» State Program ten-volume collection of works called «Aristotle of the East» – al-Farabi, twenty volumes «World philosophical heritage», twenty volumes «The Philosophical Heritage of the Kazakh nation», and other books were published by the Institute.

Institute publishes two magazines: «Adam alemi» and «Al-Farabi» recommended by the Committee for Control of Education and Science of RK

that been published since 1999 and 2003. The Institute has its own website in three languages: Kazakh, Russian and English.

Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies science regularly organizes international scientific conferences, seminars, round tables, where not only leading Kazakhstani political scientists and philosophers, but also many scientists from foreign countries are participants. Institute has cooperation with scientific-research centers of Russia, China, Germany, USA, Turkey, France, Great Britain, Iran, Azerbaijan, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan, Belarus and others.

Undergraduate Master's degree and Doctorate students from leading Kazakh universities, such Al-Farabi KazNU, Abai KazNPU, Abylaikhan KazUIR&WL, IAB and others are conducting their research work and are trained at the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies.

The Institute has created all necessary conditions for professional and scientific development of employees.

More detailed information about the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies can be found at:

Republic of Kazakhstan, 050010
Almaty, Kurmangazy Street, 29 (3rd floor)
Phone: +7 (727) 272-59-10
Fax: +7 (727) 272-59-10
E-mail: iph@iph.kz
<http://www.iph.kz>

Научное издание

**ЭТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УЧЕНЫХ**

При оформлении обложки использован интернет-ресурс

Редактор *Е.Н. Дремкова*

Компьютерный дизайн и верстка *Л.Н. Токтарбекова*

Подписано в печать 7.11.2014. Формат 70/100^{1/16}
Усл. п.л. 9. Тираж 500. Печать офсетная.

Отпечатано в типографии «ИП Волков А.И.»
г. Алматы, пр. Райымбека, 212/1, оф. 319.
Тел.: 330-03-12, 330-03-13